

**УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

*Институт менеджмента
и права*

Кафедра философии

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Материалы XV
Всероссийской научно-практической
конференции
(с международным участием)
21 апреля 2016 года

ISSN 241-4618

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Материалы XV
Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)
21 апреля 2016 года

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2016

УДК 101.1
ББК Ю 25
Ф56

Печатается по решению кафедры
философии УрГПУ
(Протокол № 7 от 03.03. 2016)

Редакционная коллегия:

А.А. Симонова – ректор УрГПУ, профессор;
Л.А. Беляева – доктор философских наук, профессор;
О.А. Блинова – кандидат философских наук, доцент;
Ю.А. Горбунова – кандидат философских наук;
И.Г. Чугаева – кандидат педагогических наук.

Философия и наука: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Екатеринбург, 21 апреля 2016 г. / под ред. Л.А. Беляевой и О.А. Блиновой / ООО «Вектор-Плюс» – Екатеринбург, 2016. – 377с.

В сборнике представлены материалы XV Всероссийской научно-практической конференции философов, ученых, работающих в вузах Российской Федерации и за ее пределами. В издании нашли отражение многочисленные проблемы взаимосвязи конкретно-научных исследований и философии как их мировоззренческой и теоретико-методологической основы. Книга будет полезна аспирантам, соискателям и всем, кто интересуется философией и методологией науки.

©Уральский государственный педагогический университет, 2016
ISSN 241-4618

СОДЕРЖАНИЕ

Философия образования

<i>Андрюнина А.С.</i> Формирование ценностного отношения к профессии педагога в процессе вузовского обучения.....	7
<i>Блинова О.А.</i> Роль религиозного образования в развитии духовно-нравственных качеств личности.....	13
Гончаров С.З. Пора осмыслить диалектику рационально.....	23
<i>Горбунова Н.Е.</i> Проблема педагогической толерантности в контексте инклюзивного образовательного пространства.....	32
<i>Дыдров А.А.</i> Российское образование в условиях футуроплюрализма.....	40
<i>Изместьев Н.С., Бартош Д.С., Бендюков А.Б., Дронов Д.С.</i> Международный образовательный кластер.....	50
<i>Князева О.И., Забара Л.И.</i> Научно-исследовательская деятельность студентов как элемент системы высшего педагогического образования.....	57
<i>Летягин Л.И.</i> «Постнеклассическое» обществознание в поисках истины.....	68
<i>Марамзина Н.Ю.</i> Психологическая помощь детям с ослабленным слухом.....	82
<i>Пеннер Р.В.</i> Обучение медиаграмотности посредством обращения к практике видеограундинга.....	90
<i>Ромащенко М.А., Ромащенко А.А.</i> Опыт применения интерактивных методик в преподавании философии.....	101
Философия безопасности	
<i>Алексеева В.А.</i> Национальное мироотношение в контексте проблем цивилизационного развития современной России.....	109
<i>Блинов А.Г.</i> Оценка рисков чрезвычайных ситуаций и совершенствование действий сил гражданской обороны.....	133
<i>Вотченко И.А., Даутов Д.М.</i> Анализ исполнения мер пожарной безопасности и совершенствование системы управления обеспечением первых мер пожарной безопасности муниципального	

образования (на примере ЗАТО Северск).....	145
Ивачев З.П. История и методология изучения социальной проблемы жилья в современной российской социологии.....	153
Макарова А.А. Проблема фальсификации реалий СССР в современной исторической науке.....	160
Меняева М.П., Невелева В.С. Конфликт: философские основания осмысления.....	165
Самкова В.А. Индекс счастья: социально-философские аспекты.....	173
Фадейкин Ф.Н. Структура общества потребления.....	187
Шалагин Н.Ю., Горбунова Ю.А. Мир без войны и насилия.....	195
Философское осмысление духовности в контексте вызовов современности	
Азарова Ю.О. Концепты «дифференциация» и «дифференциация» в философии Ж. Делеза.....	200
Баринова Е.С. Философско-методологический анализ самосознания.....	208
Беляева Л.А. Аксиологические основания теории человеческих потребностей.....	214
Борисов С.В. Ценность философствующего субъекта или Жизнь в согласии с самим собой.....	224
Бухарцева Н.Г. Раздвоение ценностного мира личности как форма проявления духовного кризиса современности.....	232
Воробьева М.А., Сигнаевская О.Р. Смысложизненные ценности: философско-психологические аспекты.....	240
Гаврилов М.А. Духовные практики античной философии.....	245
Жамбацэрэн Намжилсурэн, Руженцева Н.Б. Межкультурная толерантность в форматах российско-монгольского межнационального дискурса.....	251
Изагина Ю.А., Изагина О.А., Чугаева И.Г. Искусство арт-брют как проявление нигилизма и созидания (на примере творчества Ж. Дюбюффе).....	263

Исаков А.А. У истоков религиозной толерантности: проблема терпимости к атеизму в просветительской философии.....	270
Михайловская Н.М., Дильмиева А.Р. Противоречивость ценностных ориентиров современной молодежи.....	288
Новикова О.Н. Игровые практики организации времени и пространства античного мира.....	293
Плотников И.В. Метафорология в истории науки.....	304
Сигнаевская О.Р., Стрельчук Т.А. Концепция промежуточного слоя знаний: диалектическое единство философии и науки	312
Стрельчук Т.А., Горбунова Ю.А. Идеалы современной молодежи	319
Сысоева Ю.А. Идеалы современной молодежи: размышления молодой женщины	323
Чен Мо, Вагнер А.К. Проблема толерантности в процессах межкультурной коммуникации.....	330
Шпека К.А. К проблеме содержания понятия небытия.....	337
Шумихина Л.А. Философия русской иконы: методология интерпретации.....	345
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	353

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ГРНТИ14.35.07

УДК37.01

Андрюнина Анна Сергеевна

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ценностные отношения, студенты, будущие педагоги.

АННОТАЦИЯ. Статья затрагивает актуальные проблемы профессиональной аксиологии. В материале представлен обзор научных подходов к анализу категории ценность; описываются возможности формирования ценностного отношения к профессии у будущих педагогов в процессе вузовской подготовки. Также приводится опыт систематической работы в данном направлении, реализуемой в одном из педагогических вузов.

Andryunina Anna Sergeevna

FOMATION OF VALUABLE ATTITUDE OF THE PEDAGOGICAL PROFESSION IN THE PROCESS OF HIGHER EDUCATION

KEY WORDS: Valuable attitude, students, future teachers

ABSTRACT. The article touched upon the relevant problems of professional axiology. In the given material one can find survey of scientific approaches to the analysis of the category of value possibilities of formation of valuable attitude among future teachers in the process of training at the university. Besides, there is some survey of experience concerning systematic work in this trend, realized in one of pedagogical universities.

Аксиология в последние годы становится все более востребованной в научном мире, ее понятийный и категориальный аппарат еще более детализируется и уточняется. Изучение ценностей в образовательном процессе происходит в рамках педагогической аксиологии, которую определяют как науку о ценностях образования: о системе значений, норм, идеалов, регулирующих взаимодействие в образовательной сфере и формирующих соответствующий компонент в структуре личности, их природе, функциях, взаимосвязях.

Идеология развития отечественной системы образования впервые за последние десятилетия включает в себя вопросы, связанные с ценностными основаниями. Так, согласно Закону РФ «Об образовании в Российской Федерации», воспитание трактуется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе *социокультурных, духовно-нравственных ценностей* и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [4].

Категория ценностей является одной из важнейших для педагогики, и к ее изучению обращались такие исследователи, как Б.С. Брушлинский, В.И. Горюва, Т.И. Власова, Н.Д. Никандрова, В.М. Розина, В.А. Сластенин, Г.И. Чижаква, П.Г. Щедровицкий и др. При этом для педагогической аксиологии оказываются значимыми такие понятия, как система ценностей, ценностная установка, ценностная ориентация, ценностные отношения и др.

В.А. Бурцев определяет ценностные отношения как «побуждаемые и направляемые ценностными ориентациями поступки и действия личности, значимые для нее как сами по себе, так и по их результатам» [2]. Ценностное отношение складывается в социальной практике, закрепляется в сознании людей ритуалами и традициями. Ценностным может стать отношение к жизни, к профессии, к здо-

ровью, к природе, к обществу в целом, к окружающим, к самому себе и т.д. (А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган, А. Маслоу, П. Менцер, М. Рокич, В.А. Ядов и др.) [1].

Одним из наиболее существенных факторов, оказывающих влияние на ценностное отношение к жизни и профессии, является трудовая деятельность, в связи с этим ряд исследователей (М.Я. Дворкина, И.О. Загашев, Н.Ю. Зыкова, В.А. Мальцев и др.) посвящает свои труды исследованию профессиональных ценностей.

Нами под ценностным отношением к профессии педагога понимается осознаваемая и разделяемая педагогом система ценностей, представлений, установок, связанных с профессией, определяющих общую направленность педагогической деятельности, а также выбор путей и средств овладения знаниями, умениями, которые необходимы для оптимального выполнения профессиональных функций. Очевидно, что аксиологические ориентиры по отношению к будущей профессии закладываются еще в процессе профессионального обучения – в педагогическом вузе, колледже. И именно они впоследствии должны стать базисом, определяющим характер всей трудовой деятельности индивида.

Сегодня все актуальней становится проблема формирования ценностного отношения к будущей профессии у студентов в процессе вузовского обучения. Часто выбор педагогического вуза при поступлении обусловлен ожиданиями менее жестких вступительных экзаменов, нежели действительным желанием посвятить себя профессии педагога.

В связи с этим ряд ученых считают необходимым ввести в обучение дополнительные спецкурсы, где студенты погружаются в педагогическую аксиологию, овладевают знаниями о ценностях их специфике их применительно к профессии педагога. Это связано с тем, что в процессе обучения ценности позволяют сформировать в сознании студента идеальную модель своей будущей профессио-

нальной деятельности, что станет мотивацией к профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию (И.О. Загашева, З.Н. Курлянд, Ю.А. Райсвих и др.) [3].

Однако только один спецкурс вряд ли сможет принципиально повлиять на формирование ценностного отношения к профессии. Очевидно, для будущих педагогов необходимо обеспечить условия, способствующие формированию профессиональных ценностей, значимых для работы учителем, воспитателем в интеграции различных форм обучения (аудиторной и внеаудиторной), профильно-ориентированных мероприятиях и т.д.

В связи с вышеизложенным в Институте педагогики и психологии детства УрГПУ были разработаны и поэтапно внедрены в образовательную практику организационно-педагогические условия, способствующие формированию профессиональных ценностей у будущих педагогов.

На ориентационном этапе основной задачей является обеспечение атмосферы, благоприятной для формирования профессионально-ориентированных представлений у студентов о сути и специфике педагогической деятельности в целом. Предназначение данного этапа заключается в активизации у студентов (преимущественно младших курсов) интереса к учебной работе в вузе, общей ориентации на профессию педагога дошкольного образования, актуализации и расширении их опыта учебной деятельности.

Реконструктивный этап способствует принятию и осознанию студентами системы ценностей, представлений, установок, связанных с профессией педагога конкретной ступени образования (дошкольной, начальной). На данном этапе приоритетное значение отводится производственной практике, а также более насыщенной для студентов (предвыпускного курса) оказывается внеучебная работа, реализуемая через академические мероприятия (педагогические олимпиады, конференции), и более свободные формы – педагогические дебаты, конкурсы («Педагогический дебют»), педагогический кино клуб и др.

На конструктивном этапе реализации организационно-педагогических условий, направленных на формирование у студентов ценностного отношения к профессии, значимым становится не только осознание и принятие себя в этой профессии, но и трансляция ценностного отношения к профессии в целом, а также к субъектам, включенным в образовательную деятельность: детям, ученикам, их родителям, студентам, коллегам.

При этом студенты старших курсов становятся не только участниками проводимых мероприятий, но и их организаторами. Студенты выпускных курсов помогают в организации конференций и проектов: «Социальное развитие ребенка-дошкольника», «Педагогические династии УрГПУ», «Моя инициатива в образовании» и др.

Переход студентов с позиции исполнителя к ответственному организатору способствует более осознанному включению студентов в педагогическую деятельность, в результате чего происходит ценностное переосмысление мотивов профессиональной деятельности, оценка себя в качестве субъекта педагогической работы, овладение позитивным опытом в педагогической практике.

Не случайно 65% студентов выпускных курсов ИПиПД УрГПУ, согласно результатам диагностического эссе «Я через двадцать лет», видят себя именно в сфере образования, обосновывая свою позицию «возможностью самообразования и саморазвития», «желанием общаться с детьми», наличием «работы, приносящей удовольствие», уверенностью в «дружном педагогическом коллективе», «возможностью карьерного роста» и т.д.

В качестве выводов можно отметить следующее.

Ценностное отношение к профессии педагога дошкольного образования у студентов педвуза формируется в процессе актуализации таких аксиологических составляющих, как: понимание и принятие сути педагогической профессии, специфики ее реализации на дошкольной ступени образования, активное включение в деятельность с основными

ми субъектами образовательного процесса, осознание достигнутого уровня профессионально-педагогической компетентности и потребность в дальнейшем профессиональном саморазвитии.

Организационно-педагогические условия формирования профессиональных ценностей у будущих педагогов характеризуются: аксиологической направленностью содержания подготовки педагогов дошкольного образования, подразумевающей соответствующее отношение к профессиональной деятельности, к субъектам образовательного процесса ДОУ, к себе как активному участнику педагогической деятельности; сочетанием профильно-ориентированных форм и мероприятий аудиторной и внеаудиторной работы студентов факультета дошкольного образования; становлением субъектной, активной позиции студента в последовательном осознании, принятии и трансляции профессиональных ценностей педагога дошкольного образования.

Очевидно, что проблема аксиологической подготовки педагогических кадров относится к одной из вечных для педагогической науки. И, несмотря на общие подходы, варианты ее решения могут варьироваться как в содержательном аспекте, так и в разработке новационных подходов к формам обучения и воспитания, способствующих принятию, осознанию профессиональных ценностей студентами в процессе их вузовской подготовки.

Список литературы:

1. **Федеральный закон** Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
2. **Бурцев, В. В.** Формирование положительного ценностного отношения подростков к здоровью и здоровому образу жизни на основе спортизации физического воспитания :

автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01, 13.00.04 [Электронный ресурс]. Чебоксары, 2007. URL: <http://www.dslib.net/fiz-vozpitanie/formirovanie-polozhitelnogo-cennostnogo-otnosheniya-podrostkov-k-zdorovju-i.html>

3. **Загашев, И. О.** Профессиональные ценности. Методика ранжирования профессиональных ценностей. Методика «Вселенная Я». Взаимосвязь между личными целями и профессиональными целями [Электронный ресурс]. URL: http://lib.gmsib.ru/index.php?resource=10156&id_site=11

4. **Ядов, В. А.** О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Аспект-Пресс, 1975. – С. 89-105.

ГРНТИ 372. 82

37.017.93

УДК 21.31

Блинова Олеся Александровна

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозное образование, религиозное воспитание, духовно-нравственные качества личности.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется многообразное воздействие, которое оказывает религиозное образование на формирование духовно-нравственных качеств личности. Выделяются субъекты религиозного образования, характеризуется их влияние на развитие духовно-нравственных качеств личности.

**THE ROLE OF THEOLOGICAL EDUCATION IN
EVOLUTION PERSONALITY'S SPIRITUALLY-
ETHICAL QUALITIES**

KEY WORDS: theological education, religious background, spiritually-ethical qualities of personality.

ABSTRACT. In this article I aim to analyze varied impact which theological education offers to formation spiritually-ethical qualities of personality. Here subjects of theological education are pointed and theirs impact on evolution personality's spiritually-ethical qualities is described.

На сегодняшний день в условиях ценностного плюрализма актуализировалась проблема религиозного образования в России. Образование в традиционной российской школе всегда было связано с православием, с его историей, традицией. Влияние византийско-христианского учения во многом способствовало развитию не только русского православия, но и религиозного образования в России. В начале XXв. И. Ильин, В. Зеньковский используют Византийскую традицию воспитания в человеке гражданской ответственности, основанную на развитие в людях таких качеств как чувство сплоченности, единения между собой.

В период начала перестройки в России возрастает тяга к познанию христианских основ как нового знания, отличного от коммунистического учения. У общества появляется живой интерес к религии. Но говорить о восстановлении религиозного образования как такового не приходится. Что касается светского образования, то оно не ставило перед собой цели введения в курс средней школы предметов, связанных с религией и религиозными ценностями. В качестве чуть ли не единственного островка религиозного образования можно выделить дисциплину «народное творчество», как региональный компонент в общеобразова-

тельной программе, в рамках которого изучались христианские праздники.

В конце 80-х – начала 90-х годов XX в. для многих людей было характерно метание между ценностями советской эпохи и ценностями возрождающегося православия. Религиозное образование снова начинает активизироваться, но теперь оно воспринимается не как направление, несущее христианские истины ради «спасения души», а как стремление подчиниться религиозной системе, отдать себя в руки священникам, таким образом, идёт отказ от своего индивидуального мнения и безучастное отношение к миру. Поэтому на данном этапе становления современной России религиозное образование остается недостаточно развитым для формирования духовно-нравственных качеств личности.

В начале XXI в. в России наблюдается заметный рост влияния религии на жизнь граждан. Восстанавливаются и открываются не только Церкви и Храмы, но и семейные воскресные школы для взрослых и детей. Развивается Церковное книгоиздательство, а так же выпускаются видео материалы на тему христианской жизни. Появились православные кинотеатры, на телевидение транслируется православный телеканал «Союз». Издаются православные газеты, ведётся сотрудничество православных священников со светскими СМИ, развиваются и продвигаются религиозные интернет-сайты.

На сегодняшний день социальный заказ современному образованию заключается в воспитании и формировании следующих духовно-нравственных качеств:

- социальная идентичность, то есть, осознание принадлежности к своей стране, ее истории и своему народу;
- патриотизм – «чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом» [3. С. 18];
- ценность семьи, «как первоосновы нашей принадлежности к многонациональному народу Российской Федерации,

Отечеству; понимание и поддержание таких нравственных устоев семьи, как любовь, взаимопомощь, уважение к родителям, забота о младших и старших, ответственность за другого человека» [3. С. 13];

- человечность, т.е. осознание и принятие многообразия культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество.

Современный воспитательный идеал – «это высоко-нравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [3. С. 11].

На наш взгляд, помочь в реализации данной задачи может именно современное религиозное образование. Большая советская энциклопедия подразумевает под религиозным образованием «систему профессиональной подготовки служителей религиозных культов, специалистов-теологов, преподавателей богословия в духовных учебных заведениях и религиозное обучение населения, используемую церквями и миссионерами для распространения религии среди неверующих и иноверцев, вербовки прозелитов»[2]. Мы же своей задачей видим необходимость общекультурного и общефилософского понимания религиозного образования без ухода в миссионерство и прозелитизм. Другими словами, у нас нет цели христианизировать все население России посредством религиозного образования, напротив, нам важно выявить потенциал данного образования и его влияния на становление духовно-нравственных качеств личности. Поэтому, религиозное образование мы понимаем как систему образования и воспитания в контексте светского образования, основывающуюся на данных гуманитарных наук, где религия рассматривается как составная часть культуры в ее связи и взаимодействии с другими областями жизни и деятельности человека. Более

полно роль религиозного образования в развитии духовно-нравственных качеств личности станет видна, если рассмотреть религиозное образование во взаимосвязи его основных субъектов: церкви, школы, семьи и личности педагога.

Во-первых, вновь обретают актуальность и значимость, религиозные образовательные учреждения. К ним можно отнести возрождающиеся духовные семинарии и воскресные школы, и открывающиеся молодёжные клубы при церквях. Данные организации ставят своей целью приобщение человека к православию, к христианской традиции, способствуют выработке духовно-нравственных качеств личности. Педагогический состав воскресных школ включает современных, грамотных учителей, что немаловажно, так как вера, в отличие от знания, действует не через рассказ, а через наглядность. Воскресная школа непосредственно связана с Церковью, именно она объясняет религиозные истины. Религиозным образовательным учреждениям не чужд современный мир, как это видно, например, в деятельности молодёжного клуба при Храме Рождества Христова (г. Екатеринбург), где создаётся домашняя атмосфера с чаепитием, с разговорами на жизненные темы. Здесь отсутствуют официальность и формализм, что сближает между собой учеников и учителя, но при этом нет фамильярности в общении. Христианского педагога уважают и признают за ним право авторитета. Человек в такой обстановке раскрепощается, приобщается к коллективу и становится более восприимчив к обсуждению религиозных основ. Это содействует развитию гуманизма, уважения к человеческой личности, ее переживаниям и стремлениям.

В качестве второго субъекта религиозного образования можно выделить общеобразовательную школу. Здесь религиозное образование представлено предметом «Основы религиозной культуры и светской этики». В процессе введения данного предмета в общеобразовательную програм-

му возникло много споров о его необходимости. На наш взгляд, во введение данного предмета в общеобразовательной школе можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны.

Во-первых, введение предмета, ориентированного на воспитание духовных ценностей, очень важно для восстановления баланса между материальными и духовными ценностями. В современных условиях российского общества это очень важно, так как сегодня среди ценностей человеческого существования на первый план выходят материальная обеспеченность, финансовая и профессиональная успешность. Современные дети с детства ориентированы на материальный достаток, так как сегодня именно он обеспечивает многообразие возможностей, которые можно реализовать. В погоне за финансовым благополучием утрачивается значимость ценностей духовных. Такие ценности, как гуманизм, уважение к Другому лишаются своего смысла.

Во-вторых, введение «Основ религиозной культуры и светской этики» связано с проблемой мигрантов. На сегодняшний день в нашей стране проживает большое количество выходцев из республик бывшего СССР. Отношение к ним редко бывает дружелюбным и гуманным, что порождает межнациональные конфликты. И если взрослые могут противостоять грубости окружающих, то детям это удается редко, порождая неприязненные, жестокие отношения в детской среде. Поэтому введение данной дисциплины может сыграть положительную роль, а именно, научить детей принимать других людей, дать им представление о том, что окружающие люди имеют право исповедовать иные ценности, принадлежать к чуждой культуре и чтить непонятные, на первый взгляд, традиции.

Одним из отрицательных моментов, который представляется нам очень значимым, заключается в способе преподавания «Основ религиозной культуры и светской этики». Изучение данного предмета разделено на шесть блоков, из

которых родители (что тоже очень спорно) выбирают то, что, по их мнению, более интересно и полезно для их ребенка. Основной выбор падает либо на блок «светская этика», либо на блок «основы православной культуры», остальные аспекты остаются недоступными для учеников. Причина этого видится нам в недостаточной осведомленности самих мам и пап относительно основных положений той или иной религии, в силу чего изучение какой-либо религии равнозначно, в их понимании, вербовке ребенка адептами этой конфессии. На наш взгляд, данный предмет вызывал бы меньше споров, если бы носил общеознакомительных характер, знакомя учащихся с основными принципами и ценностями иных религиозных традиций, а также атеистов, чтобы дети научились ценить и уважать других людей просто за то, что они другие.

Еще один минус, мимо которого невозможно было пройти, это возраст учащихся. Десять – одиннадцать лет, это слишком маленькие, на наш взгляд, дети для изучения данной дисциплины. Они еще недостаточно знакомы с общекультурными ценностями, чтобы пытаться разобраться в ценностях частных культур.

Очевидно, что современные дети загружены предметами по основной образовательной программе, особенно в старших классах, чтобы отрывать у них время и силы на факультатив, но, тем не менее, мы считаем, что данный предмет более уместен у старшеклассников, когда подростки начинают коммуницировать с взрослым миром, когда проходит период детской жестокости и на его место приходит стремление научиться общаться, разрешать конфликты, понимать окружающих людей. Поэтому, мы считаем, что идея введения в общеобразовательную программу предмета «Основы религиозной культуры и светской этики» в целом способствует воспитанию духовно-нравственных качеств личности, заложенных в официальную концепцию, спорным же остается способ реализации

данной идеи, который требует более тщательного анализа и доработки.

Третьим субъектом религиозного образования является семья. Современная семья, ее роль в воспитании детей отличается от той, что была 20 – 30 лет назад. Сегодня ответственность за воспитание подрастающего поколения возлагается не столько на образовательные учреждения, сколько на семью. Современные дети находятся в водовороте такого потока информации, что для того, чтобы разобраться в нем, им нужна помощь взрослых. Но взрослые не всегда способны эту помощь оказать. «В современной семейной жизни, встреча двух людей, которые дорожат отношениями, умеют их хранить от бурь и невзгод, воистину радость несказанная!» [3]. Забота о достойном существовании себя и своей семьи занимает практически все время взрослых, что на детей сил практически не остается. Усталость, которая накапливается у взрослых, зачастую выплескивается на детей, в результате чего возникают конфликты, скандалы, непонимание, обиды в семье. В итоге дети, подростки вынуждены искать поддержки и понимания на стороне. Это приводит к тому, что они очень часто попадают под влияние различных религиозных сект и организаций, оказываясь в капкане манипуляций и не имея сил выбраться.

В связи с этим, нам представляется необходимым, чтобы родители научились выделять из своего плотного графика время на общение с детьми, объясняли им происходящие в обществе изменения, учили расставлять приоритеты и делать выбор. В том числе взрослые должны давать детям начальное религиозное образование, знакомить с религиями, существующими в мире, с положительными и отрицательными элементами религиозного взаимодействия. Задачей родителей является формирование нравственных основ личности их ребенка, научение его тому, «что такое хорошо и что такое плохо».

Четвертым субъектом является воспитательный процесс, непосредственно влияющий на систему образования, главная роль в котором отводится личности преподавателя.

Преподавателю необходимо дать ученику возможность реализовать себя в определенных условиях в результате приложения своих собственных сил в процессе саморазвития, самовоспитания и самореализации. Религиозное образование должно строиться на взаимодействии учителя и ученика, обеспечивающем целостность, как исследуемому предмету, так и восприятию окружающего мира. «Процесс воспитания – это организация осмысленной жизни в культуре, это реальные условия для свободного выбора нравственных ценностей и ценностного самоопределения, для выбора «лучшего себя» как «субъекта поступания», как субъекта собственной жизни» [1].

В процессе воспитания и образования человек должен как бы родиться второй раз. Образовательный процесс должен подготовить и обеспечить это «второе рождение» человека как личности. Но это рождение не сможет осуществиться силами одного только человека, для этого ему нужен посредник – педагог. Именно он владеет языком культуры и языком своего воспитанника и может соотнести их друг с другом, сделать так, чтобы их взаимодействие состоялось. Посредством педагога происходит реализация образовательного пути ученика. От него зависит создание культурного пространства и условий для самореализации, где учащемуся будет обеспечено свободное самоопределение своего подлинного Я. И в данном случае цель педагогики – «движение в сторону самостоятельности: в сторону само-деятельного, само-сознающего, само-устремленного (предельно индивидуализированного) субъекта, способного с некоторого момента к саморазвитию» [1].

В заключении хотелось бы сделать вывод о том, что религиозное образование не ставит своей целью воспитать

истинно верующего, воцерковленного человека. Религиозное образование направлено на социализацию учащихся через изучение религиозных ценностей, нашедших свое воплощение в обычаях и традициях и в теоретическом изучении основ вероучений. Его цель – воспитать уважение к нравственным основам другой веры и культуры, а так же способствовать развитию духовно-нравственных качеств личности, выражающихся в построении межличностных отношений на принципах уважения, добра и любви, в уважении к своей стране, ее истории и ее народу, в принятии Другого, его инаковости, в толерантности к различным ценностным ориентациям.

Список литературы:

1. **Белкин, А. С.** Витагенный опыт и витагенный принцип – категории педагогической антропологии [Текст] / А. С. Белкин, Н. Г. Савина [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/pedobraz/ped2007/ped_1_2007_3.pdf (дата обращения 20.03. 2016 г.)
2. **БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ** / [Текст] / Под ред. С.И. Вавилова и Б.А. Введенского – М. : Изд-во «Большая советская энциклопедия» - 1949 – 1958. – Т. 36. – 672 с. – ст. «Религиозное обучение и образование».
3. **Данилюк, А. Я.** Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков – М. : «Промсвещение» - 2011. – 23 с.
4. **ИГУМЕН ЕВМЕНИЙ ПЕРИСТЫЙ** Духовность как ответственность [Текст] /Игумен Евмений Перистый [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://krotov.info/library/16_p/er/isty_16.htm (дата обращения 15.02. 2016г.)

ПОРА ОСМЫСЛИТЬ ДИАЛЕКТИКУ РАЦИОНАЛЬНО

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектика, логические категории, метод восхождения от абстрактного содержания к конкретному содержанию.

АННОТАЦИЯ. Автор реконструирует рациональное содержание «Науки логики» Гегеля. Результаты исследования могут быть применены в преподавании философии, истории и философии науки.

Goncharov Sergey Zakcharovich

TIME COMPREHEND DIALECTICS SENSIBLY

KEY WORDS: dialectics, logical categories, the method of ascent from the abstract to the concrete content of the content.

ABSTRACT. The author reconstructs the rational content of "The Science of Logic ' Hegel. The research results can be applied in the teaching of philosophy, history and philosophy of science.

Вице-президент Российской академии образования Д.И. Фельдштейн в ряде последних публикаций отмечал резкое снижение качества диссертационных исследований, в частности, методологическую эклектику [15]. Идея «парадигмальности», пишет академик РАО В.И. Загвязинский, привела к неоправданному методологическому плюрализму, когда основаниями диссертаций объявляются до десятка и больше различных подходов, идей и теорий, и непонятно, как они объединяются и взаимодействуют. Необходимо, заключает В.И. Загвязинский, – «методологический

ликбез» [5, с. 94–95]. Тревога упомянутых авторов обоснована. Одной из причин эклектики в области методологии является, на наш взгляд, изменения в области ведения философии в вузах, а также просчеты в преподавании курса «История и философия науки» для аспирантов и соискателей. В связи с переходом на бакалавриат количество учебных часов, отведенных на дисциплину «Философия», уменьшилось свыше 2-х раз. Понятийному мышлению уделяется в учебной литературе недостаточно внимания, а *всеобщие формы мышления* (логические категории) вообще не обсуждаются.

В учебниках, учебных пособиях по дисциплинам «Философия», «История и философия науки» тоже есть досадный изъян – понятию мышления и его всеобщим формам (качественным, количественным и мерным соотношениям, сущности, явлению, действительности, всеобщему, особенному и единичному и др.) вообще не уделяется места.

Между тем понятийное мышление есть *субъективная основа науки*, а логические категории суть всеобщие схемы понимания и преобразования реальности; на них основаны *методы науки* – качественные, количественные, структурные, структурно-функциональные, системные, вероятностные и др. *Формы мышления составляют всеобщий и основной логический категориальный состав научного мышления*; они шлифовались на протяжении тысячелетий в процессах *коллективной деятельности, общения и общественных отношений*. Их значимость в науке отлично раскрыл Э.В. Ильенков в своих трудах. К. Маркс в письме к Энгельсу заметил, что «большую услугу» в систематизации 3-х частей «Капитала» ему оказала «Логика» Гегеля. Речь шла о всеобщей схеме синтеза понятий в развитии теории – *всеобщего, особенного и единичного* (конкретного всеобщего) [11, с. 212]. Мы попытались изложить субъективные и объективные основы возникновения и развития всеобщих форм мышления, а также их функции в познании [3; 4].

Вне упомянутого логико-категориального аппарата разлагается теоретическая мысль, что убедительно демонстрируют публикации представителей постмодернизма [об этом см.: 2; 4, с. 142 – 156; 14; 16]. Философ С. Н. Мареев квалифицировал метафизику постмодернистов как метафизику тела, «анально-оральных выделений, кожи, гениталий и шизофрении». Это своего рода нарочитый изыск, «что-то вроде редкой породы собачек или однополой любви» [9, с. 456 – 457]. Мыслить логически, заметил Маркс в беседе с социологом М. М. Ковалевским, «можно только по диалектическому методу, ну а нелогически, – хотя бы и по позитивному» [8, с. 315], особенно, добавим, по-постмодернистски.

Многотомные неудачные изложения «материалистической диалектики» закончились усталостью потому, что их авторы представляли саму диалектику как онтологию [см.: 12], а не как логику и теорию познания (Гегель, К. Маркс, В. И. Ленин, Э. В. Ильенков).

Между тем Гегель понимал логические категории как исторически определенные способы *осознания* реальности, и последовательность категорий в «Науке логики» он обосновывал вполне *опытно*: как они возникали в истории философии и науки, а также тем, как они с необходимостью возникали в сознании индивида.

Исторические *формы осознания реальности* Гегель выражает как *логические категории*: категория *бытия* представлена в философии Парменида, категория *ничто* – китайской и индийской философией, категория *становления* осознана Гераклитом, категория *для-себя-бытия* связана с атомами Демокрита, *количество* выражено в философии Пифагора, *мера* – Протагором, категория *сущности* раскрыта Платоном, категория *понятия* – Аристотелем и т.д. [13, с. 36].

Что выражали эти категории в истории философии? Очевидно, новые *способы воссоздания предмета в мышлении*. Последовательность этих способов в истории фило-

софии следует представить *теоретически*, т.е. выразить *историческое логически*, в чистом виде, свободном от исторических случайностей. Что же это даст? Это раскроет *последовательность* в воссоздании предмета в мышлении. Такая последовательность будет *руководством* при развитии теории в любой области, независимо от предметных различий.

Последовательность в раскрытии форм мышления (логических категорий) Гегель обосновывал не только ссылками на историю философии, но и на закономерности в развитии осознания реальности субъектом: В «Феноменологии духа» Гегель описывает особенности *чувственного сознания, самосознания* (рассудка) и *разума*. В «Науке логики» он раскрывает логическое содержание этих формований сознания: учение о *бытии, сущности и понятии*.

У Гегеля в «Науке логики» в учении о «бытии» изложены схемы работы чувственного сознания, а в учении о «сущности» – способы ее осознания. Чувственное восприятие не идет дальше качественных и количественных определений предмета. *Категории качества, количества и меры есть логическое содержание чувственного сознания, погруженного в предмет*. «Непосредственное чувственное сознание, поскольку оно также и мыслит, – уточняет Гегель, – ограничивается преимущественно абстрактными определениями качества и количества». Это сознание – наиболее конкретное «лишь по материалу; но с точки зрения его мыслительного содержания оно, напротив, есть самое бедное и абстрактное» [1, с. 216].

Степень конкретности мыслительного содержания выступает у Гегеля *критерием последовательности* в изложении категорий. Степень же конкретности определяется *практической значимостью* знания. Конкретное знание дает большую *свободу и власть* в практических делах. Поэтому категория *причинности, взаимодействия* является в учении о сущности завершающим категориальным рядом.

Знание причин явлений позволяет субъектам изменять реальность согласно целям.

Если категории качества, количества и меры выражают всеобщие схемы работы *эмпирического уровня познания наличного бытия предмета (качество – количество и мера)*, то категории сферы *сущности* есть способы теоретического уровня познания сущности: тождество–различие–основа; основа–обоснованное–самообоснованное; материя – форма – содержание; целое – части – элементы; система – структура – элементы; возможность–действительность – необходимость; причина–следствие–взаимодействие.

Сознание наполнило себя предметным содержанием и воспроизвело его на языке человеческих аналогий. Если же мышление направит себя на само себя и попытается выявить те всеобщие аналогии, посредством которых оно выражало определения предмета на уровнях наличного бытия и сущности, то окажется, что всеобщими схемами его работы на первой и на второй стадиях являются категории *всеобщего, особенного и единичного* (В – О – Е), «категории всех категорий» (учение о понятии).

Все предшествующие триады категорий есть лишь частные случаи этих трех категорий, которые образуют *органон* категориального мышления (В – О – Е), тот способ, каким мыслящая голова, по выражению К. Маркса, уясняет себе конкретное как *мысленноконкретное*.

Так, движение мысли от установления качества к установлению количества и меры есть восхождение от единичного (качество) ко всеобщему (количество) и особенному (мера): Е – В – О. Движение мысли от сущности к миру явлений этой сущности и к действительности есть движение от всеобщего (сущность) к особенному (мир явлений) и к единичной целостности (действительность) (В – О – Е). По такой же схеме построены вышеупомянутые отношения: тождество (В) – различие (О) – основа (Е) и т.д. Более того, все фигуры силлогизмов есть лишь разные комбинации отношения В – О – Е. Схемой определения понятий тоже

является данное отношение: понятие определяется через ближайший род (В) и в рамках рода дается видовое отличие (О).

Диалектика мышления, как доказал Гегель, состоит в следующем. Рассудочная стадия мышления ограничивается противопоставлением всеобщего и особенного: качество и количество, единое и многообразное и т.п. Разумное же мышление восходит к синтезу парных категорий в третьей категории: качество – количество – мера и т.д. Главное же заключается в умении *схватывать в особенном всеобщее*: в пестром мире явлений их единую сущность, в многообразии случайностей – закономерность и т.п.

Если исторически всеобщие связи вырастали из *единичных* и *частных* форм, то затем на определенной стадии развития происходит «оборачивание»: всеобщие связи *подчиняют* себе особенные и единичные формы, пульсируют в них и делают их своими собственными «органами». Так, капитал вызревает в лоне товарных отношений, а затем целиком подчиняет их себе на стадии капиталистического производства.

Поэтому учение о понятии в «Науке логики» Гегеля является *итоговым*, самым важным для научного мышления. К. Маркс как раз взял из гегелевской «Науки логики» учение о понятии и сделал свой знаменитый черновой набросок «Метод политической экономии», главным содержанием которого является развитие мысли от *содержания абстрактного к конкретному*, согласно схеме В–О–Е. Что это именно так, мы обосновали самым детальным образом, раскрыв саму суть развертывания всего содержания «Капитала» в его трех томах [3, с. 163–179]. Изложение всего «Капитала» К. Маркс детально расчленяет по формуле В – О – Е [10, с. 226].

Самое главное состоит в том, что данная формула (В – О – Е) указывает на опорные пункты в *развитии* понятия: *мысль восходит от генетической исходной формы (В) к тем особенным ее формообразованиям (О), которые, воз-*

никнув в лоне всеобщего, обретают свои отличительные особенности и, далее, срастаются друг с другом, образуя тем самым конкретно-всеобщее, единичную целостность (Е) той или иной предметной области. Реальная целостность воссоздается в понятиях как мысленная конкретность в единстве многих особенных определений.

И если бы Маркс, как он предполагал, написал бы «Диалектику» «на двух – трех печатных листах», то «Диалектика» представляла бы своим содержанием чеканное изложение метода мышления, который был представлен в упомянутом наброске («Метод политической экономии»). Не случайно, Э. В. Ильенков свой фундаментальный труд [6] посвятил именно восхождению от абстрактного к конкретному как логической форме, соответствующей диалектике.

Не менее фундаментальный труд И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» тоже связан с диалектикой абстрактного и конкретного. И.А. Ильин так выразил последовательность развития форм мышления и мысленного воссоздания предмета, которая содержится в «Науке логики» Гегеля: *бытиекачества в количестве* находит свою меру; *сущность* мерного бытия *проявляется в действительности* и выражается в *понятии*; понятие восходит от неопределенной *всеобщности* к конкретным *особенным* мыслеопределениям и синтезирует их в единую мысленную целостность, в *единичность* как конкретную всеобщность [7, с. 252 – 253].

Единение В – О – Е есть *эталон* для понимания *намёков* на такое единение и в иных областях, будь то живая природа или социальная реальность. Например, из клетки развивается клеточная ткань, из клеточной ткани – организм, из семени вырастает раскидистое дерево.

Разум *есть рефлексированное в себя и знающее само себя соотношение* В – О – Е. Поэтому разум всегда исходит из *целого*, из *всеобщего*, из идеи, чтобы из свернутого все-

общего развернуть богатство особенных частей и синтезировать их в единичную целостность.

Поскольку в самой реальности (природной и социальной) в той или иной мере устанавливается на определенное время гармония между единичным, особенным и всеобщим, то есть все основания утверждать о том, что *разум не инороден универсуму*, что он пребывает в нем, например, в живом организме, где все члены дружно кооперируют свои усилия согласно мере целого; что разум, отмечал К. Маркс, всегда был в истории, хотя не всегда в разумной форме. Единение В – О – Е есть тот эталон, в «окрестностях» которого, выражаясь языком математики, колеблются все образования, сотворенные бессознательно природой или созданные разумными существами. Единение В – О – Е дарует *гармонию* в жизни целого, будь то живой организм, семья, коллектив, государство или общность народа.

Соотношения категорий разумного мышления В – О – Е суть *высшая алгебра* в понимании содержания всякого опыта и *всеобщая схема* синтеза данных из области физики и биологии, социологии и психологии, теологии и т. д. Схема В – О – Е есть доступный обозрению, *законченный шаг в отождествлении различного*, в синтезе многообразного; в этой схеме заключены, как в Святой Троице, все диалектические соотношения – единство противоположностей, отрицание отрицания, снятие, все фигуры умозаключения и др.

В трудах Э.В. Ильенкова основательно был проработан категориальный аппарат диалектики и не стоит отказываться от этого наследия, как и самой философской диалектики в курсах «Философия», «История и философия науки». Тем более, что студенты, став магистрантами или аспирантами вообще не знакомы с категориальным аппаратом мышления, так как этот понятийный состав им, как правило, не раскрывался в курсе философии. В современных условиях обострения классовых противоречий диа-

лектика возьмет реванш, и Гегель с К. Марксом вновь напомнят о себе.

Список литературы:

1. **Гегель, Г. В. Ф.** Наука логики: [Текст] в 3 т. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1970. – 501с.
2. **Гобозов, И. А.** Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу: [Текст] философский очерк / И.А. Гобозов. - Москва: Изд. Савин С.А., 2005. - 200 с.
3. **Гончаров, С.З.** Логико-категориальное мышление: [Текст] в 3 ч. Ч. 1 Субъективная основа возникновения и развития мысли / С.З. Гончаров. - Екатеринбург, Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-та», - 2008. - 274 с.
4. **Гончаров, С.З.** Логико-категориальное мышление: [Текст] в 3 ч. Ч.2. Объективная основа возникновения и развития мысли / С.З. Гончаров. - Екатеринбург, Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-та», 2008. - 344 с.
5. **Загвязинский, В.И.** Как прорваться в современность? [Текст]/ В. И. Загвязинский // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2012. № 7 (96). С.91– 97.
6. **Ильенков, Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Текст] / Э.В. Ильенков. - Москва: РОССПЭН, 1997. - 464 с.
7. **Ильин, И. А.** Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека [Текст] / И.А. Ильин // Собрание сочинений. Т. 1. Учение о Боге. – Москва: Русская книга, 2002. - 600 с.
8. **Ковалевский, М.** Встречи с Марксом [Текст]/ М. Ковалевский // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Москва: Политиздат, 1956. - С. 306 – 316.
9. **Мареев, С. Н.** Философия XX века: истоки и итоги [Текст] / С.Н. Мареев, Е.В. Мареева, В.Г. Арсланов. Москва: Акад. Проект, 2001. - 464 с.
10. **Маркс, К.** Экономические рукописи 1857 – 1859 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50

томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1968. - Т. 46. - Ч. 1. - 553 с.

11. **Маркс – Энгельсу**. 14 янв. 1858 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, Т. 29. 1962. - С. 211–213.

12. **Материалистическая диалектика**: [Текст] в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. Москва: Мысль, 1981 – 1985. - Т.1. - 374 с.; Т. 2. - 285 с.; Т. 3. - 343 с. Т. 4. - 320 с. Т. 5. - 330 с.

13. **Ситковский, Е.** Философская энциклопедия Гегеля [Текст] / Е. Ситковский // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Наука логики. Москва: Мысль, 1974. - Т. 1.- С. 5–49.

14. **Сокал, А.** Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна Брикмон Ж. [Текст] / А.Сокал - Москва: Деловая книга, 2002. - 216 с.

15. **Фельшдтейн, Д.И.** Проблема качества психолого-педагогических диссертационных исследований и их соответствие современным научным знаниям и потребностям общества [Текст] / Д.И. Фельшдтейн // Образование и наука. Изд. УрО РАО. 2011. - №5 (84). С. 3–27.

16. **Харт, К.** Постмодернизм [Текст] / К. Харт. - Москва: ФАИР–ПРЕСС, 2006. - 272 с.

ГРНТИ 14.29.00

УДК 376.112.4

Горбунова Наталия Евгеньевна

ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность, педагогическая толерантность, инклюзивное образование, инклюзивное образовательное пространство.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается проблема педагогической толерантности педагогов в инклюзивном образо-

вательном пространстве. Рассмотрены философский и педагогический аспект данной проблемы.

Gorbynova Natalia Evgenievna

THE PROBLEM OF TOLERANCE OF TEACHERS IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE

KEY WORDS: tolerance, tolerance teachers, inclusive education, inclusive educational space

ABSTRACT. This article reveals the problem of tolerance of teachers in inclusive educational space. Considered philosophical and pedagogical aspects of the problem.

В исследованиях современного общества, которое часто называют информационным, осознается тот факт, что деструктивные явления во многом связаны с неуправляемыми потоками информации.

В последние десятилетия в ситуации межнациональных, религиозных конфликтов, напряжения и агрессии, исследователи все чаще обращаются к изучению феномена толерантности, что связано с изменением социально-экономической и политической ситуации в нашей стране и в мировом сообществе. Это сформировало благоприятные предпосылки для философского, социального, педагогического и психологического осмысления феномена толерантности.

Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам [12]. Исследование толерантности были начаты еще в античности, раскрыты в трудах Аристотеля, Гераклита и продолжают в современных исследованиях (К. П. Гречко, В. М. Золотухин, В. М. Розин, В. В. Шалин и др.) [3].

В 20 веке изменилось представление о содержании понятия «толерантность» – условие сохранения разнообра-

зия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть, инаковость» [1].

Значение толерантности подчеркивается в официальных документах российского и международного значения. Так, в статье 1.2 Декларации принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995) отмечено, что «толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека». В Конституции РФ (1993) содержится специальный запрет на любые формы дискриминации «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств...» (ст. 19).

Толерантность существует в различных формах: мировоззренческой, религиозной, политико-правовой, культурной, морально-этической, теологической, психоэмоциональной и т.п.

А. С. Колесников различает четыре основных вида толерантности: толерантность как безразличие; толерантность как невозможность взаимопонимания; толерантность как снисхождение; толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог [5].

В. А. Лекторский, в зависимости от исторического периода, выделяет мифологический, античный, религиозный, реформаторский, философский, секулярный, научно-общественный типы толерантности: [6].

И. Л. Первова отмечает, «идеология толерантности – это идеология культуры достоинства, которая восходит к иным логикам развития – внеконфликтным. Это искусство жить непохожему рядом, принятие иного, способ решения конфликтов, искусство цивилизованного компромисса» [10, с. 89].

Современное понимание толерантности чаще всего связывают с уважением к чужим обычаям, традициям, чужой культуре, а также принятие любого человека в независимости от его характера, внешности, умственных и физических способностей.

Толерантное отношение к личности лежит в основе принципа гуманизации, который стал характерен для современного российского общества, в том числе и для системы образования, которая ориентирована на отказ от «образовательной дискриминации» (А. П. Валицкая, Н. М. Назарова, В. А. Рабош, Н. Я. Семаго и др.).

Международные и российские нормативные документы диктуют необходимость обеспечения максимальной доступности в получении образования каждого ребенка вне зависимости от региона проживания, тяжести нарушения развития, способности к освоению академической программы, в том числе, посредством инклюзивной формы образования (Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Конвенция о правах инвалидов (2006 г.), Федеральный Закон «Об Образовании в Российской Федерации» (2012 г.), Федеральный государственный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (2015 г.). Инклюзия является социальной концепцией, которая предполагает однозначность понимания цели – гуманизации общественных отношений и принятие права лиц с ОВЗ на качественное образование. Введение инклюзивного образования в нашей стране [7; 9] актуализировало новый виток в осмыслении проблем педагогической толерантности.

Одной из наиболее актуальных проблем является психологическая и методическая готовность педагогических кадров к реализации инклюзивного образования – важнейшего компонента, позволяющего осуществлять познавательную, воспитательную, коррекционную функцию этой системы. Среди многочисленных факторов, затрудняющих благоприятное протекание процесса инклюзии,

наибольший интерес представляет проблема формирования развития профессиональных компетенций, неотъемлемыми компонентами которых становятся педагогическая толерантность.

Педагогическая толерантность имеет многослойную структуру, способна к саморазвитию и определяет профессиональную позицию педагога. В педагогической литературе стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа [4] называют интолерантностью. Проявление педагогической интолерантности выражается в раздражительности педагогов, явной антипатии и даже ненависти, использовании технологий запугивания, методов наказания, агрессивности и враждебности, отстраненной или враждебной позициях. Перечисленные проявления подчеркивают необходимость серьезной профессиональной и личностной подготовки педагога, работающего с детьми с ОВЗ, и прежде всего – необходимость формирования педагогической толерантности [8].

В данном контексте педагогической толерантностью можно назвать способность педагога понять, признать и принять индивидуальность ребенка, умение видеть в нем носителя иных ценностей, мировоззрения и логики мышления, форм поведения и особенности внешности.

М. А. Перепелицына отмечает, что педагогическая толерантность включает в себя когнитивный, перцептивно-аффективный и поведенческий компоненты [11].

Когнитивный компонент направлен на реализацию информационной функции (знание о ценности ненасилия, правах человека, границах толерантности).

Перцептивно-аффективный компонент выполняет функцию понимания намерений, установок, переживаний, состояний другого субъекта (эмпатия, идентификация, децентрация, принятие, эмоциональная устойчивость).

Поведенческий компонент реализует регулятивную функцию, которая «управляет» действиями субъекта на основе толерантности (оценка ситуации, выбор и обоснование собственной модели действия, коррекция собственного действия, реализация выбранного действия).

Исследователь выделила основные критерии сформированности педагогической толерантности [11]:

- знания об умении контролировать себя,
- преодоление эгоцентризма,
- допустимость толерантности в пределах нравственности,
- сопереживание и сочувствие,
- признание за другим права на отличие,
- осознание неправомерности принуждающего действия,
- критичность в выборе поведения,
- воплощение в реальность выбранных альтернатив поведения.

С.Л. Братченко [2] выделяет несколько методологических подходов к толерантности в контексте инклюзивного образования:

1. Экзистенциально-гуманистический подход

В рамках этого подхода толерантность выступает результатом ответственного и осмысленного выбора человека в построении межличностных взаимоотношений. В рамках инклюзии это проявляется в самостоятельном принятии решении педагога работать в инклюзивной образовательной организации, обучать детей с ОВЗ, применять специальные методы и средства обучения.

2. Диверсификационный подход

Предполагает сложную многокомпонентную психологическую структуру толерантности, которую невозможно свести лишь к отдельной характеристике личности. То есть, педагог инклюзивной школы должен опираться в своей работе не на жалость к ребенку с ОВЗ, а на сочувствие, принятие. При этом педагогический процесс будет

эффективным, если педагог будет в меру требовательным, а также способным поддержать и принять индивидуальность каждого ученика.

3. Личностный подход

Дает возможность оценить взаимосвязанные с толерантностью ценности и личностные установки. Педагогическая деятельность в инклюзивной образовательной организации неразрывно связана с личностным и профессиональным саморазвитием самого педагога.

4. Диалогический подход

Рассматривает толерантность как эффективное межличностное взаимодействие с личностью. От педагога инклюзии это требует коррекцией своих установок и стратегий межличностного взаимодействия, развития саморефлексии.

5. Фасилитативный подход

Опирается на мысль, что личностная толерантность у педагогов сформирована на разном уровне. При создании благоприятных условий, соответствующих удовлетворению принципов специального образования, толерантность способна развиваться, трансформируясь в принцип профессиональной педагогической позиции.

В заключение хочется отметить, что в инклюзивном образовательном пространстве педагог должен стать носителем и выразителем общечеловеческих культурных ценностей. Таким образом, толерантность является неотъемлемой частью профессиональной компетенции педагога инклюзивного образования. От сформированности толерантности у педагога в значительной степени зависит эффективность инклюзивного обучения.

Список литературы:

1. **Асмолов, А. Г.** Толерантность: от утопии к реальности [Текст] / А.Г. Асмолов // На пути к толерантному сознанию. - М. : Смысл, 2000. - 255 с.

2. **Братченко, С. Л.** Психологические основания исследования толерантности в образовании [Текст] / С.Л.Братченко // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-й науч.- практ. конф. Красноярск, 2003. - С. 104-117.
3. **Головатая, Л. В.** Толерантность как проблема философии образования: [Текст] Дис.. канд.. философских наук: 09.00.13. / Ставрополь, 2006. - 182 с.
4. **Зак, Г. Г.** Формирование толерантного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья (теоретико-практический аспект) [Текст] / Г.Г. Зак // Педагогическое образование в России. 2012. - №2. - С. 129-132.
5. **Колесников, А.С.** Восток-Запад: диалог культур и толерантность [Текст] / А.С. Колесников // Толерантность и интолерантность в современном обществе: Восток-Запад: материалы Междунар. науч.- практ. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2005. - С. 97.
6. **Лекторский, В. А.** О толерантности, плюрализме и критицизме [Текст] / В.А. Лекторский // Вопросы философии, 1997. - № 11. - С. 46-54.
7. **Лошакова И. И.** Интеграция в условиях дифференциации: проблемы инклюзивного обучения детей-инвалидов [Текст] / И.И. Лошакова, Е.Р. Ярская-Смирнова // Социально-психологические проблемы образования нетипичных детей. - Саратов : Изд-во пед. института СГУ, 2002, - С. 15-21.
8. **Макарова, И. А.** Инклюзивное образование, толерантность, эмпатия: грани пересечения [Текст] / И.А. макарова // Актуальные задачи педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Чита, октябрь 2013 г.). - Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. - С. 129-132.
9. **Малофеев, Н. Н.** Почему интеграция в образовании закономерна и неизбежна? [Текст] / Н.Н. Малофеев // Альманах ИКП РАО, 2007. - № 11. - С. 23-24.
10. **Первова, И.Л.** Толерантность: социальность и реальность [Текст] / И.Л. Первова // Пределы толерантности в

современном обществе: материалы Междунар. конф. - СПб., 2003. - С. 89-92.

11. **Перепелицына, М. А.** Формирование педагогической толерантности у будущих учителей: [Текст] дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2004. - 20 с.

12. **Философский энциклопедический словарь** [Текст] / ред.-сост. Е.Ф. Губского и др. М. : ИНФРА-М, 2006. - 574 с.

ГРНТИ 02.11

УДК 130.1

Дыдров Артур Александрович

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ФУТУРОПЛЮРАЛИЗМА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: будущее, образование, футуроплюрализм, постструктурализм, философия, плюрализм, антиутопия, дистопия.

АННОТАЦИЯ. В статье осмысливается феномен футуроплюрализма. Современному человеку все сложнее жить в условиях множественности сценариев и проектов будущего. В настоящее время российское образование не справляется с вызовами футуроплюрализма. Тем не менее, существуют определенные направления борьбы с множественностью картин будущего. Подрастающее поколение можно побудить к размышлениям о будущем человека и человечества. В данной статье обозначены некоторые конкретные меры по воспитанию поколения, думающего о будущем.

Didrov Artur Alexandrovich

RUSSIAN EDUCATION IN A SITUATION OF FUTU- REPLURALISM

KEY WORDS: Future, education, futurepluralism, poststructuralism, dystopia.

ABSTRACT. The paper conceptualized the phenomenon futurepluralism. Modern man more difficult to live in a multiplicity of scenarios and future projects. Currently, Russian education is unable to cope with the challenges of futurepluralism. Nevertheless, there are certain areas of the fight against a multiplicity of pictures of the future. The younger generation can be encouraged to reflect on the future of man and mankind. This article highlights some of the specific measures to promote generation of thinking about the future.

Во введении в «Капитализм и шизофрению» Ж. Делез и Ф. Гваттари вывели парадоксальное тождество «плюрализм = монизм» [1, с. 37]. Эта странное утверждение необходимо рассматривать в контексте творчества философов-постструктуралистов. Они демонтировали вековые философские системы, вывернули наизнанку традиционные дискурсы и увидели механизмы образования смысла. В постструктуралистской философии понятия фундамента, основания, субстанции считались пережитками прошлого. Не существует никаких оснований, цели целей (causafinalis), тождества, структур и систем. Именно на этих понятиях стояла когда-то европейская и русская философия. В мире, по утверждению Ж. Делеза, нет двух одинаковых пшеничных зерен [2, с. 347]. Эта фраза из статьи «Лукреций и симулякр» как нельзя лучше раскрыла смысл обозначенного тождества. Множественность подлинна, а Божественный демиург, Единое, Абсолютный Дух, вымышлены. В мире есть только различное. Разум человека ищет сходства. Поиск сходств в вещах, явлениях и процессах прочно связан со стремлением обрести твердую почву под ногами. Сталкиваясь с множественностью, человек теряется.

В начале XXI в. правота Ж. Делеза и Ф. Гваттари очевидна. Интенсивные перемены происходят во всех сферах жизни – политике, экономике, социальной сфере, культуре. В духовной жизни общества восторжествовал вовсе не

«подлинно бесконечное» (выражение Ж. Делеза [2, с. 365]). На человеке скорость изменений нередко сказалась крайне негативно. Деадаптация человека в условиях интенсивных перемен была обозначена О. Тоффлером как «футурошок». И. В. Бестужев-Лада, в свою очередь, ввел в оборот понятие футурофобии, смысл которого выражается в неприятии человеком качественно иного будущего.

Страх и трепет человека перед будущим поразительным образом уживается с ярко выраженной социальной и культурной тенденцией XX-XXI вв. – увеличением числа сценариев и проектов будущего. Футуроплюрализм – множественность, с настойчивостью дающая знать о себе. Вступив в XXI в., необходимо понимать, что такое футуроплюрализм и какова возможная стратегия существования в его условиях. Футуроплюрализм – это множественность картин, набросков, эскизов будущего, рассеянное множество сценариев будущего, написанных в различные исторические эпохи, создаваемых по сей день деятелями науки, искусства, религии и т. д. На российском и мировом образовании, в этой связи, лежит груз ответственности за формирование личности, внимательной к будущему человека и человечества.

Российское образование имеет множество слабых сторон. Одна из них выражается в отсутствии дисциплин, связанных с прогнозированием и проектированием будущего. Речь, естественно, не идет об иной крайности, то есть о включении курсов прогнозирования и футурологии в обязательную программу школьного обучения. Необходимо искусно интегрировать некоторые достижения в области футурологии в дисциплины, имеющие благодатную почву. Прежде всего, речь идет об обществознании. В действительности, широко востребованная сегодня серия учебников Л. Н. Боголюбова вызывает некоторые сомнения. Темы базового и профильного курсов обществознания исключают прогностический аспект. Авторы школьных учебников по обществознанию (Л. Н. Боголюбов в том числе) назы-

вают общество системой, состоящей из строго определенной совокупности элементов – социальной, духовной, экономической и политической сферы. За рассуждениями о социальной сущности человека, деятельности, свободе и необходимости, духовной культуре и прочем теряется протяженность жизни человека и общества, перманентное шествие в будущее. Пожалуй, одной из самых актуальных тем учебного пособия Л. Н. Боголюбова является тема «Глобальная угроза международного терроризма». В учебнике 11 класса (базовый уровень) новацией стала тема «Демографическая ситуация в современной России». Обозначенные темы принципиально важны для конструирования образа будущего нашей страны, они могут и должны оказать серьезное влияние на ценностный мир учащихся. Тем не менее, две или три темы, освещенные педагогом в рамках курса «Обществознание», вряд ли достаточны для того, чтобы учащийся всерьез задумался о будущем.

Адаптация школьника в условиях футуроплюрализма не должна быть связанной только со знанием азов прогнозирования и проектирования. Нужно свыкнуться с мыслью о том, что человека окружают многочисленные и зачастую противоречащие друг другу образы будущего. Конструирование образов будущего – не прерогатива проектировщиков. Ребенок должен познакомиться с образами будущего в научной фантастике (sci-fi). Терапевтическую функцию в этой связи имеют литературные дистопии. Еще в 90-х гг. XX в. в программы некоторых школ был включен роман Е. И. Замятина «Мы». Де-факто знакомство с содержанием произведения не было обязательным. На анализ романа (композиции, идей автора, характеров персонажей, образа жизни и т. д.) отводилось менее одного учебного часа. Уроки литературы между тем могли бы стать благодатной почвой, взрастившей детей, привитых от футурофобии и футурошока. Особого внимания заслуживают авторы, опасения которых ежесекундно сбываются: О. Хаксли, Ф. Пол, Ф. Дик и другие.

Уроки мировой художественной культуры тоже являются благодатной почвой для воспитания школьников, устойчивых к интенсивным переменам. Де-факто далеко не всегда учителя знакомят учащихся с авангардными художественными направлениями (супрематизмом, футуризмом, пуризмом, неосюрреализмом и т. д.). Пафос революций в искусстве, демонтаж ценностей классицизма, урбанистические мотивы – все это и многое другое могло бы стать ценным материалом, освоенным и усвоенным детьми. Придерживаться консервативных взглядов и пропагандировать исключительно ценности старого искусства сегодня, по-видимому, не совсем уместно.

В эпоху расцвета визуальной культуры, господства образа, нужно знакомить ребенка с кинематографическим искусством. По меткому выражению В. В. Савчука, «не мы видим образы, а образы видят нами» [3]. Это не означает, что кино должно быть «важнейшим искусством» для каждого школьника, потеснив книгу. Тем не менее, система образования не может и не должна игнорировать большую ценность киноискусства, его значимость в жизни человека XXI в. В некоторых школах страны уже довольно давно функционируют киноклубы, кинотеатры и кинозалы. Например, в московской школе № 2098 есть «Психологический киноклуб», а в Екатеринбурге, в школе № 52, работает кинотеатр. В репертуаре кинотеатра есть обучающие фильмы по истории, географии, биологии и литературе. В кинематографическом искусстве есть довольно большое число фильмов о будущем, которые могли бы найти отклик учащихся и не оставили своего зрителя равнодушным. Авторы этих фильмов рисовали картины социальных катаклизмов, неустроенности жизни человека, экзистенциального вакуума, бегства от мышления и прочие. «Дорога», «Слепота», «Сквозь снег», «Она», «Интерстеллар» – немногочисленные образцы современного кинематографа, безусловно заслуживающие внимания. Из образцов старого кинематографа вспомним «1984», «О дивный новый

мир!», «Цена риска», «Мир будущего», «Мир Запада» и т. д. По нашему мнению, современные школьники должны знакомиться с различными сценариями будущего. Далеко не все исследователи согласны с выраженным мнением. Например, челябинский философ-иммортолог И. В. Вишев утверждал, что произведения-дистопии (и фильмы в том числе) «распространяют деструктивную ментальность, которая лишь усугубляет ситуацию в стране и мире» [4, с. 82]. В данной статье мы не будем дискутировать с мнением авторитетного ученого. В статье журнала «Челябинский гуманитарий» (№1, 2014 г.), посвященной материально-телесной организации человека будущего в дистопии четко выражена наша позиция по вопросу о роли и значении антиутопии в духовной жизни человека: «Дистопия должна вызывать шок, отвращение» [5, с. 64]. Шок, как известно, может иметь терапевтическое значение. Фильмы о будущем (как и литературные произведения) могут, по выражению Б. А. Ланина, «предупредить, известить, обратить внимание, проинформировать, словом, донести читателю информацию о возможной эволюции современного общественного устройства» [6, с. 155]. Дополняя высказывание отечественного филолога, можно говорить о гуманистической функции художественных произведений о будущем, об их воздействии на ценностный мир человека.

На художественные фильмы уже стали смотреть как на предмет философского осмысления. Например, Р. В. Пеннер увидела в художественных фильмах пласты «префилософского» [7, с. 129]. Фильм – продукт культуры, приоткрывающий завесу иного мира – другого и возможного. Не только *над*, но и *с* фильмом нужно работать. В статье о фильме-антиутопии «План побега» Р. В. Пеннер демонстрирует это [8, с. 860-863].

Уровень развития современной системы школьного образования позволяет реализовать обозначенную «программу-минимум». Фактически же учеников не готовят к будущему, не побуждают думать о будущем. Одним из наи-

более опасных явлений современного общества можно назвать индифферентное отношение людей к будущему. Будущее стало личным, а не всеобщим. Только свое собственное будущее человек считает подлинно будущим, выбрасывая будущее другого из головы.

В современной системе высшего образования тоже есть слабые стороны. В преподавании технических наук особое место отводится теории и практике инженерной деятельности. Например, в перечне специальностей факультета компьютерных технологий, управления и радиоэлектроники (КТУР) Южно-Уральского государственного университета особую роль играют специальности «Информатика и вычислительная техника», «Радиотехника», «Инфокоммуникационные технологии и системы связи», «Системы управления движением и навигация» и др. Сравнительно недавно появилась специальность «Мехатроника и робототехника». Это, вне сомнения, прогрессивный шаг. Кроме того, минимум три специальности связаны с информационной безопасностью. Это касается бакалавриата и специалитета. В перечне специальностей магистратуры нет ни одной специальности, прямо связанной с информационной безопасностью.

В рамках специальности «Мехатроника и робототехника» бакалавры и магистры изучают соединение узлов, датчиков состояния внешней среды, функционирование усилителей, исполнительных механизмов и т. п. В рамках специальности «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», упор делается на изучение баз данных, программирования, криптографии, программно-аппаратной защиты информации, информационного права, криминологии и других областей знания. В обоих случаях приоритет имеют специальные дисциплины, связанные с математикой, физикой, математическими основами обработки информации. Мировоззренческие проблемы, как правило, не находятся в поле зрения преподавателей и

ученых, решающих вопросы информационной безопасности, робототехники, мехатроники и прочего.

Как известно, математический и естественнонаучный цикл дисциплин предваряется изучением социально-гуманитарных дисциплин. Считается, что в рамках этих дисциплин решаются мировоззренческие проблемы, осуществляется поиск смысложизненных ориентиров, а на технику смотрят не как на совокупность инструментально-аппаратных средств, а как на феномен, угрожающий бытию человека и требующий осмысления. Между тем, в рамках гуманитарных дисциплин вопросы о будущем фактически не ставятся, а серьезный разговор о будущем был и остается прерогативой футурологов. Футурология и прогнозирование имеют малозначительное влияние в России. Эти области знаний – очередные «новинки Запада». Несмотря на то, что в нашей стране функционирует ассоциация футурологов, а книги зарубежных ученых пользуются большим спросом, футурологию и прогнозирование считают едва ли не паранауками, интенсивно применяющими метод экстраполяции. Прогнозирование сегодня преимущественно обслуживает экономическую сферу, а точнее, – рынок и бизнес. Например, в Институте социально-экономического прогнозирования и моделирования (ИСЭ-ПИМ, Московская область) есть четыре специальности: «Сервис и туризм», «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», «Экономика и управление» и «Юриспруденция». В Хабаровском государственном университете экономики и права (ХГУЭП) одним из важнейших профилей является профиль «Бизнес-статистика и прогнозирование». В Оренбургском государственном университете (ОГУ) в рамках специальности «Национальная экономика» есть специализация «Прогнозирование и стратегическое планирование». В некоторых российских вузах преподаются основы социального прогнозирования. Например, в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева (МГУ) дисциплина «Соци-

альное проектирование и прогнозирование» преподается в рамках специальности «Социальная работа». Перечень сфер профессиональной деятельности выпускников связан не только с экономикой, но и с политикой, социальной защитой, социальной помощью и т. д. Обозначенные примеры свидетельствуют о том, что современная российская система образования еще не готова к вызовам футуроплюрализма. В широком перечне дисциплин, связанных с планированием, прогнозированием и проектированием, есть интуитивно понятный, но трудно выразимый изъян.

Реальные пути выхода из сложившейся ситуации, на наш взгляд, связаны с инициативой преподавателей, осознающих сложность проблемы индифферентности молодого поколения к будущему. Реализация «программы-минимум» должна быть связана с системой дополнительного образования. Инициативой снизу крайне трудно изменить государственные нормативные документы (прежде всего, образовательный стандарт). Система дополнительного образования – широкое поле деятельности педагогов-энтузиастов. Организация философских, культурологических, политологических и социологических клубов с участием преподавателей и студентов, приглашение членов Ассоциации футурологов, преподавательские и студенческие конференции, тематические лекции и семинары – все это позволяет взрастить поколение людей, думающих о будущем. Студенческая аудитория отзывчива. Молодое поколение ценит заинтересованных педагогов. Прививка будущим может и должна быть сделана в школьных классах и студенческих аудиториях. В противном случае название известного фильма П. Коллинсона перестанет быть лишь названием – «Завтра не наступит никогда».

Список литературы:

1. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

2. Делез, Ж. Лукреций и симулякр [Текст] // Логика смысла / Ж. Делез. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Савчук, В. В. Неизбежность медиафилософии [Электронный ресурс] // URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения: 26.01.2016)
4. Вишев, И. В. И. Кант: «На что я смею надеяться?» [Текст] / И. В. Вишев // Челябинский гуманитарий. – 2015. – №2 (31). – С. 82-92
5. Дыдров, А. А. Человек будущего в дистопии. Тело [Текст] / А. А. Дыдров // Челябинский гуманитарий. – 2014. – Т.3. – №28. – С. 63-72.
6. Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf (дата обращения: 26.01.2015)
7. Пеннер, Р. В. Художественный и многосерийный кинофильмы: префилософское знание или же недостаточный объект для философского исследования? [Текст] / Р. В. Пеннер // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник материалов V Международной научной конференции. Под редакцией Жилиной В. А. – 2014. – С. 129-132.
8. Пеннер, Р. В. Бег и бегство в дистопии (на материале художественного фильма «План побега» [Текст] / Р. В. Пеннер, А. А. Дыдров // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2-4. – С. 860-863.

ГРНТИ 14.85.09
УДК 372.8

*Изместьев Никита Сергеевич
Бартош Дмитрий Сергеевич
Бендюков Александр Борисович
Дронов Денис Сергеевич*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Личностно центрированное обучение, электронное обучение и ДОТ, глобализация учебного процесса, проект кластерного обучения «мега-класс».

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются сущность Мега-урока и проведение первого в России Мега-урока на базе Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, КазНПУ (Алматы, Казахстан), ЛПИ (филиал СФУ), и ряда школ Красноярска (Гимназия №8, Школа №151), при поддержке ООО “Гермес”, по модели образования будущего.

*Izmestev Nikita Sergeevich
Bartosh Dmitriy Sergeevich
Bendukov Alexandr Borisovich
Dronov Denis Sergeevich*

INTERNATIONAL EDUCATION CLUSTER

KEY WORDS: Student-centered learning, e-learning and distance education, globalization of education process, project of cluster learning «Mega-class».

ABSTRACT. This article is about the first "MEGA- lesson" in Russia with the help of Krasnoarsk state pedagogical university named after V.P Astafyev, KAZNPU (Almaty, Kazakhstan), LPI (branch of SFU) and a number of schools of Krasnoyarsk (Gymnasium №8 and school №151) with the help of LLC "Hermes" the model of future's formation.

Сущность Мега-урока заключается в организации и проведении урока одновременно для нескольких школ при участии преподавателей и студентов педагогического вуза и с привлечением ученых, педагогов и специалистов бизнеса в режиме видеоконференцсвязи и облачных сервисов.

Студенты и преподаватели осуществляют организацию и проведение мега-уроков в рамках учебного плана методической подготовки будущего учителя в педагогическом вузе. Учителя школ и магистранты коллективно готовят сценарии и проводят мега-уроки в рамках учебного расписания школ.

Эффект коллективного обучения в корпоративных образовательных структурах «Школа - Педагогический университет - Бизнес», обеспечивается синергетическими принципами самоорганизации и саморазвития учебных коллективов с привлечением фундаментальной науки и бизнеса[1].

Мега-урок – это уникальный проект, реализуемый впервые в России, в Красноярском крае, учеными и педагогами Сибирских ВУЗов.

Тема Мега-урока: программирование (базовый уровень, 10 класс).

Научная проблема: низкий уровень обучения школьников программированию из-за отсутствия мотивации и сложности изучения темы.

Гипотеза: *повышение мотивации* школьников к изучению программирования, *обучение будущих учителей методике* обучения программированию в школе.

Повышение квалификации практикующих учителей будут *одновременно обеспечены*, если выбрать в кластере обучение по модели конференции, т.е. процесс обучения программированию на уроках сводится к подготовке и участию школьных команд в разработке программного

продукта, обеспечивающего необходимые компетенции этой темы по следующему плану:

1. Организационный этап (определение коммуникации, роли участников кластера, организационные вопросы);
2. Вводный «Мега-урок» (ознакомление со сценарием, ролями участников, мастер-класс, анонс профессии программиста и пр.);
3. Домашняя подготовка к заключительному уроку (студенты и преподаватели выступают в роли тьюторов школьных групп по подготовке проектов);
4. Заключительный «Мега-урок» (проведение урока-конференции согласно запланированным целям);

Освоение алгоритмов и написание кода программы осуществляется на примере разработки известных игровых программ для мобильных устройств. Выполнение заданий осуществляется школьными группами в сотрудничестве со студентами, учителями, преподавателями вузов в коллективном on и off-line взаимодействии.

План проведения мега-уроков:

1. В четверг 10 марта с 12-00 до 14-00 – репетиционное совещание участников мега-урока;
2. в среду 16 марта с 14-00 до 16-00 – вводный мега-урок
3. в среду 13 апреля с 14-00 до 16-00 – завершающий мега-урок.

В период с 16 марта по 13 апреля уроки в школах посвящаются выполнению проектных заданий при кураторстве студентов и преподавателей Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Видеоконференцсвязь через систему Policom, с помощью программы ConferenseMe.

Примерный сценарий мега-уроков по программированию:

- *Вводный Мега-урок:* информационно-организационный блок (знакомство, определение целей урока, ролей всех участников), блок бизнес-работодателей

(о профессии программистов живьем), блок мастер-класс эксперта по разработке игровых программ (представление основных этапов написания кодов, возможные вариации к заданиям школьников), блок –заданий (требования к продуктам выполнения заданий, закрепление тьюторов, консультативный центр, и пр.).

- *Подготовительные уроки* проводятся учителями в своих школах по выполнению заданий при дистанционном кураторстве студентов и преподавателей. Все выполненные задания пересылаются в Штаб Мега-урока до 10 апреля, для планирования программы завершающего мега-урока.

- *Итоговый Мега-урок*: блок презентаций выполненных заданий командами; блок перекрестных взаимоэкспертиз работ школьниками и их кураторами, блок анализа работ экспертами (ведущие преподаватели ВУЗов Красноярского края, ученые, специалисты-программисты); блок подведения итогов.

Прогнозируемое к 2050 году смарт-общество наступает сегодня. Интернет умных вещей сменяется на BrainNet, называемая учеными нейронет. В этой связи следует в самое ближайшее время ожидать когнитивной революции в образовании. Насколько образование в России сегодня готово к революционным преобразованиям, адекватно вызовам времени?

1. Следует в некоторых случаях сломать инертность и консервативность системы образования за счет внедрения прорывных образовательных моделей;
2. Эпоха Нейронет предполагает жизнедеятельность человечества в умении осуществлять системную коллективную деятельность на физическом и интеллектуальном уровне, что делает необходимым формирование коллективного разума и коллективной деятельности личности непрерывно со школьной скамьи[3].
3. Синергетические феномены коллективного разума и деятельности наблюдаются в живой природе (например,

муравьиный или пчелиный рой) [2], что обуславливают возможность создания искусственных образовательных кластеров по их подобию.

Одним из образовательных проектов, нацеленных на готовность принять когнитивную революцию в образовании, является проект «Мега-класс».

Актуальность образовательного кластера и мега-класса:

- Реальная интеграция науки, образования и жизни, за счет образования кластеров из учреждений науки, образования и фирм;
- Реализация синергетического эффекта коллективной деятельности в учебном процессе по аналогии с массовыми мероприятиями в спорте, искусстве, науке и прочее;
- Доступная реализация эффективных когнитивных дидактических средств и методов в учебном процессе;
- Привлечение экспертов и успешных личностей к учебному процессу, обеспечивающих непрерывное повышение квалификации практикующих учителей и эффекты катализации учебного процесса.

Побочные эффекты:

- Смягчение кадровых дефицитов в отдельных школах;
- Массовое, быстрое и экономически выгодное внедрение инноваций;
- Реальная профессиональная подготовка будущих учителей в педагогическом ВУЗе;
- Подготовка востребованных рынку труда будущих специалистов.

Основная идея образовательного проекта Мега-класс

Создается образовательный кластер из нескольких школ, вузов, бизнес-структур, с целью функционирования непрерывного замкнутого цикла «Школа - Педагогический университет - Бизнес - Педагогический университет - Школа».

Мега-класс в кластере – это территориально распределенный коллектив учащихся школ, студентов педвузов, осуществляющий обучение в рамках единого учебного процесса школ и педвузов, с участием IT-фирм, ученых, и др. экспертов.

Учебный и производственный процесс в этом кластере согласуется для достижения каждой структурой своих целей. К примеру, IT-фирмы создают программные среды для глобализации учебного процесса, определяют производственные задачи для подготовки специалистов для своей отрасли, студенты и преподаватели вузов совместно с учителями разрабатывают сценарии уроков, нацеленные на нужды производства, науки и образования. В зависимости от целей и задач кластера проводятся мега-уроки по одной из подходящих моделей мега-класса в условиях видеоконференцсвязи и сетевых сервисов[4]. При этом учителя, студенты и преподаватели совместно с учениками учатся вместе добывать знания и решать реальные «живые», востребованные практике задачи. Происходит резкий поворот от модели передачи знаний от эксперта ученику, к модели совместного приобретения знаний.

Разные модели обучения в мега-классах.

Модель один ко многим. Некоторые инновации можно массово внедрять в образовательную систему от уникальных экспертов всему сообществу, например, обучение суперкомпьютерным вычислениям, по которым реально не хватает специалистов-методистов.

Модель один – к одному. Есть проектные задания, которые каждый ученик должен выполнять индивидуально. Здесь создается механизм кураторства, например, привлечение студентов ВУЗов к уроку и их тьюторство над каждым учеником при выполнении проектных заданий on и off-line.

Модель многие-к-одному. Для выполнения индивидуального проекта обучаемого (например, курсовая работа, ВКР, школьный проект) к консультированию привлекают-

ся разные «узкие» специалисты: филолог для грамотного изложения работы, методолог для философского осмысления методологии работы, программисты для написания эффективного кода.

Модель многие – ко многим. Мега-уроки проходят в виде серии мастер-классов учителей и преподавателей кластера по разным разделам урока.

Модель конференции. Серия мега-уроков посвященная некоторому учебному разделу проводится в форме организации и проведения учебной конференции: определение заданий, их выполнение, подготовка докладов и их презентация, анализ работ, обмен опытом и пр.

Модель вебинара. Мега-урок проходит в формате научных семинаров/вебинаров.

Способы обучения в мега-классах

- Коллективные способы обучения (частично по Дьяченко В.Ф.): пары сменного состава в рамках кластера, межшкольные команды, деловые игры, и пр.
- Совместная работа над проектами с помощью облачных сервисов.
- Сетевые учебные проекты с помощью блогов, социальных сетей.

В настоящее время в Красноярском крае в экспериментальном режиме функционируют несколько образовательных кластеров, в каждом из которых отрабатывается одна из моделей мега-уроков. Предлагаемый международный мега-урок проектируется и будет проведен впервые в реальном учебном процессе участников созданного Международного кластера.

Список литературы:

1. Пак, Н.И. Модель кластерной системы социально-образовательной поддержки школьников сельской местности и Крайнего Севера [Текст] / Н.И. Пак, Л.М. Туранова // Вестник СФУ, 2013. - №6(9). - С. 1297-1309.

2. **Пак, Н.И.** О модели мышления и ментальных схемах [Текст] /Н.И. Пак // Практико-ориентированное обучение в профессиональном образовании: проблемы и пути развития : материалы научно-практической конференции в рамках XVIII Междунар. науч. конф. «Решетневские чтения». - Красноярск : СибГАУ, 2014. - С. 306–310.
3. **Пак, Н.И.** Умное образование: ответ на вызовы смарт-общества [Текст] / Н.И. Пак // Информатизация образования: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. - Омск : ОмГПУ, 2014. - С. 75–82.
4. **Стариченко, Б.Е.** Организация учебного процесса в вузе на основе информационно- технологической модели обучения: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. [Текст] / Б.Е. Стариченко, С.С.Арбузов Научно-издательский центр «Академический». - North Charleston, SC, USA, 2014. - С. 65–68.

ГРНТИ 14.35

УДК 303.83

378

*Князева Оксана Игоревна
Забара Людмила Ивановна*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Научно-исследовательская деятельность, студенты, федеральный государственный образовательный стандарт, педагогический университет, студенческое научное общество.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется понятие «научно-исследовательская деятельность», структура и основные элементы: субъект, объект, педагогические условия, функции, средства, результат. Описаны основные формы научно-исследовательской деятельности студентов в педагогическом университете. Отмечены наиболее значимые

для студентов проблемы научно-исследовательской деятельности, а также ее перспективы.

*Knyazeva Oksana Igorevna
Zabara Lyudmila Ivanovna*

STUDENTS' SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITIES AS ELEMENT OF THE SYSTEM OF HIGHER PRO- FESSIONAL EDUCATION

KEY WORDS: Scientific-research activity, students, Federal State Educational Standard, pedagogical university, student's scientific society.

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the notion “scientific-research activity“, structure and basic elements: a subject, an object, pedagogical conditions, functions, facilities, result. Main forms and important problems of students' scientific-research activities in pedagogical university.

В соответствии с концепцией развития высшего профессионального образования в современном образовательном пространстве Российской Федерации приобретает значимость всесторонняя подготовка бакалавров, магистров и аспирантов, обучающихся в высших учебных заведениях (далее ВУЗах). Так, одной из важных составляющих в организации процесса подготовки студентов, наряду с образовательной деятельностью, является их включенность в научно-исследовательскую деятельность. Из федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (по уровням и направлениям подготовки) следует, что выпускник, освоивший программу бакалавриата/магистратуры/аспирантуры, должен быть готов «использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования» [1, с.8]. Рассматривая каждую ступень образования, целесообразно отметить, что

чем выше уровень подготовки студента, тем более углубленные знания по определенному профессиональному направлению он получает. Согласно этому, обучаясь в бакалавриате, студент получает фундаментальную подготовку в широкой области знаний по выбранному направлению; обучение в магистратуре предполагает более глубокое освоение теории и подготовку студента к научно-исследовательской деятельности; обучение в аспирантуре является основной формой подготовки в России научных и научно-педагогических кадров при ВУЗах, научных учреждениях и организациях. Соответственно, научно-исследовательская деятельность является одним из основных видов деятельности на всех уровнях высшего образования.

В современной психолого-педагогической литературе обозначилось несколько направлений изучения научно-исследовательской деятельности студентов (далее НИДС), которые условно можно разделить на три группы. К первой группе относятся труды, посвященные особенностям и специфике познавательной и исследовательской деятельности в целом (В.И. Андреев, Г.А. Балл, В.И. Загвязинский, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, В.А. Сластенин и др.). Вторая группа работ включает в себя исследования по изучению особенностей студенческого возраста, их интересов, возможностей, достижений (С.И. Архангельский, Р.Р. Бибрих, Н.М. Борытко, А.А. Вербицкий, Е.П. Кораблина, Э.Коуэн, С.Е. Моторная, С.Д. Смирнов, М.К. Тутушкина, Э. Эриксон и др.). В третью группу вошли труды, связанные с изучением роли НИД в системе повышения качества подготовки студентов в высших учебных заведениях, формах, результатах этой деятельности (Г.П. Черноусов, Т.А. Алиев, Т.А. Заболотская, В.Р. Атоян, А.С. Железняков)» [2, с.173].

Само понятие «научно-исследовательская деятельность студентов» трактуется по-разному. Так, С.Н. Петрова, А.А. Кутумова и Т.И. Кушнир считают, что это «выполнение

творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением, которая предполагает наличие основных этапов исследования в научной сфере (постановка проблемы, изучение теории, сбор материала, его анализ и обобщение, подбор методик исследования, практическое овладение ими, подведение итогов)» [3, с.1804]. Э.А. Биштова рассматривает научно-исследовательскую деятельность как «процесс профессионального становления личности будущего специалиста, развивающий способности к научному и педагогическому исследованию, самостоятельности, инициативы в учебе, умений и навыков индивидуального и коллективного решения профессиональных задач» [4, с.256]. Р.Т. Жусупбекова под научно-исследовательской деятельностью студентов понимает «процесс совместной деятельности учащегося и педагога» [4, с.159].

На наш взгляд, научно-исследовательская деятельность студента - это комплекс мероприятий учебного, научного, управленческого и организационно-методического характера, который направлен на повышение уровня подготовки студента на основе привития ему навыков научных исследований применительно к избранной профессиональной деятельности (направлению подготовки).

Поскольку основным понятием выступает деятельность, то есть смысл на ней остановиться. В философии под деятельностью понимается «специфическая форма отношения человека к окружающему миру, содержанием которой является его целесообразное освоение и преобразование» [5, с.61]. В психологии под деятельностью понимается «динамическая система взаимодействия субъекта с внешним миром, в ходе которых человек сознательно, целенаправленно воздействует на объект, за счет чего он удовлетворяет свои потребности» [6, с.78]. Структура научно-исследовательской деятельности представляет собой взаимосвязь таких элементов как субъект, объект деятельности, её средства и результат. Основным *субъектом* НИД выступает, прежде всего, студент, имеющий свою мотива-

цию, интересы, навыки исследовательской, проектной, поисковой деятельности. В качестве субъекта можно рассматривать и некоторый «коллектив единомышленников» - студенческий клуб, группу, объединенную общим интересом к предмету познания, коммуникационными связями, неформальными отношениями, опытом совместной деятельности. *Объектом* является то, на что направлен исследовательский интерес субъектов данной деятельности; как правило, это актуальные исследовательские темы, проекты, имеющие отношение к профессиональным интересам обучающихся. Чаще всего объект определяется научным руководителем, научной школой или кафедрой, в которой наиболее эффективно развивается научно-исследовательская и инновационная деятельность. Редко кто из студентов педагогических ВУЗов приходит в науку сам уже «вооруженный» и интересом, и навыками, и умениями. Для того, чтобы он захотел и смог стать субъектом научно-исследовательской деятельности, у него, как правило, необходимо сформировать мотивацию, интерес, а далее и навыки. Обратимся к педагогическим условиям, которые обеспечивают эффективность данной деятельности. Так, по мнению Т.И. Анисимовой и Л.А. Краснова такими *педагогическими условиями* выступают:

- включение студента в деятельность научных сообществ и объединений, его участие в научных мероприятиях, что развивает положительные мотивы к научной деятельности;

- широкое внедрение гуманитарных технологий (развитие критического мышления, языковых навыков, аналитической, исследовательской и проектной деятельности) в образовательный процесс, способствующих реализации индивидуального маршрута исследовательской деятельности студента;

- создание ситуаций успеха в исследовательской деятельности, порождающих у студентов отношение к ней как к ценности [7];

- овладение новыми информационными технологиями, коммуникативными навыками, способствующими развитию креативного мышления, творчеству.

Любая деятельность ориентирована на результат. Для субъекта научно-исследовательской деятельности *результатом* будет участие в научно-исследовательских конференциях и олимпиадах различного уровня, публикация материалов исследования, получение ГРАНТов для проведения исследований, удовлетворение собственных амбиций и, как следствие, возможность занять свое место в науке.

Обратим внимание на *функции*, выполняемые научно-исследовательской деятельностью в процессе обучения студентов в педагогическом ВУЗе. Так, А.А. Кутумова и Т.И. Кушнир выделяют следующие функции:

– образовательная: овладение теоретическими (научные факты) и практическими методами исследования, методикой проведения экспериментов, способами применения научных знаний;

– организационно-ориентационная: формирование умения ориентироваться в источниках, литературе; развитие умений организовывать и планировать свою деятельность; выбор методов обработки информации;

– аналитико-корректирующая: рефлексия студента, самоанализ, коррекция учебно-познавательной деятельности;

– мотивационная: развитие интереса к науке в процессе осуществления научно-исследовательской деятельности, познавательных потребностей; стимулирование самообразования, саморазвития;

– развивающая: развитие критического, творческого мышления, умения действовать в стандартных и нестандартных ситуациях, умения обосновывать, отстаивать свою точку зрения; развитие способностей (познавательных, специальных способностей и др.);

– воспитывающая: становление нравственного и правового самосознания; воспитание способности к адаптации в изменяющейся социальной среде; формирование адекват-

ной самооценки, ответственности, целеустремленности, волевого саморегулирования, смелости в преодолении трудностей и других способностей и черт характера [8].

Однако, на наш взгляд, к функциям научно-исследовательской деятельности также относится:

- информационная: возможность получения, обработки и трансляции информации, которую студент получает в рамках исследовательской деятельности;

- прогностическая: выстраивание индивидуальной исследовательской траектории развития студента в научной деятельности; ориентация на «научное будущее»;

- коммуникативная: формирование способности выстраивать научный диалог, выступать с результатами исследований; организация профессиональной коммуникации, способствующей формированию профессиональной корпоративной идентичности. Именно они говорят о зрелости субъекта, продуктивности результата НИД, востребованности её, так называемой «большой наукой».

В настоящее время, образовательные учреждения располагают необходимыми средствами для включения студента в научно-исследовательскую деятельность (исследовательские лаборатории, технопарки, научные инкубаторы и т.д.). Кроме того, необходимо отметить, что исследовательская деятельность студента во всех ВУЗах России является обязательной. Её основные этапы регламентированы учебным планом и рабочими программами дисциплин. Общепринятыми считаются следующие формы исследовательской деятельности:

1. индивидуальные:

- доклады, рефераты, статьи, сообщения;
- исследовательские, курсовые, дипломные проекты, выпускные квалификационные работы;

2. коллективные:

- студенческое научное общество (далее СНО);
- студенческие научные кружки. Формы работы научных кружков могут быть самыми разными - это доклады,

обсуждения, рецензирование, проведение опытно-экспериментальной работы, просмотр и обсуждение фильмов, экскурсии, изготовление наглядных пособий и оборудования для кабинетов, лабораторные занятия, встречи с интересными людьми, конкурсы, олимпиады, КВНы, викторины, тренинги, дискуссии, игры (деловые, ролевые, интеллектуальные и др.);

- проблемная студенческая группа - объединение студентов (от пяти до пятнадцати человек), исследующих какую-либо проблему или её отдельные аспекты, обозначенные на основе основных направлений научной деятельности кафедры или выбранные самостоятельно. Целью организации работы проблемной исследовательской студенческой группы является развитие научно-познавательных и исследовательских компетенций студентов [9].

В Уральском государственном педагогическом университете (далее УрГПУ) сформировалась и успешно функционирует своя система организации НИДС. Наиболее эффективными ее формами являются: студенческое научное общество, научные кружки/общества в институтах, студенческие научные конференции, предметные олимпиады, ежегодные региональные, всероссийские конкурсы студенческих научно-исследовательских работ. Особой формой привлечения студентов УрГПУ к научной работе является деятельность студенческого научного общества. Студенческое научное общество дает возможность выделить и объединить одаренных студентов для занятий наукой. СНО состоит из научных студенческих объединений, функционирующих в подразделениях. Членом студенческого научного общества может стать любой студент независимо от формы и года обучения, изъявивший желание участвовать в научно-исследовательской деятельности, обязующийся выполнять требования устава общества. Студенческое научное общество УрГПУ – это добровольное студенческое объединение, организуемое в ВУЗе с целью привлечения студентов к научно-исследовательской

деятельности, распространения и обобщения опыта этой деятельности, повышения качества подготовки и воспитания будущих выпускников. На собрании студенческого научного общества студенты своим голосованием выбирают председателя, заместителя председателя и секретаря СНО университета. Для студенческого научного общества характерно именно коллективное участие студентов в научном поиске. Совместная работа формирует у студентов чувство товарищества, взаимопомощи, ответственности за порученное дело; развивает мыслительные способности; воспитывает дисциплинированность, целеустремленность и четкость в работе, аккуратность и настойчивость. Кроме этого, в УрГПУ созданы условия для материального поощрения студентов, приносящих результативность по итогам НИРС. За победы в вузовских, региональных, всероссийских, международных конкурсах и конференциях студенты премируются, имеют возможность получать повышенные стипендии.

Анализируя данные по научно-исследовательской работе со студентами, можно отметить, что в УрГПУ каждый год проводится достаточно много мероприятий научно-исследовательской направленности. Особо стоит отметить, что УрГПУ с 1996 года является базовым вузом для проведения Областного конкурса научно-исследовательских работ студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования Свердловской области «Научный олимп» по направлению «Гуманитарные науки». В 2015 году прошел XVIII по счету областной конкурс НИРС, в котором приняли участие 349 студентов, 129 из которых - студенты УрГПУ. Важным является то, что в марте 2015 г. УрГПУ впервые стал площадкой для проведения отборочных соревнований III чемпионата Свердловской области по профессиональному мастерству WorldSkills Russia-2015. Кроме этого, студенческое научное общество УрГПУ ежегодно проводит международную научно-практическую конференцию «Молодежь в науке и образовании: пробле-

мы и перспективы развития», также ежегодным является мероприятие «Научная сессия», в рамках которой проводится цикл семинаров, тренингов и мастер-классов ведущих ученых, профессоров и доцентов по актуальным темам исследования. Большинство мероприятий проводятся силами студентов. Данные мероприятия имеют содержательный, воспитывающий, обучающий и формирующий характер, и отмечаются высокой подготовленностью, поддержанностью. Лучшие доклады, научные статьи публикуются в сборниках студенческих научных работ и даже в журналах, включенных в список высшей аттестационной комиссии.

Несмотря на это, как показывает практика, научно-исследовательской работой в вузе занимается только треть студентов. Здесь нельзя не согласиться с мнением И.С. Алаторцевой, о том, что наиболее значимыми для студентов проблемами НИДС в ВУЗе остаются:

- недостаточность финансирования научных исследований, материального стимулирования субъектов научной деятельности;
- проблема послевузовского трудоустройства;
- отсутствие необходимой материально-технической базы в вузе;
- отсутствие регулярных научных контактов с российскими и зарубежными вузами, стажировок в российских и зарубежных вузах;
- отсутствие возможности внедрения студенческих научных разработок в производство;
- незаинтересованность преподавателей [10, с.82].

Эти проблемы есть и в педагогических ВУЗах. В первую очередь педагогические ВУЗы являются гуманитарными, соответственно специфика ВУЗа определяет характер исследований студентов; во-вторых, в большинстве ВУЗов отсутствуют современные технически оснащенные лаборатории, и, как следствие, необходимые материалы для проведения исследования; в-третьих, результаты науч-

ных исследований носят больше теоретический характер, поэтому возможность внедрения результатов исследования, что носит ограниченный характер.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что совместное научное творчество ученых, преподавателей, студентов и аспирантов — самый эффективный, проверенный практикой путь развития потенциальных способностей, становления характера исследователя, воспитания инициативы, ответственности, трудолюбия, потребности и навыков постоянного самообразования в будущем. Можно сказать, что именно такая деятельность позволяет говорить об инновационном потенциале как научных школ, так и университетской науки в целом. Наконец, научно-исследовательская деятельность студентов является необходимой составной частью системы подготовки высококвалифицированного, ориентированного на современный рынок труда специалиста, инициативного, способного критически мыслить и использовать инновационные методы и технологии в своем развитии, направленном на достижение высоких результатов.

Список литературы:

- 1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование.** Утвержден 04.12.2015 [Текст]. – Москва, 2015. – 19 с.
- 2. Алаторцева, И.С.,** Проблема активизации научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи [Текст] / И.С. Алаторцева // Высшее образование в России. 2007. - № 10. - С. 81-84.
- 3. Анисимова, Т.И.,** Подготовка бакалавров педагогического образования к научно-исследовательской деятельности [Текст] / Т.И. Анисимова, Л.А. Краснова // Образование и наука. 2011. - № 4(83). - С. 40-44.
- 4. Биштова, Э.А.** Научно-исследовательская деятельность как фактор профессионального развития студента [Текст] /

Э.А. Биштова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради. 2007. - № 20(49). - С. 253-257.

5. **Большой психологический словарь.** [Текст] / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. - 672 с.

6. **Жусупбекова, Р.Т.** Научно-исследовательская деятельность студента [Текст] / Р.Т. Жусупбекова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. - № 1. - С. 158-161.

7. **Кутумова, А.А.,** Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки бакалавров профессионального обучения [Текст] / А.А. Кутумова, Т.И. Кушнир // Фундаментальные исследования. 2014. - № 11. - С. 1803-1807.

8. **Петрова, С.Н.** Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов [Текст] / С.Н. Петрова// Молодой ученый. 2011. - № 10. - С. 173-175.

9. **Стерхова, Н.С.** Формы и виды организации исследовательской деятельности студентов педвуза [Текст] / Н.С. Стерхова // Вестник Шадринского государственного педагогического института : науч. журн. Шадринск, 2013. С. 159-167.

10. **Философский энциклопедический словарь** [Текст]. – М.: Сов. энцикл., 2008. – 430 с.

ГРНТИ 02.31.21

УДК 162.6

Летягин Леонид Иванович

«ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ» ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наука, идеология, эпистемология, истина, марксизм.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу проблемы истинности социального знания в науке на ее «постнеклассическом» этапе развития. Автор рассматривает связи и отношения науки, религии и идеологии. Кроме этого анализируются и основные условия научного познания в рамках марксистской эпистемологической традиции.

Letyagin Leonid Ivanovich

**«POSTNONCLASSICAL»SOCIAL STUDIESIN THE
SEARCH OF THE TRUTH .**

KEY WORDS: science, ideology, epistemology, truth, Marxism.

ABSTRACT. The article deals with the analysis of the problem of social knowledge established truth in science during its “postnonclassical” development stage. The author is looking at the connections and relations of science, religion and ideology. Apart from that being analyzed are also the major conditions of scientific finding in the framework of Marxist epistemological tradition.

Как показывает история развития научного познания для него фундаментальной и принципиальной всегда была проблема поиска и применения такой методологии, которая бы обеспечивала достижение истинного знания.

Что касается современного варианта решения этой проблемы, то он отражает те радикальные изменения, которые претерпевает сегодня наука и все аспекты ее понимания: 1) как системы знания; 2) познавательной деятельности – её целей, принципов, средств, регулятивов; 3) социального института, выполняющего определенные функции в социальной системе, как одного из важнейших условий функционирования и развития общества.

Мы имеем в виду появление нового типа «постнеклассической» рациональности, в основе которого лежат осо-

бенности: 1) теоретических представлений об организации исследуемых объектов и типах картины мира; 2) средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта теоретической деятельности и рефлексии над ними, выраженных в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [См.: 13, с. 249-251].

Если очень кратко сформулировать суть новой эпистемологии, то она заключается в признании периферийности таких требований истинности научно-теоретического знания, как его наглядность и эмпирическая проверяемость, что характерно для «классической» и, в определенной степени, для «неклассической» науки и, самое главное, того, что между познающим разумом и объектом его познания существует «посредник» - человеческая деятельность.

С этих позиций научный разум теряет свою «суверенность» («нейтральность», «отстраненность», «объективность») и предстаёт не как дистанцированный от мира «чистый разум», а как включенный в этот мир, развивающийся вместе с развитием деятельности, формированием ее новых видов, целей и средств [См.: 13, с. 249-256], то есть разум, детерминированный культурой, содержанием которой являются, помимо предшествующего теоретического знания, различного рода нормы, ценности, мировоззренческие установки, представляющие собой конкретно-историческое и иерархическое системное единство.

Это закономерно приводит к изменению представлений о критерии истинности (ложности) тех или иных теоретических положений или теорий в целом – истинным оказывается то, что является ценным, то есть *благом*. Именно поэтому развитие «постнеклассической» науки предполагает преодоление той принципиальной и полярной «классической» и менее «жесткой» в «неклассической науке» дихотомии, противопоставлявшей ценность и знание.

«Постнеклассическая» рациональность начинает рассматривать не только научные знания с точки зрения их

прагматической ценности, но сами эти *ценности как форму знания и методологию его получения*.

Данная позиция вызывает неоднозначную реакцию.

На противоречивость «постнеклассической парадигмы» обращает внимание А. П. Огурцов, считая, что экстраполяция аксиологии на сферу научно-теоретического знания «приводит к релятивизации Истины и способов ее достижения, к отождествлению регулятивов познания и оценки, к подмене познавательных актов актами оценки, эйдетического дискурса этико-аксиологическим дискурсом. Абсолютизация аксиологического подхода, превращение Истины в ценность определенной культуры, отождествление двух различных видов дискурсов чревато и тем, что Истина подменяется какими-то другими праксеологическими по своему содержанию регулятивами. На место Истины как регулятива познания выдвигаются новые весьма прагматичные критерии и регулятивы — полезность, эффективность, правдоподобие, приложимость, простота, точность и пр.» [8, с.9].

Тем самым критерием истинности научного знания «научности» методологии его «получения» начинает считаться «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Причем «эксплицируется связь внутринаучных целей с вне-научными, социальными ценностями и целями» [14, с. 634].

Истина – это то, что полезно для общего блага, обладает общечеловеческим значением и ценностью - наука должна быть направлена «на поиск истины и рост истинного знания в синтезе с поиском и реализацией гуманистических идеалов» [10, с. 87].

Данная ситуация экстраполируется и на социально-гуманитарную эпистемологию. когда признание *любой возможной* интерпретации объекта как истинной, то есть соответствующей прагматическим целям и ценностям «общего блага», означает глубокие изменения в научном

статусе социальных теорий.

В «новых условиях» генеалогия и топология познавательного процесса оказывается многомерной, а его результатом оказывается некое *множество равнозначных истин*, их плюрализм.

«Вопреки классической эпистемологии, - отмечает В.Г. Федотова, - истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [15, с. 50].

Вполне определенно об этом же высказывается один из ярких представителей «постнеклассики» Х.-Г. Гадамер, когда, рассматривая эпистемологию исторического познания, пишет, что его опора на этико-аксиологический дискурс означает «момент истины. Обусловленность даже может мыслиться как необходимый составной элемент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз „научным“ — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего» [2, с. 10].

Итак, посмотрим, к чему приводит указанная точка зрения, согласно которой, как мы уже сказали выше, приоритетными критериями истинности социальной теории позиционируются мера соответствия последних: 1) ценностям «общего» (в «предельном» итоге – общечеловеческого) блага; 2) степени «полезности» и «эффективности» в практической реализации целей этого «общего блага», то есть обеспечения «прогрессивного развития человечества».

Одним из ярких примеров реализации такого подхода могут служить «новые отношения», возникающие между социальной теорией, религией и идеологией.

Что касается религии, то она начинает позиционироваться как равноправный с научно-теоретическим знанием и его методологией участник процесса создания «карты

сущностей».

В защиту этого положения приводятся следующие аргументы: во-первых, в рамках религии, как и в науке, формируется и существует вполне системная «картина» устройства природы, общества и понимания человека, их конечных и «предельных» детерминант, во-вторых, указываются способы познания «мира» и экзистенциального смысла «всего сущего».

Кроме этого, религия обладает теми же свойствами, что и «постнеклассическая» наука, а именно: 1) истинности как ценности; 2) привлекательности; 3) полезности; 4) эффективности.

Вот что пишет по этому поводу Д. В. Пивоваров: «Не всякая полезность истинна и привлекательна. Не все привлекательное истинно и полезно. Общество по-разному настроено на приятие или неприятие научных теорий и религиозных учений. Привлекательная доктрина (теория) очень быстро распространяется в обществе, даже если ее истинность и полезность еще не установлены» [9, с. 581-582].

Тем самым ни научная социальная, ни религиозная теория не могут однозначно идентифицироваться по шкале «истинного» или «ложного» знания и та и другая представляют собой *формы нормативных теорий*. Если научная истина включает в себя оценочный (субъективный) нормативный компонент в качестве одного из своих важнейших конституирующих признаков, то религия делает то же самое.

Поэтому «вместо объявления религиозных идей ложными, не соответствующими действительности, религию считают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых неприменимы категории истинности-ложности [См.: 17, с.73].

Если же вновь вернуться к показателю эффективности, как критерию истинности, то религия отвечает требовани-

ем этого критерия - она «не является сегодня препятствием для социального прогресса... при адекватной интерпретации она даже повышает его шансы на успех» [3, с. 24].

А теперь скажем об «общечеловеческих ценностях».

Мы не будем здесь воспроизводить в подробностях те дискуссии, которые шли и идут по поводу их содержания, формах, структуре и, собственно, о существовании, как таковом.

Скажем лишь о том, что целый ряд всемирно известных обществоведов (назовем лишь имена Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби), отрицавших общее в истории, культуре, духовной жизни разнообразных народов и стран.

В свою очередь, противоположная номинализму реалистическая традиция (как в материалистической так и идеалистической формах), признает наличие общего и исходит из того, что общечеловеческие ценности имманентны развитию общества, выполняют важнейшую функцию обеспечения преемственности человеческого существования, человеческой культуры, единства и «связности», «всеобщности» человеческой истории, выступая в качестве системы «аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» [11, с.141].

Но общество состоит не из Робинзонов или неких «атомов-индивидов», а представляет сложную и противоречивую систему деятельности, защищающих и преследующих свои интересы *конкурирующих* между собой экономических, политических, национальных, конфессиональных и других социальных групп с которыми идентифицирует себя индивид.

Для победы в конкуренции необходима масса убежденных в своей правоте участников, причем чем больше их,

чем выше организация этих масс, тем больше шансов на успех.

Поэтому каждая такая группа, претендующая на доминирование в социальной системе всегда в своих притязаниях будет опираться не только на свои традиции, обычаи, моральные нормы и т.д., но и на авторитет нормативной социальной теории в ее конкретно-исторических формах – мифологической, религиозной или научной, как соответствующей «общему благу», неважно создавалась ли она под «заказ» или нет.

С другой стороны, и сама теория должна быть наделена свойствами выражения и защиты группового интереса как всеобщего, общечеловеческого, апологизирована в качестве абсолютно-истинной, а ее планируемые результаты должны быть представлены как достижимые или «здесь и сейчас» или в просматриваемой исторической перспективе.

Вот так и возникает идеология как система «взглядов, идей (концепций, программ), возникающих на основе конкретно-исторической социальной теории, в которых абсолютизируются (сакрализируются) интересы, ценности, смыслы определенной социальной группы (института) в качестве «предельных», «конечных» (общечеловеческих), дается представление об «идеальном» проекте устройства будущего общества (государства), об императивной необходимости его практической реализации, о путях, средствах этой реализации» [5, с.172].

Анализируя основные требования «постнеклассической» эпистемологии к истинному знанию, нельзя не сказать и о ее критическом отношении к предшествующим взглядам на эту проблему, в частности в претензиях к марксизму, за его «подавление» свободы мнений (плюрализма), «идеологичность», «религиозный» и «утопический характер» и т.д.

Что можно по этому поводу сказать?

Во-первых, если следовать заявляемой «постнекласси-

кой» идее о плюрализме истины, то если мы за плюрализм, то марксизм точно такая же научная теория, как и все остальные.

Во-вторых, если уж и рассматривать марксизм в качестве «светской религии», что стало «общим местом» в многочисленных работах, то согласно «современным» взглядам на религию, о чем мы говорил выше, анализируя ее связь с «постнеклассической» наукой, ничего негативного и так скажем, «криминального», в этом нет.

В-третьих, то же самое касается не менее часто встречающегося обвинения марксизма в утопизме, ведь «новое» понимание утопии связано с признанием того, что она составляет *суть* (курсив наш – Л.Л.) любой социальной теории» [1, с. 62], оказываясь близкой родственницей науки» [18, с. 31].

Если же непредвзято обратится к анализу работ К.Маркса, то он, как известно, неоднократно подчеркивал принципиальное отличие своих теоретических построений от всего предшествующего обществознания тем, что, по его мнению, методология и возникающая на ее основе теория должна быть свободна от таких недостатков как: 1) априоризм; 2) догматизм; 3) нормативизм.

В основе последнего как раз лежат представления о неких «родовых» и «вечных ценностях», изначально присущих человеческой природе, которые проявляются «вовне» посредством норм долженствования и соответствующих «проектов», которые необходимо реализовать практически.

При этом, в качестве исторически конкретных «внешних оболочек» (форм существования) такого рода нормативных систем выступают мораль, мифология, религия, утопии, разнообразные теории, в которых всё происходящее в обществе рассматривается с точки зрения априорных ценностей априорно-телеологического блага, «встроенного» в природу человека и в историю.

Такого рода взгляды, с точки зрения марксизма, однозначно противоположны науке и научной методологии, и рано или поздно такая «нормативная эпистемология» приводит к не менее «нормативной онтологии», к идеализму.

Из этого следует, что принципы достижения «социальной истины» (К. Маркс), логика познавательных процедур и оформления полученных результатов в форме системы знаний о законах и закономерностях функционирования и развития общества должны соответствовать принципам и логике организации любого научного «позитивного» знания, как знания 1) категориального, выражающего в абстрактной форме объективную логику реальных процессов, 2) свободного от нормативных (мораль, религия, искусство, философия и т. д.) оценок, покоящегося на «трех китах» — *научном методе (материалистическая диалектика), истории и статистике.*

Одним из хрестоматийных примеров реализации такого подхода к научному знанию является предисловие К. Маркса «К критике политической экономии».

В нем, в рамках диалектико-исторического метода, находят свое категориальное выражение («производительные силы», «производственные отношения», «базис», «надстройка», «общественная формация» и т. д.) основные закономерности «действительных», «эмпирических» процессов, происходящих в истории общества.

Вот как оценила известный исследователь экономических теорий С. Назар ту задачу, которую ставил перед собой К. Маркс при написании данной работы: «Начиная заниматься экономикой в 1844 году, Маркс не собирался показывать, что жизнь при капитализме ужасна... В его планы не входило обличать капитализм с точки зрения морали, и особенно морали христианской... Основной целью его труда было „математически точное“ доказательство того, что система частной собственности и свободной конкуренции не может работать и поэтому „должна произойти революция“. Он хотел раскрыть „закон движения совре-

менного общества“. При этом он планировал представить труды Смита, Мальтуса, Риккардо и Милля как ложную религию, подобно тому, как радикальные немецкие богословы доказывали, что библейские тексты являются подделкой и фальсификацией» [7, с. 64-65].,

То же самое следует сказать и о «Капитале», в котором в категориальной форме («товар», «обмен», «деньги», «стоимость», «прибавочная стоимость» и т. д.) К. Маркс представляет «действительную» объективную логику функционирования и развития буржуазного общества, целенаправленно абстрагируясь от «идеологических наслоений», нормативных, в первую очередь моральных, оценок [См.:16, с. 196].

Отсюда следует, что как только социальная теория переходит от ответа на вопрос о том, как устроено общество к оценке этого устройства с точки зрения нормативных требований и представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости и т.д, и, самое главное, о «должном», как соответствующем «природе человека» и отвечающем самым фундаментальным «общечеловеческим ценностям» устройстве общественной жизни, она становится нормативной теорией, начиная свой транзит к существованию в форме идеологии.

Именно это происходит и с марксизмом, позиционирующим интересы пролетариата, решающего «всемирно-историческую задачу», как соответствующие общечеловеческим ценностям в построении «подлинного *человеческого* общества, обобществившегося человечества» [6, с. 4].

Завершение же этого транзита было реализовано В. Лениным.

Всё то, что было предпринято им в разработке марксизма — это, по сути дела, продолжение процесса его идеологизации, начатой самим марксизмом.

В. Ленин лишь закончил ее, «сняв» противоречие «научной теории» и «действительности» путем отождествления «материалистической диалектики» и принципа пар-

тийности как главного эпистемологического требования, обеспечивающего «научность» марксизма, соединяющего «партийную науку в современном обществе и гносеологию» [См.: 4, с.363-364].

В рамках ленинизма «научное» (истинное) оказывается модусом «классового», и, в конечно итоге, «партийного», где принцип партийности выполняет роль «каркаса» для мысленного конструирования, когда *нормативная модель истории отождествляется* с научным знанием, принимающим телеологическую форму реально реализуемых «научно обоснованных» проектов «коммунистического будущего» и служит «категориальному обоснованию уже принятых политических решений» [12, с. 172].

Но что, в противовес «идеологии марксизма-ленинизма», предлагает «постнеклассическое» обществознание в качестве научной методологии?

А предлагает оно «новое видение» реальности, ее закономерности функционирования и развития, которые могут выявляться посредством воспроизведения и понимания этой реальности в языке и тексте. Сама же эта реальность если и признается, то лишь как потенциальная возможность для разнообразной символизации – язык и тексты конструируют окружающую индивида среду, как нормативную, в единстве значений, образов-смыслов, образов-символов, образов-идеалов и императивно-необходимую для осознания своей индивидуальной (групповой) идентичности и действий в соответствии с ней.

Кстати, одним из основателей указанной методологии считается советский философ В. Н. Волошинов.

В своей работе «Марксизм и философия языка» (1929) он настаивал на том, что «без знаков нет идеологии» [21, р.9], что их сферы совпадают по «пространственной протяженности»: сознание возникает лишь с воплощением его в «материальных знаках». Они поэтому являются не только отражением реальности, но и интегральной частью ее.

«Логика сознания, — писал он, — есть логика идеоло-

гической коммуникации. Если мы лишим сознание его семиотического, идеологического контента, оно исчезнет» [21, р.13] Признание же того, что «слово — есть априорно идеологический феномен», означает, что идеология не может быть изолирована от значения, а само значение — от социальных предпочтений той или иной группы, что определяет множественность (плюрализм) этих значений и соответствующих идеологических предписаний как императивов поведения, их динамизм (изменчивость) и то, что они представляют «арену классовой борьбы».

«Работа Волошинова, — считает Т. Иглтон, — дала новое определение идеологии как борьбы антагонистических социальных интересов на уровне значения» [19, р. 195].

В свою очередь Д.Б. Томпсон, отмечая роль советского ученого в формировании анализа идеологии, писал: «Власть идеологии стала определяться не только с точки зрения содержания значения, но как средство производства значений» [20, р. 132].

При этом, претендуя на роль научной эпистемологии, «постнеклассическое» обществознание, само признает принципиальную ангажированность социальных теорий, то есть «идеологичность».

На это указывает уже цитированный нами Х.-Г. Гадамер, отмечая, что в современном «насквозь организованном обществе, каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти» [2, с.11].

Таким образом, подводя итоги анализу сформулированной нами проблемы, возникают серьезные сомнения в обоснованности претензий «постнеклассического» обществознания на роль научной теории и методологии.

И та и другая – это эвфемизмы, которыми сознательно скрывается «идеологичность» постнеклассического обществознания и как теории и как методологии постижения

ИСТИНЫ.

Список литературы

1. **Аинса, Ф.** Реконструкция утопии : [Текст] эссе / Ф. Аинса. — М. : Наследие : Edition UNESCO, 1999.- 208 с.
2. **Гадамер, Х.-Г.** Истина в науках о духе [Текст] / Х.-Г. Гадамер // Топос. 2000. - № 1. - С. 7-12.
3. **Гречко, П.К.** Гражданская религия: от сакральности божественной к сакральности человеческой [Текст] / П.К. Гречко // Философские науки. 2012. - № 4. - С. 11—26.
4. **Ленин, В.И.** Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии [Текст] / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 томах. Изд. 5-е. Москва: ИПЛ, 1968. - Т. 18. - С. 7- 384.
5. **Летягин, Л.И.** Философия идеологии: [Текст] моногр. / Л.И. Летягин. Екатеринбург, Изд-во ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. университет, 2014. - 281 с.
6. **Маркс, К.** Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: ГИПЛ, 1955. - Т. 3. - С. 1-4.
7. **Назар, С.** Путь к великой цели: история одной экономической идеи [Текст] / С. Назар. — М. : АСТ, 2013. - 704 с.
8. **Огурцов, А.П.** Благо и истина: линии расхождения и схождения [Текст] / А.П. Огурцов // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы - ИФ РАН, 1998.- С. 5-38.
9. **Пивоваров, Д.В.** Философия религии [Текст] / Д.В. Пивоваров. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. - 640 с.
10. **Прохоров, М. М.** Наука и современность [Текст] / М.М. Прохоров // Философия и общество. 2013 - № 1. - С. 86-104.
11. **Севостьянова, Н.Г.** Общечеловеческие ценности [Текст] / Н.Г. Севостьянова // Новейший философский словарь / сост. А. А Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. - 896 с.

12. **Стещенко, Н. И.** Диалектика и идеология [Текст] / Н. И. Стещенко // Философские науки. 1991. - № 1. - С. 168-174.
13. **Стёпин, В.С.** Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Текст] / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб. : Мирь, 2009. - 672 с.
14. **Стёпин, В. С.** Теоретическое познание [Текст] / В.С. Степин. - М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
15. **Федотова, В.Г.** Классическое и неклассическое в социальном познании [Текст] / В.Г. Федотова // Общественные науки и современность. 2012. - № 4. - С. 45-54.
16. **Хайлбронер, Р.Л.** Философы от мира сего [Текст] / Роберт Л. Хайлбронер. — М. : Изд-во КоЛибри, 2008. - 432 с.
17. **Шахов, М. А.** Реализм как общая основа религиозного и научного знания [Текст] / М. А. Шахов // Вопросы философии. 2008. - № 10. - С. 66 -77.
18. **Шацкий, Е.** Утопия и традиция [Текст] / Е. Шацкий. - М. : Прогресс, 1990. - 456 с.
19. **Eagleton, T.** Ideology: an introduction [Текст] / T.Eagleton. - London: Verso Books, 1991. - 242 p.
20. **Thompson, J. B.** Studies in the Theory of Ideology [Текст] / J. B. Thompson. — Cambridge, 1984. - 346 p.
21. **Voloshinov, V. N.** Marxism and the Philosophy of Language [Текст] / V. N. Voloshinov. - New York, 1973. - 205 p

ГРНТИ 15/14

УДК 159.96 + 377

Марамзина Наталья Юрьевна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ С ОСЛАБЛЕННЫМ СЛУХОМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети с ослабленным слухом, слабослышащие дети, психическое развитие, психологическая

помощь, диагностика, наблюдение, коррекция психического состояния.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы психологической коррекции дисфункций развития у слабослышащих детей. Помощь психолога слабослышащим детям подразумевает диагностику, постоянное наблюдение и анализ изменений, коррекцию психофизического состояния через игровую деятельность и формирование личности ребенка. Кроме того, она подразумевает разработку психологами индивидуальных рекомендаций для родителей таких детей.

Maramzina Natalia Yurievna

PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO CHILDREN WITH IMPAIRED HEARING

KEY WORDS: children with impaired hearing, hard-of-hearing children, psychological development, mental health care, diagnosis, observation, correction of the mental state.

ABSTRACT. In the article the questions of psychological correction of dysfunctions of development in hearing impaired children are considered. Counselling hearing-impaired children involves diagnosis, continuous monitoring and analysis of changes, correction of psychophysical condition through play activity and personality formation of the child. It also involves the development of individual psychologists tips for parents of such children.

Французский философ XVI века Мишель Монтень считал, что глухота является не столько физическим, сколько социальным недостатком, ибо лишает человека главного канала связи с миром и его познания – способности быстрого и свободного общения. Однако, социальная сторона этого недостатка является только производной от специ-

фики психофизического развития человека, в частности ребенка.

Особенно проблемно психофизическое развитие и социализация проходит у детей с врожденной или рано приобретенной тугоухостью. Это объясняется тем, что нарушение слуха затрудняет их общение с окружающими, замедляет усвоение информации, обедняет личный и социальный опыт детей, что непосредственно отражается на формировании их личности, а точнее на выработке целого ряда комплексов и искаженных представлений о себе и мире.

Сразу необходимо оговориться, что в рамках данной статьи говорится только о детях с частичной потерей слуха – слабослышащих (тугоухость I, II, III степеней), так как психологическая и педагогическая работа с глухими и слабослышащими детьми имеет ряд существенных различий.

Действительно, для выявления специфики психического развития слабослышащего ребенка весьма существенен факт наличия не тотального, а частичного нарушения слуха, так как в отличие от глухого ребенка слабослышащий использует иные способы приспособления к своему дефекту и иные пути его компенсации (например, не за счет зрения, а за счет остаточного слуха), кроме того, он более интенсивно социализируется и развивается. А если сравнивать слабослышащего ребенка с нормально слышащим, то становится понятным, что у них наблюдается качественное отличие в использовании слуха как фактора развития речи. Кроме того, у слабослышащих детей, по данным психолого-педагогических исследований, проявляется ряд особенностей психического и интеллектуального развития.

Во-первых, у детей с нарушением слуха наблюдается расстройство основных функций речи (коммуникативной, обобщающей и пр.) и составных частей языка (словарный запас, грамматический строй, фонетический состав). Это оказывает опосредованное влияние на формирование памяти. По исследованиям Т.В. Розановой, память слабо-

слышащих детей работает значительно интенсивнее, чем у нормально слышащих детей. В связи с этим часто происходит «потеря отчетливости, яркости воспроизведения объекта, уменьшение размеров, уподобление предмета другому, хорошо известному» [1, с.43] и пр. Кроме того, у слабослышащих детей медленнее протекают процессы запоминания, сохранения и воспроизведения слов и предложений.

Во-вторых, в связи с тем, что у слабослышащих детей замедлено формирование речи и абстрактного мышления, затрудняется и развитие воображения – одного из важнейших факторов гармоничного развития и формирования личности в целом. Его медленное развитие объясняется небольшим и достаточно однообразным запасом представлений об окружающем мире, а также недостаточностью социального опыта ребенка с ослабленным слухом, «неумением перестраивать имеющиеся представления в соответствии со словесным описанием» [1, с.57].

В-третьих, замедленный темп овладения словесной речью определяет развитие словесно-логического, наглядно-действенного и образного мышления детей с нарушениями слуха. Нарушение слуха оказывает также влияние на формирование всех мыслительных операций и приводит к затруднениям в использовании теоретических знаний на практике.

В-четвертых, психологи обращают внимание на эмоциональную возбудимость и повышенную психическую истощаемость, склонность к негативизму, двигательную расторможенность у большинства детей с нарушениями слуха. Среди слабослышащих детей наиболее часто наблюдаются замкнутые, мало контактные дети.

Все это приводит к «неадекватному формированию психологического опыта, отставанию в сроках формирования психических функций и качественным отклонениям в развитии психической деятельности в целом» [4, с.6]. Наи-

более ярко отставание в развитии, наблюдается у слабослышащих детей раннего и дошкольного возраста.

Однако, несмотря на серьезное в целом отставание в психическом и интеллектуальном плане от своих слышащих сверстников, особенности личности и поведения слабослышащего ребенка «не являются биологически обусловленными» [4, с.8] и при своевременном создании соответствующих условий в значительной степени поддаются психологической коррекции.

В связи с этим ранняя диагностика нарушения слуха и оказание психолого-медико-педагогической помощи детям с нарушениями слуха является необходимым условием наиболее правильного развития такого ребенка и успешности его социализации.

Помощь психолога в данном случае начинается с самого раннего периода выявления дефекта, имеет комплексный, индивидуальный и продолжительный по времени характер и подразумевает работу в трех направлениях:

- диагностика общего психологического развития ребенка, анализ основных проявлений нарушения развития и связи между ними;
- постоянное наблюдение и анализ изменений психофизического состояния слабослышащего ребенка и его своевременная коррекция, а также работа по формированию его личности;
- разработка рекомендаций по наиболее эффективному психофизическому развитию и социализации слабослышащего ребенка, в том числе работа с родителями, воспитывающих слабослышащего ребенка.

При диагностике психолог всесторонне исследует особенности психического и физического развития слабослышащих детей. Чаще всего на этом этапе им используются традиционные методы и методики исследования – наблюдение, эксперимент, обычные общепотребительные тесты (в частности возможности Мюнхенской функцио-

нальной диагностики развития, которая создана в Мюнхенском университете и Институте социальной педиатрии (Г.И. Келер, Х.Д. Эгелькраут) и применяется для оценки общего психомоторного развития детей раннего возраста) и специализированные методики (методика Коса (англ. KohsBlockDesignTest) - специальная методика диагностики наглядно-действенного интеллекта, невербальный тест интеллекта, разработанный американским психологом С. Косом в 1920 году; корректурные пробы - наиболее известные и широко применяемые в психологии методики оценки внимания; при обследовании детей с нарушениями слуха младшего школьного возраста используют фигурную пробу и пробу по Ландольту, в старшем школьном возрасте - цифровую и буквенную).

При диагностике проверяется состояние слуха, развитие вестибулярного аппарата, согласованности и развитости двигательных навыков, особенности развития речи, психических характеристик и реакций. Кроме того, наблюдение за ребенком в процессе предметной, игровой, учебной, трудовой деятельности, а также в процессе общения позволяет выявить «особенности познавательной сферы ребенка, мотивации, интересов, направленности личности» [5, с.158]. Большое значение для понимания влияния нарушения слуха на ход психического развития ребенка имеет изучение деятельности ребенка в динамике, позволяющее определить диапазон его потенциальных возможностей, «зону ближайшего развития» (это понятие, показывающее внутреннюю связь между обучением и умственным развитием ребенка; иными словами – это разница между тем, что ребенок может делать самостоятельно (уровень актуального развития) и тем, что он способен сделать под руководством взрослого; уровень актуального развития ребенка растет за счет формирующихся в зоне ближайшего развития процессов, то есть любое действие ребенка сначала может выполняться с помощью взрослого, и лишь затем самостоятельно).

При этом анализируется не только конечный результат деятельности, но и весь процесс ее выполнения: «способы действия, их рациональность, логичность, последовательность, настойчивость в достижении целей, отношение к избранным способам решения, критичность» [5, с.158].

Коррекция психофизического состояния слабослышащего ребенка идет чаще всего через игровую деятельность, целью которой является «развитие интереса к играм, обучения действиям с игрушками, формирование ролевого поведения, умение использовать предметы-заместители, воображаемые предметы и действия, умения отражать в играх действия людей и их отношений, разворачивать и обогащать сюжеты игр» [5, с.209].

Параллельно с коррекцией психофизического состояния психологом ведется работа по формированию личности слабослышащего ребенка в нескольких направлениях. Во-первых, формирование у ребенка с нарушениями слуха представления о нормах поведения, качествах и эмоциональных свойствах личности; во-вторых, обучение детей видеть проявления этих качеств в поведении других людей, формирование умения понимать поступки окружающих людей и давать им адекватную оценку; в-третьих, формирование адекватной самооценки, как основы регуляции собственного поведения, в том числе в ситуации конфликта, и залога успешного установления межличностных отношений. Работа по развитию личности ребенка идет также в направлении развития его самостоятельности.

Разработка рекомендаций психологом проводится в основном для родителей слабослышащего ребенка и имеет индивидуальный характер. Известно, что фундамент личности, нравственных чувств, навыков социального поведения ребенка закладывается в семье. Однако, нередко родители глухих и слабослышащих детей со сложными нарушениями развития с самого рождения ребенка испытывают ряд трудностей (стрессы, депрессии, неуверенность в своих силах, неумение найти контакт с собствен-

ным ребенком и т.д.), что приводит к замедлению развития слабослышащего ребенка, развитию неуверенности в себе, замкнутости и пр. Именно на преодоление этих трудностей, профилактику возможных нарушений, а также коррекцию некорректных, травмирующих психику ребенка стилей воспитания и должна быть направлена работа психолога. Работа может проводиться в виде тематических семинаров для родителей, индивидуальных консультаций, вечеров вместе с детьми. Главная цель – эффективное обучение родителей навыкам правильного общения со своим ребенком и способам выражения своей любви к нему.

Подводя итоги, можно сказать, что становление личности ребенка с нарушенным слухом, так же, как и слышащего, проходит долгий путь. Однако, специфика этого развития требует всесторонней и постоянной помощи со стороны взрослых – родителей, педагогов, психологов. И немаловажную роль в этом тандеме играет деятельность именно психолога, который не только диагностирует нарушения психофизического развития слабослышащего ребенка, но и является своеобразным поводырем для родителей, педагогов и самого ребенка в сложной для них ситуации взаимного общения и взаимопонимания.

Список литературы:

1. **Богданова, Т.Г.** Сурдопсихология: [Текст] Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. / Т.Г. Богданова - М.: Академия, 2002, 203 с.
2. **Исаев, Д.Н.** Психология больного ребенка:[Текст] лекции / Д.Н. Исаев. - СПб.: Издательство ППМИ, 1993. - 76 с.
3. **Кондратьев, М.Ю.** Азбука социального психолога-практика. [Текст] / М.Ю. Кондратьев, В.А.Ильин - М.: ПЕРСЭ, 2007. - 464 с.
4. **Обухова, Т.И.** Психокоррекционная и развивающая работа с детьми раннего и дошкольного возраста с нарушением слуха: [Текст]учебно-методическое пособие / Т.И. Обухова. - Минск: БГПУ, 2007. - 54 с.

5. **Основы специальной психологии:** [Текст] Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Л.В.Кузнецова, Л.И. Переслени, Л.И. Солнцева и др.; Под ред. Л.В. Кузнецовой. - М.: Академия, 2002. - 480 с.

6. **Петшак, В.** Эмоциональное развитие глухих детей: Автореф. дис... докт. психол. наук. М.: НИИ дефектологии, 1991. - 33 с.

ГРНТИ 02.15

УДК 101

Пеннер Регина Владимировна

ОБУЧЕНИЕ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ПРСРЕДСТВОМ ОБРАЩЕНИЯ К ПРАКТИКЕ ВИДЕОГРАУНДИНГА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиа, медиаобразование, медиаграмотность, студент, видеограундинг, видеограундер, сериал

АННОТАЦИЯ. Современное российское образование вызывает ряд проблемных вопросов как у непосредственных акторов образовательной системы, так и у опосредованных наблюдателей. В эпоху иконического поворота рождается новая стратегия – медиаобразование, ключевым элементом которой выступает медиаграмотность. С пониманием специфики медиаграмотности в принципе вопросов не возникает (благо, существует масса авторитетной литературы по этой теме). Другой вопрос, как эту грамотность взрастить в современных российских студентах. Тем более, если речь идет о преподавании гуманитарных дисциплин. В предлагаемой статье представлена вариация на тему формирования медиаграмотности – практика видеограундинга, проиллюстрированная примером сопоставления классического философского (С. де Бовуар «Второй пол») и сериального текстов («OrangeIsTheNewBlack»)

EDUCATION OF MEDIA LITERACY BY REFER- RING TO THE PRACTICE OF VIDEOGRAUNDING

KEYWORDS: media, media education, media literacy, student, videograunding, videograunder, TV series.

ABSTRACT. There are a number of problems in modern education in Russia, which is raised by the direct actors of the educational system, and indirect observers. In an era of iconic rotation a new strategy was born – media education, a key element of which is the media literacy. There are no questions with understanding of the specifics of media literacy in principle (fortunately, there are a lot of authoritative literature on this topic). Another question is how to cultivate this literacy in modern Russian students. Especially when it comes to teaching the humanities. In this manuscript we presented some formation of media literacy – the practice of videograunding, which illustrated example of matching between the classic philosophical (S. de Beauvoir's «The Second Sex») and serial texts («Orange Is the New Black»).

В последнее время в системе образования все чаще возникает вопрос о необходимости введения в образовательный процесс мультимедийных технологий. Эта необходимость вызывает ряд дискуссий в среде непосредственных «давателей» образования. Сегодня мы находимся между Сциллой и Харибдой, когда педагоги «старой школы» желают непосредственной коммуникации со студентами, диктуя своим подопечным готовые тезисы, а университетская администрация в иных случаях требует обезличенной коммуникации, в которой преподаватель выступает лишь «электронным» источником информации (будь то отображение тезисов в презентациях, общение по электронной почте или тесты on-line). В контексте философских дисциплин из процесса преподавания невозможно исключить

элемент «живого» общения между «учителем» и «учеником». Вместе с тем, не стоит забывать о во многом нераскрытого на базе российского образования потенциале медиа. Как бы это двояко не звучало, но такие направления, как медиапедагогика, медиаобразование и медиаграмотность являются трендовыми в мировом образовательном процессе.

Современные студенты живут в действительности икононического поворота, требуя от своего преподавателя не «рассказа», а «показа». Возможно, поэтому «ЮНЕСКО рассматривает медиаобразование как приоритетное направление педагогики XXI века» [4, с. 365]. Более того, еще в 1984 г. специалисты из ЮНЕСКО попытались дать определение неологизму того времени: «Медиаобразование – это обучение теории и практики использования современных средств массовой коммуникации...» [8, с. 8]. В отличие от иных образовательных технологий медиаобразование нацелено на репрезентацию реальности. Этот подход оправдан в разрезе того, что процесс предоставления студенту обширного массива информации обесмыслился тогда, когда перед современными студентами открылся доступ ко множеству информационных баз. Проблема здесь в другом: не каждый студент способен использовать информационный ресурс в целях самосозидания. Поэтому сегодня актуальность обретает один из аспектов медиаобразования – медиаграмотность, которая, по словам Н. Б. Кирилловой, «дает студентам возможность общаться с медиа под критическим углом зрения, с пониманием значимости медиа в их жизни» [4, с. 366]. Из всех направлений медиаграмотности, существующих на сегодня, остановимся на одном: «обучение медиаграмотности предоставляет студентам возможность декодировать медиатексты, чтобы распознать и оценить ценности, идеи и значимость, которые содержатся в них» [7, с. 7]. Как нам кажется, предусмотренные медиаграмотностью функции «декодирования» и «оценки» реализуются в практике видеограундинга,

что было уже отмечено в анализе фантастических литературных и аудиовизуальных произведений [2], сериала «Californication» [5] и мультсериала «South Park» [6]. Прежде чем приступить к анализу примера «медиатекста», оговоримся, что есть видеограундинг. Видеограундинг понимается нами как практика, направленная на самосозидание зрителя, на осмысление им видео, в том числе, в контексте философской рефлексии. Зритель превращается в видеограундера только тогда, когда не бездумно воспринимает мельтешащие icons, но «впускает в себя» эти icons, стремится к осознанию видеообразов и осмыслению своего существования в контексте увиденного. Для иллюстрации этой практики обратимся к проблеме философии экзистенциализма (*экзистенциализм – то слово, которое с таким трудом произносится студентами*) – проблеме свободы человека на примере текста С. Де Бовуар «Второй пол» и сериала «Orange is the New Black».

По проблеме свободы в экзистенциалистском ключе интересна позиция С. де Бовуар, в том числе, потому что ее, одну из немногих признанных женщин-философов, интересовала экзистенция не «человека вообще», а специфика существования реальной женщины, свобода реальной женщины.

В древнекитайских текстах зафиксировано следующее: «начало» мира или «Великий предел» есть имманентно присутствующая в мире изначальная материя тайцзы. Субстанции, тайцзы порожденные, принято называть инь и ян как начала всего темного и светлого, соответственно [3]. Под «инь» древние китайцы понимали землю и Луну, «ян» же ассоциировалось с Солнцем и небом. Активное «ян» олицетворялось в мужском начале, пассивное «инь» – в начале женском. Обращение к философии начал «инь» и «ян» – лишь один пример из истории, где проявляется устойчивая ассоциация пассивного начала и женской природы. Эта тема, наравне с вопросами об особенностях экзис-

цирования женщин, выступила ключевой в философии С. де Бовуар.

В «И цзин» прослеживается весьма интересная мысль: будучи нерасчлененным началом, тайцзы порождает дуалистическое единство – «инь» и «ян» как олицетворение «крайних противоположностей», являющих собой две части единого целого. Потому резкое, решительное противопоставление мужского и женского начал в практике человеческого бытия бессмысленно. В свою очередь, С. де Бовуар стала ярким выразителем дихотомии мужского и женского как противоположностей, не единения, но категоричного противостояния двух начал во взаимоотношениях полов, «скатывающегося» до рабства (где поработанным элементом аргюіі выступает женщина) и войны. Обратимся непосредственно к тексту «Второго пола»: «Я уже говорила о массе неточностей, возникающих из-за того, что психоаналитики принимают категории "мужчина – женщина" в том понимании, в каком они существуют в современном обществе. То есть мужчина считается представителем позитивного и нейтрального, в нем видят одновременно самца и представителя рода человеческого, женщина же представляет собой только негативное, она не более чем самка. Поэтому всякий раз, когда она ведет себя как представитель человеческого рода, о ней говорят, что она хочет уподобиться самцу. Ее занятия спортом, политикой, наукой, ее влечение к другим женщинам воспринимаются как "протест против засилья мужчин"; общество не желает видеть, что она стремится к завоеванию определенных ценностей, и поэтому расценивает ее субъективное поведение как выбор, противоречащий ее природе» [1, с. 449].

Вместе с тем, поднятая С. де Бовуар проблематика, в первую очередь, затрагивает не вопросы «войны» полов, а специфику экзисцирования «современной» женщины, специфику свободы в бытии этой женщины. В поиске адекватного тексту сериального образа возникают некоторые проблемы, т.к. изображение женщин, в том числе, в сериа-

лах, не всегда коррелирует с образом интеллектуалки-феминистки, сконструированным С. де Бовуар в середине и второй половине XX в.. Поэтому представляется возможным обращение к тому сериалу, в котором женщине не только предписана роль главной героини, но и показана жизнь этой героини в условиях повседневности. Женщина как элемент множества, как часть «фона» (например, персонажи, заключенные в женской исправительной колонии) – атрибут сериала «Оранжевый – хит сезона» (в оригинале «Orange is the New Black»).

«Orange is the New Black» стал телевизионным хитом 2013 г., стартовавшим на канале «Netflix». Мемуары П. Керман «Orange is the New Black: My Year in a Women's Prison» были переложены на «сериальную» «ткань» и срежиссированы Дж. Коэном. Основа сюжетной линии сериала такова, что главная героиня, Пайпер Чэпмен, заключена в женскую федеральную тюрьму за преступление десятилетней давности. Эпизоды сериала акцентируют внимание зрителя на попытках П. Чэпмен встроиться в «иерархию» заключенных. В первом сезоне сериала были затронуты проблемы повседневной жизни женщин, попавших в тюремное заключение, и выдвинута попытка раскрытия причин попадания современных женщин в тюрьму.

Но вернемся к тексту «Второго пола»: «Любой субъект конкретно полагает себя через определенные проекты – это его трансценденция. Он осуществляет свою свободу лишь путем постоянного самоопределения на пути к другим свободам. Единственное оправдание его сегодняшнего существования – это его устремленность в бесконечно открытое будущее. Каждый раз, когда трансценденция застыивает в имманентности, существование деградирует, превращаясь в "в-себе-бытие", а свобода оборачивается фактичностью» [1, с. 38-39]. Обыденное сознание убеждает нас в том, что в заключении нет места трансцендированию, человек погружен в самого себя, его действия резко ограничены неспособностью выйти за четко ограниченные

рамки, т. е. он скован имманированием. Но сюжет «OrangeistheNewBlack» подталкивает нас к восприятию иной точки зрения: именно в тюрьме заключенному предоставляется время осознать необходимость самотрансцендирования, созидания в самом себе некоего «стержня», чтобы не сломиться.

Именно в тюрьме штата Нью-Йорк Тэйсти Джефферсон (Д. Брукс) обращается к книгам: получив «должность» сотрудника библиотеки, Тэйсти сначала вынужденно, а потом со все возрастающим интересом открывает для себя всю «прелесть» знаний, запечатленных на бумаге. София Бурсет (Л. Кокс) обнаруживает Бога, что во многом спровоцировано чувством отчуждения (София является транссексуалом).

Своеобразное преломление получает в сериале следующий тезис С. де Бовуар: «... неспособный реализовать в одиночестве, человек, общаясь с себе подобными, постоянно подвергается опасности: жизнь его – это трудное предприятие, успех которого никогда не может быть обеспечен» [1, с. 181]. Иными словами, человек обретает свободу в процессе своего трансцендирования, однако «выход» его за пределы самого себя с необходимостью предполагает выстраивания взаимоотношений с Другим, ибо человек, еще со времен Аристотеля, полагался, прежде всего, «животным социальным». Осознание подобной позиции в сериале обыгрывается следующим образом: в тюрьму прибывает группа несовершеннолетних преступников по программе «Scared Straight!». Перед заключенными стоит задача изобразить тюремное бытие так, чтобы дети «до смерти напугались» и вернулись на путь «Закона и Справедливости». Основой иллюстрируемого страха в «спектакле» стало моделирование заключенными со-бытия с «тюремным» Другим (досмотры, драки, ругань, оскорбления и т.д.). Однако подобный «спектакль» не подействовал на девочку, прикованную к инвалидному креслу. Тогда слово в «спектакле» взяла П. Чэпмен: «На "свободе" легко

убедить себя, что ты есть то, кем не являешься. Нужно просто продолжать движение, занимать себя делами, чтобы не сталкиваться с реальностью, но... ты – слабая... Я знаю, что до этого места я была кем-то, и у меня была жизнь, которую я сама для себя выбирала. А теперь главное – дотянуть до вечера, не заплакав. Я боюсь, я все еще в ужасе. Боюсь, что перестала тут быть собой, и боюсь, что собой-то и стала. Другие не есть самое страшное, что ты обнаружишь в тюрьме, Дина. Настает время, когда ты лицом к лицу сталкиваешься с тем, кто ты есть, потому что в этих стенах бежать некуда, даже если бы ты могла бегать. Правда поймает тебя здесь, Дина, и правда подчинит тебя своей воле» [9].

И все же основой труда С. де Бовуар следует полагать рассуждения о стимуляции в женских умах идеи бунта против мужского «господства»: «Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как хозяин, потому что человечество поставило вопрос о сути своего бытия, то есть предпочло жизни смысл жизни; проект мужчины заключается не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы восторжествовать над мгновением и ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила как ценность само существование; она одержала верх над темными силами жизни, а также поработила Природу и Женщину» [1, с. 95]. В противовес женщина осмысливается С. де Бовуар как самостоятельное начало, способное к трансцендированию, как равный представитель человеческого рода, свобода которого, проявляется в «получении абстрактных прав и конкретных возможностей» [1, с. 174]. На протяжении многих столетий происходило «порабощение» женщины: «Экономические преимущества, которыми обладают мужчины, их социальная ценность, престижность брака, важность мужской поддержки – все склоняет женщин страстно желать нравиться мужчинам. В целом они еще не вышли из вассальной зависимости. Из этого следует, что женщина познает и выбирает себя не такой,

какая она есть для себя, но такой, как определяет ее мужчина» [1, с. 179]. Положение современной женщины таково, что несмотря на прогресс, переживаемый человечеством, она (женщина) не смогла выйти из «вассальной» зависимости от мужчины. Поэтому вполне определенной реакцией женщины возможен бунт против исторически обусловленного, противоречащего справедливости режима. Чэпмен как раз и есть тот активный элемент сериала «OrangeistheNewBlack», который выражает свою позицию в форме протеста. Однако протест ее направлен не столько на мужчин, а на одну из заключенных – Пенсетуки Доггетт (Т. Мэйнинг). Доггетт изображена в сериале как апологет веры: все есть Бог и сила в Боге. Ей управляет не конкретный мужчина, а Мужчина как высшее трансцендентное начало, христианский Бог. Возненавидев Чэпмен за то, что та не принимает ее религиозных взглядов, Доггетт, вооружившись самодельным крестом, в канун Рождества желала творить божью кару, убить неверную. И тогда Чэпмен, защищаясь, проявляет силу своего бунта, под звуки рождественского гимна удар за удар она выражает протест против несправедливости, избивая Доггетт. Безусловно, «драка» ключевого персонажа «OrangeistheNewBlack» не есть единственное выражение позиции С. де Бовуар; это одна из вариаций на тему о том, как современная женщина способна выжить. Женщина-философ усмотрела необходимый элемент подобного выживания в бунтующем начале, в противостоянии женщины засилью «хозяйских» правил и ценностей. П. Чэпмен зачинает свой бунт не против мужчин, а пытается сохранить человеческое лицо в угрожающих ее бытию условиях: тюремное заключение, предательство жениха, агрессия со стороны «со-заключенных» и т.д..

Следуя позиции Ж.-П. Сартра, к атрибутивным характеристикам свободы С. де Бовуар относилась стремление человека к выходу за границы имманентного, способность к трансцендированию посредством реализации фундамен-

тального проекта, проявления имманентной выборной активности. Однако, в отличие от своего спутника, С. де Бовуар четко разграничила свободу женщины и мужчины. Свободу современной ей женщины она позиционировала как «мистификацию» [1, с. 174]. Свои размышления о «втором поле» С. де Бовуар фундировала установкой на то, что женщина является полноправным и полноценным актором, а потому фактическая (историческая) угнетенность женщины служит оправданием для возникновения «бунта», попытки демонтажа существующих гендерных стереотипов и норм. Безусловно, не все идеи философа нашли выражение в современной медиакультуре, однако сериал «OrangeistheNewBlack» являет точки соприкосновения со многими установками С. де Бовуар.

В заключении следует отметить, что обращение к практике видеограундинга выступает лишь вариацией на тему о том, как оптимально донести некоторые философские идеи до современной молодежи. Многие студенты сегодня не читают, но смотрят. Это ни в коей мере не обуславливает их философскую грамотность как результат увиденного. Наоборот, преподаватель, ориентированный в своей практике на формирование у студентов медиаграмотности, может совместить два процесса: смотрящего студента подводить к осмыслению, а читающего к созданию «картинки». Этот подход, безусловно, идеализирован. Вместе с тем, в современной системе образования возможно воспитать видеограундера, «нового типа "зрителя" произведений медиакультуры, что не утопает в зависимости от просмотренного, а обнаруживает свои выходы в свободу в реальном мире» [6, с. 123].

Список литературы:

1. **Бовуар, С.** Второй пол [Текст] // С. де Бовуар. Т. 1 и 2 – М.: «Прогресс», С-П.: «Алтейя», 1997. – 832 с.
2. **Дыдров, А. А.** Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и

- аудиовизуальных произведений) [Текст] / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер. – Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 87-91
3. **И цзин** [Текст] : «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / Перев. с кит., предисл. и примеч. В. М. Яковлева. – М.: «Янус-К», 1998. – 267 с.
4. **Кириллова, Н. Б.** Медиалогия [Текст] / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2015. – 424 с.
5. **Пеннер, Р. В.** Свобода «по-калифорнийски» или восприятие «онтологического понимания» свободы видеограндером [Текст] / Р. В. Пеннер. – Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2014. – № 1 (13). – С. 94-100
6. **Пеннер, Р. В.** Видеограндинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиакультуры [Текст] / Р. В. Пеннер. – Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2015. – 192 с. – С. 120-123
7. **Dunkan, В.** Media Literacy Recourse Guide [Текст] / В. Dunkan. – Toronto: Ministry of Education of Ontario, Publications Branch of Queen's Printer, 1989.
8. **Media Education** [Текст] // Paris: UNESCO, 1984. – 397 р.
9. **Orange is the New Black. Bora Bora Bora** [Электронный ресурс] : s01e10 / URL: <http://clipiki.ru/video/240000/Oranzhevyiy--hit-sezona-1-sezon-10-seriya> (дата обращения: 27.01.2015)

ГРНТИ 02.01.45

УДК 101.1

*Ромашенко Мария Александровна
Ромашенко Александр Александрович*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДИК В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, философия, преподавание философии, обучающая атмосфера, формирование личности.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются три типа задач, поставленных в преподавании дисциплин «Философия» и «Философия науки и техники» для студентов технических специальностей. Для решения таких задач авторы предлагают использовать интерактивную методику, которая построена на создании «обучающей атмосферы». В статье приводится пример использования подобной интерактивной методики в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А.

*Romaschenko Maria Alexandrovna
Romaschenko Alexandr Alexandrovich*

EXPERIENCE IN THE USE OF INTERACTIVE TECHNIQUES IN THE TEACHING OF PHILOSOPHY

KEY WORDS: Education, Philosophy, teaching of philosophy, learning atmosphere, identity formation

ABSTRACT. The article analyzes the three types of objectives of the teaching "Philosophy" for the students of technical specialties . To solve these problems the authors suggest the use of interactive methodology , which is based on the creation of "learning atmosphere". The article provides an example of

such an interactive methodology in Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

В современных образовательных стандартах усиливается гуманитарная составляющая технического образования, что является естественным процессом на фоне все возрастающей междисциплинарной формы науки конца XX – начала XXI века. Сегодня, помимо ставшего уже классическим курса «Философии», внедряется как обязательный курс по «Философии науки и техники» в качестве своеобразного дополнения и отчасти продолжения предыдущей дисциплины. Оба курса являются фундаментальными для гуманитарного кластера образовательного процесса, так как у студента в ходе изучения данных дисциплин не просто формируется мировоззренческая позиция, что по большому счету и во много является целью преподавания философии, но так же развивается творческий потенциал и способность к критическому переосмыслению многих форм информации повседневного идеологического или бытового характера.

Более того, философия способно дать студенту, обучающемуся по программам технического и естественнонаучного бакалавриата, способность к обобщенному представлению изучаемого предмета, что является признаком наличия системного мышления. В данном случае уместно привести высказывание современного историка и популяризатора науки Питера Эткинза о роли абстрагирования и обобщения в науке: «Мы уже начали понимать, что наука развивается, когда вступает на путь все более высоких абстракций... Когда мы снимаем оболочку из железа, чтобы обнажить *абстракцию* парового двигателя, мы получаем представление об источнике всех изменений. То есть, если мы посмотрим на *сущность* парового двигателя, на его абстрактное сердце и проигнорируем детали его воплощения — пар, протекающие трубы, капли масла и смазки, дребезжание, хлопки и заклепки, — мы обнаружим понятие,

которое приложимо ко всей цепи событий. Так действует наука: наука выделяет из реальности ее сущность, ее главные идеи, а затем ищет тот же дух-фантом в других фрагментах природы» [3, с. 62]. В данном случае Питер Эткинз, рассуждая о паровом двигателе, предлагает читателю понять, как работает ученый, идущий по пути абстрагирования и находящийся на этом пути явления, лежащие в основе любого процесса во Вселенной (в данном случае – энтропии). При этом именно способность к абстрагированию и системному мышлению у студентов и должны быть сформированы в ходе изучения дисциплин «Философии» и «Философии науки и техники».

Таким образом, основная цель в преподавании этих двух дисциплин может быть разложена по нескольким типам задач.

Во-первых, необходимо отметить гносеологическую группу задач, реализующую формирование навыков системного мышления и методологии познания. В данном случае, речь идет о том, что студент учится мыслить категориями, формирует абстрактное мышление. Это одна из важнейших задач философии как ее представлял М.Хайдеггер: «Мы попадаем в то, что называем мышление, когда мыслим сами. Чтобы нам это удалось, мы должны сами научиться мыслить» [3, с. 134].

Во-вторых, возникает аксиологическая группа задач, реализуемых в преподавании дисциплин «Философии» и «Философии науки и техники». Эти задачи также актуализировались уже очень давно, это практическая составляющая философского знания, которая должна быть проявлена в обнаружении ценностного смысла бытия.

В-третьих, эвристические задачи, которые определяют раскрытие творческого потенциала обучающегося.

Совокупность этих трех типов задач и позволяет реализовать образовательную цель философии, а именно, сформировать такую личность профессионала, который может действовать в условиях непредсказуемого будущего, спо-

собен находить решения, задавать вопросы и реализовывать личностный выбор. Безусловно, реализация подобной цели требует определенной методики и структуры образовательного процесса.

История философии теснейшим образом была связана, начиная со своих истоков, с педагогическими задачами. Казалось бы, что идеальная методика преподавания уже создана Сократом и постоянно фигурирует в методических разработках под различными именами: дискуссии, кейс-методы, «мозговой штурм», эвристическая беседа, игра [1], однако современный уровень информационных и компьютерных технологий позволяет модифицировать хорошо известный метод Сократа в обучении. В этом случае происходит смещение акцентов с роли учителя и педагога как координирующего процесс обучения на самого обучающегося, помещенного в определенную познавательную ситуацию. Такую познавательную ситуацию мы будем называть «обучающей атмосферой».

Отличительными чертами «обучающей атмосферы» будет являться создание открытой познавательной ситуации, в которой преподаватель не задает однозначных ответов на поставленный вопрос, не предлагает путей ее разрешения. Многовариантность открытой обучающей системы является в данном случае основой методики, так как у студента в результате ее разрешения должны сформироваться не только знания и умения, но и закрепленные навыки разрешения аналогичных мировоззренческих и научных проблем. В этом случае, обучающийся получает опыт разрешения создавшейся интеллектуальной, как правило, кризисной ситуации.

Методика введения в образовательный процесс «обучающей атмосферы», то есть не просто определения ряда упражнений с повторяющейся учебной задачей, а создание обучающей ситуации, в которой проблема выходит за пределы аудиторного учебного процесса, позволяет определить мотивацию решения проблемы как сопутствующей

личностному росту и выработке мировоззренческой позиции, а также комбинировать обучающимся знания и умения, уже полученные в процессе обучения.

Это становится особенно важным, когда речь идет об интеллектуальных навыках, сформированных в рамках дисциплин философского профиля. Такие интеллектуальные навыки не являются автоматическим, «моторным» повторением действия или материала обучения, именно поэтому в процессе их формирования и закрепления существует ряд трудностей. Методика «обучающей атмосферы», воздействуя на различные каналы восприятия человека, провоцируя определенное эмоциональное состояние и волевое усилие, позволяет избежать подобных трудностей или свести их к минимуму.

В Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. были апробированы методики использования обучающей атмосферы в преподавании «Философии» и родственной дисциплины «Философия науки и техники». Обучение этим дисциплинам предполагает определенную самостоятельную работу студента, часть которой организуется по принципу предметной олимпиады. Апробировать методику «обучающей атмосферы» в рамках проведения олимпиады существенно проще, чем в аудиторные часы по двум причинам: во-первых, студенты проходят специфический отбор по показателям интеллектуального развития и эмоциональной устойчивости; во-вторых, как правило, наличествует мощная мотивация со стороны обучающихся.

Методика «обучающей атмосферы» относится к интерактивным методикам обучения, как они представляются в современной педагогической мысли. Как пишут в своей статье кандидаты педагогических наук М.В. Гулакова и Г.И. Харченко «в интерактивном обучении меняется взаимодействие преподавателя и обучаемого, активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы»

[2]. В этом случае мы получаем возможность такого обучения, которое реализуется человеком в диалоге с самим собой, основой такого обучения становится самопознание и саморефлексия. Таким образом, знание получает эмоциональную личностную окраску, формируются навыки реализации личностного выбора, преодоление шаблонов мыслительных конструкций.

Такая интерактивная методика построена на создании определенной обучающей ситуации, в которую студент должен максимально полно погрузиться. Такое погружение достигается по ряду причин.

Во-первых, обучающая атмосфера возникает из напряженного эмоционального фона, в котором она должна осуществляться. Такой эмоциональный фон можно создавать при помощи слуховых и визуальных эффектов. Примером может служить одно из заданий для олимпиады по философии, проводимой 15.05.2014 в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. Студентам была предложена картина художника Н. Ге «Что есть истина?», демонстрация которой сопровождалась текстом от имени Понтия Пилата и хоральной византийской музыкой. Это позволило усилить эмоциональное воздействие визуального образа и акцентировать внимание на вопросах предлагаемых студентам для осмысления: «Почему Христос не ответил на вопрос об истине?» и «Чтобы спросили у Христа Вы, если бы представилась такая возможность?».

Во-вторых, в обучающей атмосфере необходимо задействовать несколько каналов восприятия. Традиционно обучение философии связано с умениями читать тексты и анализировать их. Однако можно связать обучающую ситуацию с совмещением анализа не текста или образа, что тоже достаточно традиционно, а с анализом музыкального произведения. На той же олимпиаде по философии студентам был предложен музыкальный вопрос. Студент должен был прослушать отрывок музыкального произведения и

увидеть в нем философскую интерпретацию. Такой вопрос позволяет раскрыть личностное восприятие философских концептов и развить творческое мышление.

В-третьих, обучающая ситуация в определенных случаях должна использовать принцип иронии и комичной интерпретации изучаемого объекта. Утрирование персонажей, ситуации или результатов их действий позволяет актуализировать внимание обучающегося и обратить иронию в качестве критического метода на того, кто задействован в решении обучающей ситуации. Для упомянутой выше олимпиады по «Философии» и по «Философии науки и техники» в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. при помощи компьютерных программ «Киностудия WindowsLive» и «VideoScribe» были созданы мультипликационные фильмы, содержащие обучающую ситуацию. Пример такого материала можно посмотреть на канале авторов: <https://www.youtube.com/watch?v=gMb0BjfR4Ns>. Как правило, обучающая ситуация будет содержать парадоксальные утверждения или символические парафразы, которые требуют трактовки и решения.

Использование методики обучающей ситуации для проведения олимпиад по «Философии» и «Философии науки и техники» в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. показало, что нестандартное отношение к образовательному процессу значительно повышает заинтересованность студенческой аудитории в получении знания. Большое значение в этой методике имеет возможность формирования открытого образовательного пространства, в котором обучающийся задействован на основании личностного интереса. По словам М.Хайдеггера «Человек учится, когда он приводит свой образ действия в соответствие с тем, что обращено к нему в данный момент в своей сущности» [3, с. 135].

Таким образом, используя обучающую атмосферу, внутри которой формируется ситуация с открытым отве-

том, мы позволяем человеку учиться, образовываться в прямом значении созидания своей личности. Более того, подобный подход позволяет сформировать у студента умение взглянуть на исследуемый предмет с иной стороны, нежели это доступно в рамках классических практик преподавания.

Список литературы:

1. **Двуличанская, Н.Н.** Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций [Текст] / Н.Н. Двуличанская // Наука и образование: электронное научно-техническое издание, 2011, - №4. [Электронный ресурс] - URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html> (дата обращения 23.03.2015)
2. **Гулакова, М.В.**, Интерактивные методы обучения в ВУЗе как педагогическая инновация [Текст] / М.В. Гулакова, Г.И. Харченко // Концепт, 2013, - № 11. [Электронный ресурс] -URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-vuze-kak-pedagogicheskaya-innovatsiya> (дата обращения 23.03.2015)
3. **Хайдеггер, М.** Разговор на проселочной дороге [Текст] / М.Хайдеггер – М., Высшая школа, 1991.
4. **Эткинз П.** Десять великих идей науки. Как устроен наш мир.[Текст] / П. Эткинз - М.: АСТ: Астрель, 2008.

ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ГРНТИ 02.41.21

УДК 130.2

Алексеева Валентина Александровна

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРООТНОШЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российская цивилизация, цивилизационный подход к истории, теория геополитики, национальное мироотношение, этнос, российская государственность, либерализм, геополитические вызовы.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме глубинных оснований развития современной России, связанного с воссозданием традиционного цивилизационного единства страны. Проводится идея о фундаментальном значении в этом процессе традиционного мироотношения народа. Обобщаются методологические основания исследования данной проблемы, заключенные в цивилизационной концепции исторического процесса, в теории геополитики и в философии постмодерна. Исследуются базовые исторические особенности феномена российской цивилизации, механизмы его деструкции.

Alekseeva Valentina Aleksandrovna

NATIONAL DISPOSITION IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF CIVILIZATION DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

KEYWORDS: Russian civilization, civilized approach to history, theory of geopolitics, nationaldisposition, ethnos, Russian statehood, liberalism, geopolitical challenges.

ABSTRACT: The article deals with the problem of the root reason of development of modern Russia, associated with the re-establishment of traditional civilizational unity of the country. Carried out the idea of fundamental importance in this process of traditional disposition people. Summarizes the methodological bases of the study the problem concluded in the civilization concept of historical process, in theory geopolitics and postmodern philosophy. Explores basic historical features of the phenomenon of Russian civilization, mechanisms of its destruction.

Фундаментальные основы культурных форм, структуры социальности, исторический путь народа, в конечном итоге, определяются тем типом субъектности, который специфицирует носителей той или иной социокультурной общности. Этот тип субъектности формируется исторически под влиянием целого ряда факторов: географической среды, национальной традиции, иноцивилизационных воздействий и т.д. Особость глубинного отношения «человек-мир» выкристаллизовывается не только и не столько в логике автономного жизненного пути индивида, сколько воспитывается, прежде всего, «духом его народа», национальным мироотношением, которое отнюдь не всегда подвергается рефлексии, но которое, между тем, задает и саму логику повседневности, и уникальность проживания человеком его собственной жизненной дороги.

Мироотношение каждого народа является мощным национально консолидирующим фактором, той константой, которая обуславливает неповторимость каждой национальной культуры и исторической судьбы.

Основные диахронные различия в пределах исторического развития одной цивилизационной ветви, различия между отдельными его этапами, а также - синхронные социокультурные и цивилизационные отличия образуются не типами материального производства или спецификой политических режимов, а типами мироотношения, особенно-

стями доминирующих в них метафизических представлений. Напротив, сами параметры материального производства и типы политических систем воспроизводятся под сильным давлением мироотношенческих констант в пределах той или иной цивилизации. Метафизические комплексы составляют фундамент национального мироотношения. Будучи сверхисторичной, метафизика является историчной. И. Кант видит метафизику как «природную склонность человека». И эта склонность («*metaphysica naturalis*») существует прежде, чем существует метафизика как наука и философская система: «...у всех людей, как только разум у них расширяется до спекуляции, действительно всегда была и будет какая-нибудь метафизика» [5, с. 117]. А у М. Хайдеггера читаем: «Всякая эпоха, всякое человеческое множество опираются на ту или иную метафизику и через нее встают в определенное отношение к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе. Конец метафизики раскрывается как упадок власти сверхчувственного и порожденных им "идеалов"» [18, с. 64].

Однако, само национальное мироотношение, конечно же, в достаточной степени изменчиво в своей устойчивости. Причинами изменчивости могут быть и диссонансы в межпоколенных связях, и ландшафтные перемещения носителей цивилизационного типа, и сама длительность исторического пути народа, и различного рода социальные и идеологические коллизии, и межцивилизационное взаимодействие. В результате такой изменчивости в мироотношении целого ряда народов формируются некоторые совокупности общих черт, принципиально отличающие данную цивилизацию от всех прочих.

Тенденции поляризации «цивилизационных сил» последних столетий заставляют философскую и культурологическую мысль обращаться именно к поиску особых, фундаментальных типов мироотношения, «чистых онтологических сознания», зарождавшихся в многовековом прошлом человечества, воспроизводившихся в тех или иных вариантах

в судьбах отдельных народов и регионов, в той или иной степени доминирующих ныне в различных странах. В истории философии и культурологии предпринимались неоднократные попытки типологизации цивилизационных систем, мироотношенческого обоснования их специфики. Труды теоретиков культурно-исторических типов являются достаточным тому подтверждением.

При таком рассмотрении открывается неслучайность становления в различные периоды мировой истории таких феноменов, как «христианский», «евро-американский», «мусульманский» мир, «континентальная» или «атлантическая» цивилизации, Восток и Запад и т.д. А сегодня все активнее входит в теорию и практику понятие из этого же ряда – понятие «русский мир», означающее также особый цивилизационный тип, вновь стремительно обретающий историческую субъектность.

Однако, нынешний процесс цивилизационного возрождения России оказался сопряженным с целым рядом серьезных проблем, проблем нематериального характера, наличие которых не позволяет однозначно утверждать о грядущем величии страны. История, как известно, - процесс «открытый», поливариантный, находящийся под огромным влиянием субъективного фактора. Поэтому именно характер субъектности, ментальные доминанты народа, «национальный дух» - это та сфера, от состояния которой зависит историческая судьба «русского мира». Сегодня в стране уделяется колоссальное внимание развитию различного рода суперсовременных технологий: оборонные отрасли и освоение арктического шельфа, космическая индустрия и робототехника, уникальные разработки в области хирургии и трансплантологии и мн. др. – это, безусловно, приоритетные направления развития отечественной технологической базы. К сожалению, далеко не столь пристально вглядываемся мы до сих пор в состояние духовной жизни нашего народа, во многом утратившего за последние десятилетия свою национальную идентичность, связь

со своими историческими корнями, сильно разрушившего свою традиционную метафизику.

Осмысливая сегодняшней период отечественной истории, истоки нашего глубокого цивилизационного кризиса, нельзя не задаться вопросом о том, где и в каких пределах пролегла полоса нашего духовного излома, какова ее глубина и степень болезненности. Что нужно было разрушить в системе мироотношения народа, чтобы потомки Владимира Великого и Александра Невского, Митрополита Филарета и Петра I, Суворова, Кутузова и Достоевского, еще недавно гордо написавшие свои имена на стенах поверженного рейхстага, с легкостью прельстились блеском импортированных ценностей и нравственных принципов, словарных оборотов и вероучений, философских теорий и схем поведения.

Какие факторы обусловили то, что народ, осуществивший в XX веке кардинальное изменение социоприродной среды, радикально расширивший свои производственные, энергетические и информационные возможности, впервые в своей тысячелетней истории создавший мировую сверхдержаву, четверть века назад дал возможность одержать верх в российском обществе той своей части, которая, хоть и утратила ныне свои доминирующие позиции, до сих пор самовоспроизводится на процессах национального и государственного унижения?

Живой, непосредственный опыт, сопричастность великой культуре, обращение к прошлому Родины позволяют эксплицировать и исследовать основные, на наш взгляд, причины и модусы деструкции российской цивилизационной идентичности и российского национального мироотношения, произошедшей в последние десятилетия.

Безусловно, размышления о нынешнем духовном состоянии российской цивилизации необходимо строить на фундаментальной методологической основе, и такая основа, несомненно, имеется. Речь идет, прежде всего, о трех традициях в философии истории: о так называемом «циви-

лизационном подходе» (А. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Гумилев), о теоретической геополитике (Ф. Ратцель, Р. Челлен, Х. Макиндер, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, С. Хантингтон, Н. Спайкмен, З. Бжезинский, русское евразийство) и о философской концепции постмодерна (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Лиотар, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Ж. Делез). Каждая из этих методологий, конечно же, имеет свои эвристические границы, однако, в своем сочетании они образуют неплохой объяснительный принцип в плане исследования обозначенной проблемы.

Те из перечисленных авторов, кто использует понятие «цивилизация», придают ему, как известно, не всегда одно и то же содержание. Но общий смысл цивилизационной парадигмы – в преодолении классической гегельянской европоцентристской рационалистической схемы истории, в том, что история человечества – не общая однонаправленная колея, по которой движется единое унифицированное человечество по пути прогресса, а, скорее, – пестрая поляна, на которой в разное время зарождаются, расцветают и умирают отдельные организмы-цивилизации. Каждая из них – это локализованное в пространстве и во времени сообщество людей, создающих свою культуру и свои формы и структуры социальности (экономику, государственность, правовые системы и т.д.). Различные авторы внесли различный вклад в развитие этой идеи. Хочется выделить отдельные детали данных подходов, необходимые нам для нашего анализа.

Так, О. Шпенглер, в целом рассматривая цивилизацию как стадию в развитии культуры, связанную с вырождением последней, выявляет базовые критерии, свидетельствующие о подобном вырождении. К их числу философ относит, по крайней мере, три, весьма проявленных, на наш взгляд, ныне в нашем обществе – это тенденция к упрощению и снижению роста многообразия видов производящей человеческой деятельности, господство материальных

ценностей над духовными и, наконец, доминирование частных интересов над интересами социального целого, ведущее к господству индивидуализма и «атомизации» общества [20].

А. Тойнби значим именно тем, что он обращается к вопросу об основах цивилизационной мощи и условиях исторического существования цивилизации. Автор концепции «вызова-ответа», Тойнби, по сути, раскрывает механизм самоорганизации цивилизационной системы в условиях внешних и внутренних угроз [15].

С. Хантингтон интересен тем, что глобальный исторический процесс он рассматривает как процесс не просто сосуществования, а перманентного столкновения цивилизаций, фиксируя внимание на том, что из всего набора личностных идентификаций человека именно цивилизационные идентификации выступают для него как самые сильные, основные [19]. Иначе говоря, относя себя к той или иной цивилизации, мы получаем реальную возможность ощутить тот самый феномен «своих», среди которых человеку всегда комфортнее, чем среди «чужих», и цивилизация как некое сообщество людей с едиными пространством, культурой, формами общежития, ценностями и исторической судьбой становится, таким образом, совершенно реальным субъектом истории.

Безусловную методологическую значимость имеет в контексте поставленной проблемы концепция Л. Н. Гумилева, в особенности – в двух ее составляющих: во-первых, - в анализе уникального исторического феномена, который Л.Н. Гумилев называет понятием «суперэтнос» [6], очень близким понятию «цивилизация». Использование этого понятия позволяет избежать редуцирования феномена «русский мир» к «чисто этническому» его толкованию и рассматривать его как понятие, обозначающее многонациональную евразийскую цивилизацию с системообразующей ролью в ней русского народа. И, во-вторых, - в идее о «жизненном цикле» этноса, включающем стадии

как восходящего, так и нисходящего развития, неизбежного упадка. Примечательно, что Л.Н. Гумилев, вполне в традициях О.Шпенглера и Р. Генона [2], пишет о том, что свидетельством исторического упадка этноса является такая перемена в жизнеотношении большинства, когда господствующим становится принцип «хоть день, да мой», когда нет уже забот «ни о ландшафте, ни о потомках», когда кардинально меняется видение принципов отношения между индивидом и социумом [3, с. 429].

Попытаемся с точки зрения выделенных методологических установок рассмотреть некоторые особенности российской цивилизации.

Россия исторически сформировалась на основе единства отважного и мудрого народа, обширной территории и суровой, но богатой и разнообразной природы. Основу населения России составил многокомпонентный этнический субстрат – русский суперэтнос, впервые заявивший о себе на Куликовом поле, вобравший в себя славян, другие народы и племена: германские, тюркские, финно-угорские. «В России народов разного происхождения, даже различных рас, скопилось немалое количество. Оно так и должно быть вследствие того срединного положения, которое Россия занимает между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего всю современную судьбу Европы... Послужив главным путем великого переселения народов, Россия содержит осевшие на месте их остатки», - писал Д.И. Менделеев [11, с. 63].

Человек, издавна населяющий нашу страну – носитель русского мироотношения, формировался под воздействием многих обстоятельств и факторов. Это, прежде всего, - суровые геофизические условия евразийского континента. Именно континентальный характер условий формирования русского суперэтноса, а вместе с ним и других этносов, на протяжении многих веков живущих на той же территории, активных сотворцов культуры современной России, спо-

способствовал развитию достаточно высокой степени жизнестойкости нашего народа, а также – возникновению достаточно высокой централизации общественной жизни, социальной сплоченности, коллективистских начал в сознании человека. Здесь веками формировался мобилизационный стиль жизни, а значит – и мобилизационный тип экономики, и мощный интегратор в лице сильной центральной государственной власти, и «сухопутный тип личности» с его коллективизмом, иерархичностью сознания, стремлением к стабильности, традиционализмом, идеократичностью, господством духовных ценностей над утилитарно-практическими [1, с. 69-96].

Специфический характер связи между природными условиями нашей страны, характером труда и психологией великороссов, белоруссов и малороссов отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Из специфики природных условий России О. Шпенглер вывел не только психологический и культурный облик населяющих ее народов, но и предсказал их будущую историческую судьбу: «Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и Амуром, запоздало явится его (фаустовского человека – В. А.) бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, восставшим против нее своим историческим существованием, будет вестись практически до самого конца. Северный ландшафт тяжестью условий жизни, холодом, постоянной нуждой выковал из людской породы твердую расу – с предельно обостренным духом, с холодным пламенем неукротимой страсти к битвам, со стремлением вперед и вперед к тому, что я назвал пафосом третьего измерения» [20, с. 481].

На особенности российской цивилизации сильно повлияло и «разновозрастное» сосуществование двух взаимодействующих общностей: западноевропейского (весьма неоднородного в плане мироотношенческих черт) и русского суперэтносов. При этом особую роль всегда играло для России ее евразийское положение, устремленность од-

новременно к восприятию как европейских, так и азиатских, деспотических, начал в организации общественной жизни. Мощная отечественная философская традиция евразийства фундаментальным образом осмыслила в свое время эту проблему. А еще ранее, в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и других отечественных представителей цивилизационной парадигмы истории, содержалось предостережение против слепого копирования в нашем обществе чуждых ему цивилизационных принципов, против «европейничания», говоря словами Н.Я. Данилевского [4, 11].

В XX веке обстоятельства межцивилизационного взаимодействия сильно осложнились в связи с появлением новых молодых суперэтнических общностей и, соответственно, - амбициозных мировых игроков на Юге, Востоке и Дальнем Востоке, и среди них, в первую очередь, конечно же, - Китая и исламского мира. Примечательно, что еще Д.И. Менделеев предвидел нынешнюю ситуацию: «... отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет, когда азиатские народы, в особенности китайцы, войдут в общемировое общение и примут участие, как в интеллектуальной, так и в экономической жизни всего света – чего дождутся, пожалуй, уже наши дети. Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными в той или другой части света, назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить» [11, с. 180].

Наконец, Россия – самая холодная постоянно обитаемая страна мира. Это – единственное на планете постоянно населенное человеком место, где зимой температура воздуха устойчиво и надолго опускается ниже точки замерзания воды. В аналогичных климатических условиях живут жители Скандинавии и Канады. Но население Скандинавии, кроме финнов, приспособившихся к суровой природе по-

добно жителям России, сосредоточено на побережье, омываемом незамерзающими морями, а в «по-сибирски» холодных районах, подобных норвежскому плоскогорью, люди появляются эпизодически. Большая же часть Канады есть «белое безмолвие»: зимой – снежная, а летом – таежная пустыня. Крайне редко встретит здесь путешественник жилье индейцев или выходцев из России, и лишь юг страны вдоль границы с Соединенными Штатами, атлантическое и отчасти - тихоокеанское побережье предстанут ему полнокровно насыщенными современной человеческой жизнью.

В силу этих и других факторов, Россия исторически сформировала себя как некое цивилизационное исключение. Сама жизнь здесь есть человеческий подвиг. На протяжении тысячи лет «селекция» континентального человеческого типа сформировала на этой территории человека, наделенного безмерным терпением, недюжинной волей, предельным спокойствием, открытым характером, щедрой и широкой душой. Сила без агрессивности определила сокрушительный контратакующий боевой стиль жителей этой страны. На территории Евразии русские выделили кормящий ландшафт или, используя понятие философии евразийства, - «месторазвитие»: первоначально – систему речных долин, включив затем в него при активном содействии других народов лесные водоразделы, степь, моря Атлантического, Ледовитого и Тихого океанов, циркумполярную зону, недра континента, воздушное и околоземное космическое пространство. В этом, на тысячелетие растянувшимся, творческом порыве с Запада на Восток, от речных долин ввысь и вглубь материка и была создана многонациональная российская цивилизация.

Сравнивая Россию с владычицей морей – Великобританией, громадной империей, населенной в основном, как тогда говорили, «инородцами», противопоставляя их в этом плане, Д.И. Менделеев обратил внимание на то, что наша страна, занимая на шаровой поверхности почти пол-

окружности, остается традиционно целой и единой и в народном, и в пространственно-континентальном, и в государственном отношении.

Теоретические предтечи классической геополитической доктрины Ф. Ратцель и Р. Челлен, рассматривая государство как живой организм, как «форму жизни» и цивилизационной организации [13], назвали ряд факторов, обеспечивающих его мощь. Помимо чисто географических факторов, таких как площадь территории, которая должна стремиться к оптимальному расширению, как особенности границы государства, которая должна быть достаточно протяженной и «подвижной» в зависимости от конкретных исторических условий, как особенности климата и рельефа, которые необходимо постоянно учитывать при формировании государственной политики, классики геополитики говорят о необходимости единой хозяйственной жизни, обеспечения единства народа, единой социальной общности и единства управления (А. Мэхэн), о необходимости учета особенностей этнического состава населения, того факта, что разные народы, населяющие данное государство, могут в реальности быть в весьма различной степени «комплиментарны» (термин Гумилева), то есть имеют ту или иную степень общности мировоззрения, традиций и исторической судьбы, о необходимости поддержания «духа народа» в каждый конкретный момент истории (Н. Спикмен).

Основоположники и адепты геополитической парадигмы рассматривают глобальный исторический процесс как имманентное противоборство двух типов цивилизаций: цивилизаций «суши» и «моря» [18], «Рима» и «Карфагена». Они предложили и методологию разграничения этих типов, в основе которого – не просто наличие, либо – отсутствие у государства морской границы или выхода к морю, а особенности социокультурного уклада и господствующего в данной цивилизации типа личности с его специфическими мироотношенческими характеристиками.

Так, цивилизации «континентального типа» формируются на базе видов деятельности, традиционно определяемых природными особенностями глубинных районов материков, - земледелия и скотоводства, выступая как результат освоения этого первичного ландшафта. Люди на этих территориях, веками, шаг за шагом, отвоевывавшие у суровой природы участки суши, сформировали в себе такие фундаментальные личностные качества, как коллективизм, глубокое чувство иерархии, дисциплинированность, готовность к самопожертвованию, державное сознание, стремление к стабильности, незыблемость нравственных норм и традиций, консерватизм. Соответственно, авторитарность, «жесткость» социальных форм, мобилизационный «спартанский» стиль жизни, социальная сплоченность, традиционализм и идеократичность – важнейшие черты таких цивилизаций.

Напротив, для цивилизаций «морского типа» базовыми видами деятельности традиционно явились торговля и морское пиратство, именно интересы прибыли заставляли носителей «морских» культур создавать формы и способы освоения «ландшафта вторичного», именно материальный интерес заставлял людей жертвовать собой, пересекая океанские просторы в поисках рынков сбыта, с целью грабежа или создания новых торговых путей. В силу этого здесь господствующие позиции занял тот тип личности, который обладает мироотношенческими качествами, прямо противоположными особенностям «человека суши»: эгоцентричностью, индивидуализмом, меркантильностью, утилитаризмом, постоянным стремлением к переменам. Власть идеи в таких цивилизациях заменяется властью сиюминутных интересов, этические нормы и традиции все время «размываются» под давлением прагматики, релятивизм (идея тотальной относительности) становится доминантой мироотношения, а динамичность социокультурных форм, прогрессизм, стремление к постоянной модернизации социальности, демократические формы организации обществ-

венной жизни выступают характерными чертами таких обществ.

В пределах геополитического подхода лик планеты Земля самой конфигурацией и структурой материков, их относительным расположением и взаимной отторгнутостью океанами естественно разделен на «Мировой Остров» и «Мировой Океан» («карта Х. Макиндера») [8, с. 398-430]. Основу континентального конгломерата, названного в геополитической теории Мировым Островом, образовали северо-восточная часть Евразии, большая часть континентальной Европы, почти вся Азия и значительная часть Африки. Сконцентрированные вокруг Хартленда, «сердца земли», «великой природной крепости», со всех сторон труднодоступной, кроме своей западной границы, эти части мира имеют в своем центре еще одно, особо выделенное Макиндером место – «Мировую Ось»[9]. Вокруг этой оси издревле «вращается» вся социальная и политическая история человечества. Мировой Океан образуют та часть Европы, что лежит западнее и южнее Германии, а также – Скандинавия, островные страны Атлантики и Средиземноморья, американский континент. «Естественные» государственные границы, возникавшие на протяжении человеческой истории в центре Мирового Острова вокруг Мировой Оси, в Хартленде, еще недавно, в основном, совпадали с границами Российской империи, а затем - Советского Союза. Другим «мощным держателем Хартленда» теоретики геополитики традиционно считали, в частности, Германию.

В свое время Макиндер в качестве основы обеспечения «морской мощи» видел необходимость предельного ослабления Хартленда и максимизации давления на него: «...тот, кто доминирует над Хартлендом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром», - писал он [8]. А ключевой ролью международной политики «сил моря» он считал препятствие образованию стратегического союза госу-

дарств, расположенных на «географической оси истории», в частности, - России и Германии. Мы видим сегодня, что все прошедшие со времен Макиндера десятилетия ознаменованы стремлением «атлантизма» (современного геополитического «воплощения сил моря») расколоть Хартленд и взять под свой контроль как можно большее число расположенных в его пределах государств. «Что станет с силами моря, если однажды великий континент политически объединится, чтобы стать основой непобедимой армады?» - пишет Макиндер [10, с. 140]. Ярчайшим образцом подобной политики стало, несомненно, стравливание Западом двух исторических геополитических союзников: России и Германии, в жесточайшей схватке середины XX века [16].

Далее, если мы сделаем проекцию базовых мироотношенческих характеристик континентального и морского цивилизационных типов на господствующие в них уже веками идеологические конструкты, то мы увидим совершенно поразительную адекватность идеологии авторитаризма (в форме «византизма», национал-социализма, большевизма и им подобных) «континентальному» типу и, соответственно, - идеологии либерально демократической, также во всех ее исторических формах (идеях Просвещения и Великой Французской революции, положениях «Декларации прав человека и гражданина» и конституции США, доктринах Ф. фон Хайека и К. Поппера и др.) – типу «морскому». Такая корреляция достаточно хорошо просматривается на уровне простого перечисления основополагающих, неизменных принципов либерализма – принципов безусловной, ни с чем несравнимой ценности человеческого индивида вне его связи с какими бы то ни было общностями, незыблемости индивидуальных прав и свобод, неприкосновенности частной собственности, всеобщего равенства, полиархии.

Очевидно также, что мифологемы современного либерализма превосходным образом вписываются в общий фон нынешнего культурного и ментального состояния Запада,

глубинной исторической парадигмы, которая обозначена в XX веке как парадигма постмодерна. Для нее (так, как она была осмыслена в свое время ее теоретиками, вообще – философской традицией постмодернизма) базовыми принципами выступают спонтанность человеческой деятельности, тотальная диссипация, стратегема деконструкции, антинarrативность, хаос микродискурсов, перманентный отказ от предшествующих парадигм, неопределенность и случайность, процессуальность и незавершенность, игра, ирония, цинизм, виртуализация реальности и жизнь в мире симулякров.

Именно поэтому, в силу столь прочной когеренции трех названных составляющих: глубинных цивилизационных характеристик «сил моря», особенностей парадигмы постмодерна и совокупности декларируемых идей либерализма, в большинстве стран, приверженных ныне принципам «атлантизма», стран, которые мы до сих пор на уровне доксы называем «развитыми», действительно господствует ныне либерально-демократическая утопия. В своей хозяйственно-экономической, правовой, интеллектуальной, повседневно-бытовой составляющих она оказывается совершенно адекватной сознанию постмодерна.

У современного атлантизма есть «блестящий» опыт силового перерождения «тоталитарных» режимов в режимы либеральные: итальянского фашизма и германского национал-социализма в либерализм итальянского и либерализм немецкого толка (нынешняя Германия – это, конечно же, далеко не тот «твердый держатель Хартленда», о котором писали основоположники геополитической теории). Этот опыт либеральный Запад уже не одно десятилетие пытается воспроизвести и в мировом, и в российском масштабе. При этом, формально отвергая европоцентризм, поскольку принципы постмодерна и мифы либерализма в пределе вообще отвергают какое-либо социальное центрирование, Запад на самом деле настойчиво навязывает остальному миру чисто европейскую логику линейного про-

цесса человеческой истории «от традиционной модели общества - через социальную модель модерна - к состоянию постмодерна», как бы «закрывая глаза» на то, что и в XXI веке подавляющее большинство населения Земли живет в условиях «давно устаревших» традиционалистских социальных структур.

Такого рода геополитическое давление, преподанное массовому поверхностному сознанию в СССР в конце 1980-х годов как «борьба с советским тоталитаризмом», несомненно, стало ведущим фактором «величайшей геополитической катастрофы XX века» (В.В. Путин) – распада Советского Союза. Иначе говоря, дело совсем не в том, что коммунистическая «тоталитарная» идеология была, якобы, побеждена «прогрессивной» либеральной парадигмой. Коммунизм, конечно же, исчерпал себя и как идеология, и как реальная государственно-политическая конструкция, оформлявшая в границах Советского Союза индустриальное общество. Но бурное распространение у нас не наших цивилизационных принципов, внедрение в нашу социокультурную среду чуждых мироотношенческих начал вызвано, прежде всего, нашим историческим поражением в глобальной геополитической борьбе.

Деструкция «национальной силы» в одночасье превратила мировую державу в ту нишу, куда евро-американский мир постмодерна транслирует кризис своей духовности с его до предела заостренной проблемой человеческого одиночества, отчуждения, дисгармонии жизни, крайним смещением смыслов бытия. С его идеями множась реальностей и микродискурсов, «тотальной абсурдности» эгоцентрированного мира, с апологией множественности схем деятельности. Фундаментальную угрозу для нашей цивилизации, вызванную этой постмодернистской «диссипацией реальности», представляет декларируемый у нас донныне плюрализм идеологических парадигм и апология этого плюрализма.

Само же геополитическое поражение России в конце XX века оказалось возможным лишь на фоне глубинных трансформационных процессов внутри российской цивилизации, набравших силу к тому времени. К их числу, думается, необходимо отнести следующие.

- В Советском Союзе в период 1970-80-х годов произошло технологическое исчерпание индустриальных производительных сил, естественным результатом которого на рубеже 80-90-х годов стал их бурный самораспад. Кризис индустриального общества, «общества модерна», свойственен, конечно же, и России, и Западу. Но будучи слабейшим звеном в ряду индустриальных обществ, наша страна переживает его не так, как «благополучный» Запад. Распад структур российской индустриальной системы, форм и структур модерна, опрометчиво воспринятый в конце 1980-х – начале 1990-х годов как утверждение в стране демократии, произошел столь стремительно в силу слабой укорененности на российской почве совсем недавно (лишь к середине XX века) созданных институтов индустриального общества. Срок их существования у нас никак нельзя сравнить с многовековым развитием индустриализма на Западе. На протяжении последних лет мы, конечно же, являемся свидетелями усиленного и во многом успешного стремления страны к прорыву в области высоких технологий. Однако серьезную проблему в этой связи представляет сохраняющийся со второй половины прошлого века колоссальный диссонанс в развитии отдельных подсистем хозяйственной и общественной жизни: диссонанс между отдельными отраслями хозяйства, между городом и деревней, между отдельными регионами и т.д.

- В историческом масштабе в России исчерпала себя традиционная для четырех прошедших столетий нашей истории российская державная (имперская) государственность. Ныне она, безусловно, обновляется. Нет уже у нас многих, во многом чуждых для отечественной культуры и слепо скопированных в начале 1990-х годов с западных

образцов, государственно-политических форм и способов управления. Нет и той «массовой волны» политиков «либерально-демократического толка». Однако, процесс «кристаллизации» традиционного авторитаризма нашей политической системы и, прежде всего, процесс восстановления былой силы центральной власти, процесс «институционализации авторитаризма по вертикали» далеко еще не завершен.

- Системообразующий этнический субстрат нашей цивилизации – русский народ переживает кризис, связанный с исчерпанием того способа хозяйствования, способа отношения этноса к своему кормящему ландшафту, что был выработан русскими в период наивысшего подъема национальной культуры в начале XVIII - конце XIX столетий. Необходимо отметить, что в глобальном геополитическом противостоянии конца 80-х – 90-х годов основными объектами ударов со стороны наших «цивилизационных противников» явились именно базовые составляющие русской национальной культуры. Разрушению подверглись традиционные виды деятельности, в первую очередь – сельское хозяйство, фактически именно тогда был завершен процесс уничтожения русской деревни с ее коллективистскими общинными принципами организации жизни. Ныне хорошо известна ситуация, когда крупнейшие финансовые, культурные и бизнес-центры сосредоточены лишь в ряде мегаполисов страны, при этом огромная часть ее территории находится в состоянии крайнего запустения. А следствием стали процессы деструкции этнических традиций, выраженной в утрате основ социальной сплоченности, господстве индивидуалистического и гедонистического отношения человека к жизни, разрыве межпоколенных связей, в гендерных деформациях и дисфункциях, в потере народом исторической памяти, в трансформации содержания основных этических ценностей. Геополитическая реальность сегодня требует поэтому модернизации способов расширения и обогащения кормящего ландшафта, восста-

новления традиционных видов и форм производящей человеческой деятельности.

«Сталинский режим», что бы о нем ни говорили, выполнял необходимые для сохранения общества, государства и нашей цивилизации функции, конечно же, облакая их в жесткие формы. Но это были именно такие формы, которые иной режим, иная власть, иной правитель не в состоянии были реализовать в данное время и в данном месте. «Тоталитарное», точнее, - жестко мобилизационное государство, наследовавшее главные имперские принципы «старой» царской России, осуществляя ударную модернизацию технологических основ общества, в том числе - и за счет заимствования с Запада ключевых научно-технических факторов индустриализма, «не забывало» при этом выстраивать плотные фильтры на путях возможного «просачивания» в страну соответствующих им мироотношенческих и идеологических компонентов.

Со смертью И.В. Сталина «тоталитарный» режим ослаб и рухнул, а вместе с ним обрушились и идеологические фильтры. Релятивистские тенденции, выразившие движение нашего общества к состоянию постмодерна, вначале постепенно, а с конца 60-х годов - стремительно набирали темпы, довольно прочно утверждаясь в российской повседневности. Инокультурная идеологическая, геополитическая, ментальная экспансия была поддержана изнутри страны традиционным для последних двух столетий «западничеством» некоторой части общества. Она имела успех, поскольку была направлена в мощный диссонанс межпоколенных связей, возымевший место именно тогда, когда в активную жизнь включилось поколение, не испытывавшее ужасов вражеского нашествия, и не встречала реального и адекватного противодействия со стороны мощного и укорененного в отечественной традиции философско-концептуального «противовеса».

Постепенно к концу 1980-х годов у нас, в резком разрыве с традицией, изменилось видение индивидом своего

места в мире и обществе. Изменилось отношение к истории и будущему, к «своим» и «чужим», к Отечеству, к государственности, к семье, к нравственности, к прекрасному и т.д. Ниспровергнутыми оказались веками откристилизовывавшиеся высшие ценности человеческого бытия, его организующие начала. Их место заняли «идолы» повседневного благополучия, индивидуального успеха и жизненного самоутверждения.

Современные либеральные ориентации, и на Западе, и теперь – у нас, связанные с приятием абсолютной самодостаточности субъекта, с поиском в самом индивиде, и только в нем, предельных оснований его бытия, с видением в самореализации человека единственного смысла его жизни, возводят частный интерес во всеобщий принцип, индивидуальное «я» давно стало объектом поклонения для философии, для идеологии, для этики, для искусства, для обыденного сознания.

Свобода человека в либеральной трактовке отождествляется с независимостью от уз социальности. Самодостаточность «я» влечет представление о «распадающейся и умирающей реальности», происходит постепенная деструкция всех форм человеческой идентичности (религиозной, этнической, сословной, гендерной, цивилизационной), и каждый оказывается вольным поэтому выстраивать свою собственную, «уникальную и независимую», структуру повседневности и логику поведения. Еще В. Розанов писал в свое время, угадывая в соотечественниках эту тенденцию будущего: «И только одно хвастовство, и только один у каждого вопрос: "какую роль при этом я буду играть". Если "при этом" он не будет играть роли, - "к черту"» [14, с. 58].

Однако, сегодня мы видим, что релятивизм и эгоцентрированность мироотношения человека эпохи постмодерна отнюдь не несут в себе обещанной либеральной идеологией гармонизации жизни. Они не несут гармонию в истерзанное хаосом российское общество, прежде всего,

потому, что они не совместимы с традиционными архетипами нашего народа: архетипами свободы как духовного состояния человека, смысла жизни как устремленности человека к вечности, мироздания как иерархически организованной целостности, старости как носительницы мудрости и многими, многими другими. Они не в состоянии принести с собой гармонию в силу принципиального, глубинного несоответствия нынешних «жизненных стандартов» мощным соборным и державным началам русского национального сознания [6, с.1-51].

Тотальный разрыв связей в «распадающейся и умирающей реальности», произвольное «высвобождение» самодостаточного «эго», подмена цельной и стройной архитектоники миропорядка феноменами «жизненного мира» личности, стремление индивида «проглотить мир» (Э. Фромм) [17] отнюдь не сулят обретения человеком реальной полноты бытия. Не сулят, как бы ни настаивали носители и выразители подобного мироотношения на том, что «мне может быть хорошо, когда рушится "системный мир"».

И, может быть, современное «наслаждение» человека абсурдностью мира, нынешняя релятивность мироотношения выступают в этом плане как выражение смиренности, в стиле Кафки, принципиально чуждой русским, но ныне очень глубоко «вросшей» в национальное сознание, смиренности перед одиночеством, страданием, конечностью, всеразорванностью человеческого бытия, перед его непреодолимой «частичностью», перед глубокой духовной «бездомностью» современного человека. Но подобного рода «смиренность» есть не что иное, как только лишь неизменное «попустительство» дисгармонии, одиночеству, страданию и всеразорванности.

Несомненно, современный российский цивилизационный кризис обусловлен тотальностью «массового человека» [12], человека толпы. Именно он стал тем центром, вокруг которого концентрируется вся ценностная система либерализма, именно представления массового человека о

себе самом, о мире вещей и идей, определяют социальное развитие в эпоху постмодерна. Этот феномен, как отмечал еще О. Тоффлер, когда-нибудь станет одним и тем же и для Запада, и для России. Сегодня он таким и стал.

Но в России «драма омассовления» носит значительно более жесткий характер, потому что принципиально несовместимы «масса» и русский «собор», жизненные принципы массового человека и принципы жизни «человека сущи». Эта несовместимость, к сожалению, раскалывает сегодня общественное сознание в России непримиримо на две, почти равные, части, одна из которых (преимущественно – носители доксы, поверхностного, шаблонного мышления) декларирует свою готовность неизменно следовать либеральным принципам, другая же часть общества решительно отвергает их. Поэтому судьба российской цивилизации, думается, зависит сейчас, прежде всего, от того, в какую сторону будет меняться это соотношение сил. По крайней мере, ныне уже многим заметен, пусть и не очень решительный пока, весьма медленный, но все же – разворот страны к идеям, ценностям и идеологии традиционализма. Так или иначе, недавно сформулированная у нас, наконец, на высшем официальном уровне идея патриотизма как суть национальной идеи так резко контрастирует с доньше памятными широковещательными тирадами отечественных «правозащитников» о «патриотизме как последнем прибежище негодяев» и о патриотически, державно мыслящих гражданах как об «адептах национализма, тоталитаризма, фашизма».

Возможно, экспорт либеральной конструкции в Россию закончится в ближайшем будущем, возможно, он завершится интеллектуальным поражением, политическим крахом, а, может быть, - и «личной катастрофой» для ее наиболее заинтересованных проводников. В этом случае именно русскому традиционализму, в первую очередь, - в его «философском, метафизическом измерении», придется

решать задачи дальнейшего цивилизационного развития России.

Список литературы:

1. **Аксаков, К.С.** Записка о внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. [Текст] / К.С. Аксаков // Ранние славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. - М., 1910.
2. **Генон, Р.** Царство количества и знамения времени. [Текст] / Р. Генон - М.: Беловодье, 1994.- 295 с.
3. **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. [Текст] / Л.Н. Гумилев - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 495 с.
4. **Данилевский, Н.Я.** Россия и Европа.[Текст] / Н.Я Данилевский - М.: Книга, 1991.- 573 с.
5. **Кант, И.** Критика чистого разума. [Текст] / И. Кант. - Минск: Литература, 1998.- 960 с.
6. **Киреевский, И.В.** О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России [Текст] / И.В. Киреевский // Ранние славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. - М., 1910.
7. **Леонтьев, К.Н.** Византизм и славянство [Текст] / К.Н. Леонтьев // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. С-Пб.: Наука,1991. - 364 с. С.171-290
8. **Макиндер, Х.** Географическая ось истории [Текст] / Х. Макиндер // Геополитика. Антология. - М.: Аккад. Проект: Культура, 2006. - 1002 с.
9. **Макиндер, Х. Дж.** Круглый мир и достижение мира [Текст] / Х.Макиндер // Уральский исторический вестник, 1994. - № 1.- С.152-158.
10. **Макиндер, Х.** Демократические идеалы и реальность.[Текст] / Х. Макиндер // Полис. Политические исследования, 2011. - №2. - С. 134-144.
11. **Менделеев, Д.И.** К познанию России. [Текст] / Д.И. Менделеев - М.: Айрис-Пресс, 2002.- 562 с.

12. **Ортега-и-Гассет**, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет - М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 509 с.
13. **Ратцель**, Ф. Народоведение. [Текст] В 2 т. / Ф. Ратцель - С-Пб.: Просвещение, 1900. - 764 с.
14. **Розанов**, В.В. Уединенное [Текст]/ В.В. Розанов //Сочинения. - М.: Советская Россия, 1990.- 588 с.
15. **Тойнби**, А. Постигание истории. [Текст] / А. Тойнби - М.: Прогресс, 1996. - 607 с.
16. **Фаррел**, Дж. Нацистский интернационал. [Текст] / Дж. Фаррел - М.: Эксмо, 2011.- 448 с.
17. **Фромм**, Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм - Киев: Ника-Центр. 1998.- 400 с. С. 189-389
18. **Хайдеггер**, М. Время и бытие. [Текст] Статьи и выступления. / М. Хайдеггер - М.: Республика, 1993. - 447 с.
19. **Хантингтон**, С. Столкновение цивилизаций. [Текст] / С. Хантингтон - М.: АСТ, 2003. - 506 с.
20. **Шпенглер**, О. Закат Европы. [Текст] / О. Шпенглер - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. - 638 с.

ГРНТИ 78

УДК 351.861

Блинов Андрей Георгиевич

ОЦЕНКА РИСКОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СИЛ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: силы гражданской обороны, чрезвычайная ситуация, защита населения и территорий.

АННОТАЦИЯ. Статья направлена на оценку рисков возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. На основе анализа наиболее крупных чрезвычайных ситуаций, произошедших за последние 3 года на территории Уральского региона, рассматриваются основные направления совершенствования деятельности сил гражданской обороны в условиях чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов.

В связи с этим автор статьи предлагает перечень мероприятий, федерального и регионального значения, призванных обеспечить повышение эффективности способов организации действий сил гражданской обороны при возникновении чрезвычайных ситуаций различного генезиса.

Blinov AndreyGeorgievich

PERFECTION OF WAYS OF THE ORGANIZATION OF ACTIONS OF CIVIL DEFENCE FORCES

KEY WORDS: emergency, civil defense, protection of the state and the population.

ABSTRACT. This paper aims to assess the risks of emergency situations of natural and technogenic character. On the basis of most major emergencies that have occurred over the past 3 years on the territory of the Ural region, the basic directions of activity of civil defense in emergencies. In this regard, the author offers a list of activities of federal and regional importance to ensure increasing effectiveness of ways of organizing actions of civil defense forces in emergency situations of different origin.

В современных условиях, по-прежнему, остается чрезвычайно актуальной проблема защиты населения, территорий, материальных и культурных ценностей, объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры, от опасностей, возникающих при ведении военных конфликтов и при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Политика руководства Российской Федерации, направленная на безусловное сохранение государственного суверенитета, военной, политической и экономической независимости, вызывает резкое неприятие со стороны руководства ряда западных государств. Вследствие чего сохраня-

ется военно-политическая напряженность, происходит увеличение количества и масштабов ежегодно проводимых военных учений вблизи границ Российской Федерации, возрастает численность привлеченных военных формирований и техники.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 сделан вывод о том, что основными угрозами национальной безопасности Российской Федерации продолжают оставаться:

- ✓ односторонний силовой подход в международных отношениях (в первую очередь со стороны Соединенных штатов Америки и стран НАТО);
- ✓ противоречия между основными участниками мировой политики;
- ✓ угроза распространения оружия массового поражения и его попадания в руки террористов;
- ✓ развитие и усложнение форм противоправной деятельности, а также их выход в сферу высоких технологий, в том числе в информационную и кибернетическую сферы [3].

Также, по-прежнему остается высоким риск возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе крупномасштабных.

Состояние развития современного Российского общества характеризуется высокой степенью глобализации и повышением зависимости в повседневной жизни от централизованных систем жизнеобеспечения, связи, транспорта. Нарушение или прекращение на длительный период нормальной работы данных систем может привести к росту социальной напряженности и нарушению нормальной работы органов местного самоуправления и органов государственной власти.

Примером может служить чрезвычайная ситуация, вызванная падением в марте 2013 года метеорита на территорию Челябинской области, когда в результате воздействия

воздушной ударной волны получили повреждения объекты с массовым пребыванием людей, была нарушена мобильная связь в городе Челябинск. Вследствие нарушений в работе местных радиостанций возникли трудности в организации информирования и оповещения населения, создались условия для возникновения панических настроений, была затруднена или прекращена работа организаций в городе с населением свыше одного миллиона человек.

Анализ статистических данных показывает, что на территории субъектов Российской Федерации в среднем происходит по 15-20 чрезвычайных ситуаций ежегодно, преимущественно локального и местного характера, вместе с тем, сохраняется вероятность возникновения 1-2 чрезвычайных ситуаций, имеющих межрегиональный и федеральный характер, в результате которых будет причинен большой материальный ущерб, нарушены условия жизнедеятельности большого количества людей.

В качестве примера можно привести следующие, наиболее крупные, чрезвычайные ситуации:

7-10 августа 2013 года, в результате дождевого паводка в 6 южных районах Челябинской области, было подтоплено 16 населенных пунктов, 1698 жилых домов, 1661 приусадебный участок, с населением 5676 человек (в том числе 941 ребенок). На пострадавшей территории было разрушено 4, повреждено 7 автомобильных мостов, размыто 28 км автомобильных дорог, погибло 335 голов крупного рогатого скота, 152 головы мелкого рогатого скота, 8774 птицы. Было отселено из зоны ЧС 1639 человек. Материальный ущерб составил 1,8 миллиарда рублей.

4 января 2015 года, в результате нарушения правил проведения регламентных работ произошел пожар на 4 энергоблоке Сургутской ГРЭС-2 филиале ОАО «ЭОН Россия», в результате которого произошло обрушение кровли главного корпуса станции на площади 600 м². Вследствие нарушения теплового контура станции произошло отключение двух соседних энергоблоков станции, и создавалась уг-

роза нарушения теплоснабжения города Сургут и устойчивого энергоснабжения всего Сургутского энергорайона. Материальный ущерб составил 1,2 миллиарда рублей.

В июле-августе 2015 года, вследствие наложения дождевых стоков в бассейне средней Оби с форсированными сбросами с Новосибирского водохранилища произошли подтопления населенных пунктов, объектов экономики, объектов инфраструктуры в Белоярском, Березовском, Нефтеюганском, Нижневартовском, Сургутском районах Ханты – Мансийского автономного округа – Югры было подтоплено 985 частных и много квартирных жилых домов, 8 дачных и садовых товариществ, с населением около 1285 человек. Материальный ущерб составил 1,5 миллиарда рублей.

В этой связи, основами государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны и основами государственной политики Российской Федерации в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций, утвержденных Президентом Российской Федерации от 03.09.2011 № Пр-2613 и 15.11.2011 № Пр-3400, предусмотрено обеспечение гарантированного уровня защищенности человека, государства и общества на ближайшую перспективу, а также постоянное совершенствование деятельности в данных направлениях.

Для организации данной работы Поручением Президента Российской Федерации от 27 сентября 2015 г. № Пр-1977, принятого по итогам оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 22 сентября 2015 г. Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации поручено принять меры, направленные на повышение готовности системы гражданской обороны с учетом современных рисков и складывающейся экономической ситуации.

Основными направлениями, по повышению готовности гражданской обороны к выполнению возложенных задач, целесообразно рассматривать следующие:

1. Совершенствование нормативной правовой базы и нормативно-распорядительных документов в области гражданской обороны из защиты от чрезвычайных ситуаций, в первую очередь на объектовом, местном и региональном уровнях.
2. Совершенствование мероприятий по обеспечению ведения гражданской обороны, а также мероприятий по развитию систем управления, систем информирования и оповещения населения.
3. Развитие численности, оснащенности, мобильности и подготовленности группировки сил и средств гражданской обороны.
4. Обеспечение защищенности и устойчивости функционирования потенциально опасных, критически важных и социально-значимых объектов, а также объектов экономики, необходимых для выживания населения в военное время и при возникновении чрезвычайных ситуаций.
5. Совершенствование способов и методов защиты населения, территорий, потенциально опасных и критически важных объектов, от опасностей, возникающих при ведении военных конфликтов и при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Дальнейшее совершенствование системы подготовки населения, должностных лиц и персонала организаций по вопросам гражданской обороны и предупреждению чрезвычайных ситуаций.

В дальнейшем целесообразно рассмотреть порядок реализации этих основных направлений совершенствования гражданской обороны.

1. В качестве совершенствования и развития нормативной правовой базы и нормативно-распорядительных документов, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления должна быть направлена:

- 1.1. На федеральном уровне:

- 1.1.1. На приведение нормативной правовой базы Российской Федерации в соответствие с требованиями по-

следних изменений Федерального закона «О гражданской обороне», Постановления Правительства «Положение о порядке ведения гражданской обороны»;

1.1.2. На подготовке и принятии новых нормативных правовых актов Российской Федерации «О создании системы обеспечения гражданской обороны», «Об утверждении требований к потенциально опасным и критически важным объектам в области защиты от чрезвычайных ситуаций»;

1.1.3. На подготовку и принятие нормативных правовых актов Российской Федерации (технических регламентов) по вопросам организации мероприятий гражданской обороны, организации мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций, организации мероприятий по жизнеобеспечению населения;

1.2. На региональном и местном уровнях:

1.2.1. На внесении соответствующих изменений в положения о порядке ведения гражданской обороны на территории субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

1.2.2. На приведение нормативной правовой базы субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в соответствие с требованиями Федерального законодательства.

1.2.3. На корректировку, уточнение и детализацию планов гражданской обороны и планов действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций) [2].

2. В качестве совершенствования и развития мероприятий по обеспечению ведения гражданской обороны, а также мероприятий по развитию систем управления, систем информирования и оповещения населения, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления должна быть направлена:

2.1. На федеральном уровне:

2.1.1. На отнесение организации мероприятий гражданской обороны и мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций к предметам совместного ведения Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, закрепление данных задач в федеральных законах «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций», «О гражданской обороне», а также подзаконных нормативных правовых актах.

2.1.2. На развитие системы управления гражданской обороной, в части регламентации задач и требований по созданию и обеспечению готовности повседневных, запасных и подвижных пунктов управления территориальных органов федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, отнесенных к группам по гражданской обороне, а также организаций, имеющих категорию по гражданской обороне.

2.2. На региональном и местном уровнях:

2.2.1. На создание и обеспечение готовности повседневных, запасных и подвижных пунктов управления субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, организаций;

2.2.2. На совершенствование вопросов взаимодействия и информационного обмена органов управления ГО и РСЧС по вопросам осуществления совместных действий при решении задач;

2.2.3. На развитие и реконструкция региональных и территориальных автоматизированных систем централизованного оповещения населения, завершения создания комплексных систем экстренного оповещения населения и локальных систем оповещения населения в районах размещения потенциально опасных объектов.

2.2.4. На повышение эффективности работы по созданию достаточных запасов материальных и финансовых средств, для обеспечения выполнения мероприятий по гражданской

обороне и резервов финансовых и материальных ресурсов, созданных для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В первую очередь на региональном, местных объектовом уровнях.

3. В качестве развития группировки сил и средств гражданской обороны, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления должна быть направлена:

3.1. На поддержании в готовности имеющихся сил и средств ведомственных, профессиональных, нештатных аварийно-спасательных формирований, пожарно-спасательных формирований МЧС России, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, а также формирований по обеспечению выполнения мероприятий по гражданской обороне;

3.2. На перевод основных элементов системы обеспечения гражданской обороны в категорию подразделений постоянной готовности, способных выполнять задачи по защите населения в мирное и военное время.

3.3. На повышение оснащенности и обеспеченности автомобильной группировки сил и средств МЧС России, принятие необходимых решений о создании аналогичных автомобильных группировок сил и средств аварийно-спасательных формирований субъектов Российской Федерации в масштабе федерального округа.

Завершение вопросов создания специализированных пожарно-спасательных частей ФПС МЧС России в субъектах Российской Федерации, а также нормативного закрепления вопросов создания специализированных частей по тушению крупных пожаров в противопожарной службе субъектов Российской Федерации.

4. В качестве совершенствования вопросов обеспечения защищенности и устойчивости функционирования потенциально опасных, критически важных и социально-значимых объектов, а также объектов экономики, необходимых для выживания населения в военное время и при

возникновении чрезвычайных ситуаций, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления целесообразно направлять на решение следующих вопросов:

4.1. Разработка и утверждение федеральных, а также отраслевых нормативных правовых и регламентирующих документов по вопросам обеспечения устойчивого функционирования и повышению защищенности потенциально опасных и критически важных объектов.

4.2. Совершенствование вопросов методического обеспечения деятельности по обеспечению устойчивого функционирования и повышению защищенности потенциально опасных и критически важных объектов;

4.3. Разработка типовых перечней мероприятий, обеспечивающих устойчивое функционирование потенциально опасных объектов и объектов систем жизнеобеспечения и повышению защищенности критически важных для национальной безопасности объектов.

4.4. Проведение переработки и корректировки федеральных перечней критически важных для национальной безопасности объектов, в том числе включение в перечни объектов, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, а также крупных вертикально интегрированных организаций.

4.5. Развитие систем и методов технической диагностики объектов оборудования, выработавшего свой технический ресурс эксплуатации, но использующихся в производственной и хозяйственной деятельности.

4.6. Развитие систем мониторинга и контроля производственных процессов, обеспечение эффективного взаимодействия дежурно-диспетчерских служб объектов с едиными дежурно-диспетчерскими службами муниципальных образований, в том числе в рамках создания аппаратно-программного комплекса систем «Безопасный город».

5. В качестве совершенствования и развития способов и методов защиты населения, территорий, потенциально

опасных и критически важных объектов, от опасностей, возникающих при ведении военных конфликтов и при возникновении чрезвычайных ситуаций, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления должна быть направлена:

5.1. На развитие современных средств коллективной и индивидуальной защиты, а также приборов радиационного, химического и биологического контроля, в том числе с учетом новых подходов к планированию мероприятий по гражданской обороне.

5.2. На развитие сети наблюдения, лабораторного контроля и сети мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, совершенствование вопросов взаимодействия и информационного обмена учреждений сети.

5.3. На развитие системы первоочередного жизнеобеспечения населения, в том числе проработка и регламентация вопросов создания подвижных пунктов обогрева, питания, мобильных пунктов (городков) временного размещения, полевых госпиталей, создание мобильных комплексов для осуществления коммунально-бытового обслуживания.

Подводя итоги, необходимо отметить, что существует необходимость реализации в первую очередь на федеральном, а также региональном и местном уровнях, мероприятий, направленных на повышение эффективности организации системы гражданской обороны, обеспечении её постоянной готовности к применению в мирное время, при возникновении чрезвычайных ситуаций, а также при возникновении военных конфликтов.

Реализация, обозначенных выше задач и комплекса практических мероприятий, позволит осуществить:

✓ формирование единого современного нормативного правового поля по вопросам защиты населения от чрезвычайных ситуаций в мирное время, а также при военных конфликтах;

✓ формирование единой государственной резервной системы, позволяющей обеспечить осуществление защиты

населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в мирное время, а также при военных конфликтах;

✓ создание экономически обоснованной группировки сил и средств, способной эффективно осуществлять решение задач мирного и военного времени;

✓ повысить эффективность форм и методов обеспечения защиты населения и территорий, потенциально опасных объектов, с использованием современных, в том числе инновационных и наукоемких систем.

Проведение обозначенных мероприятий будет способствовать повышению эффективности предупредительной и профилактической работы, позволит минимизировать риски и затраты и будет способствовать повышению защищенности государства и росту благосостояния общества и личности в целом.

Список литературы:

1. **Федеральный закон** от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/

(дата последнего обращения 22. 03. 2016 г.)

2. **Федеральный закон** от 12.02.1998 N 28-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О гражданской обороне». [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17861/

(дата последнего обращения 22.03. 2016 г.)

3. **Указ Президента РФ** от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277> (дата

последнего обращения 22.03.2016 г.)

**АНАЛИЗ ИСПОЛНЕНИЯ МЕР ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПЕРВИЧНЫХ МЕР ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(на примере ЗАТО Северск)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пожарная безопасность, муниципальное управление.

АННОТАЦИЯ. Авторами статьи проведен анализ соответствия мер пожарной безопасности, определенных Федеральным Законом «О пожарной безопасности», мерам, предпринимаемым в конкретном муниципальном образовании ЗАТО Северск. На основе проведенного анализа авторами предлагается комплекс мероприятий по совершенствованию системы управления пожарной безопасностью (например ЗАТО Северск).

*Votchenko Irina Arturovna
Daytov Damir Munirovich*

**ANALYSIS OF PERFORMANCE OF FIRE SAFETY MEASURES IMPROVEMENT OF THE MANAGEMENT SYSTEM PROVISION OF PRIMARY MEASURES OF FIRE SAFETY OF THE MUNICIPALITY
(on the example of ZATO Seversk)**

KEY WORDS: fire safety, municipal management.

ABSTRACT. The Authors conducted analysis of compliance of fire safety measures prescribed by the Federal Law "About fire safety", the measures taken in concrete municipal formation ZATO Seversk. On the basis of the conducted analy-

sis the authors proposed a set of measures on improvement of system of management of fire safety (for example, Seversk).

Силовые и правоохранительные структуры Российской Федерации призваны обеспечить безопасность и стабильность российского общества, как внутри территории государства, так и за его пределами. Особую роль в функционировании объектов государственного значения играют специальные подразделения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России. Поэтому взаимодействие Специального управления ФПС № 8 МЧС России по оказанию методической помощи Администрации ЗАТО Северск по совершенствованию системы управления обеспечением первичных мер пожарной безопасности муниципального образования является одним из приоритетных направлений деятельности.

В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] обеспечение первичных мер пожарной безопасности относится к вопросам местного значения городского округа ЗАТО Северск Томской области.

В Администрации ЗАТО Северск функционирует управление по делам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в штате которого всего один специалист, отвечающий за обеспечение пожарной безопасности на территории городского округа площадью 48565 га, с численностью населения 108 407 человек. Считаю, что сложившаяся ситуация проявляет формальный подход и не отвечает требуемым мерам.

Федеральными законами от 21.12.1994 N 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [2] и от 22.07.2008 N 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [3] установлено, что первичные меры пожарной безопасности включают в себя:

- 1) реализацию полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов организационно-правового, финансового, материально-технического обеспечения пожарной безопасности муниципального образования;
- 2) разработку и осуществление мероприятий по обеспечению пожарной безопасности муниципального образования и объектов муниципальной собственности, которые должны предусматриваться в планах и программах развития территории, обеспечение надлежащего состояния источников противопожарного водоснабжения, содержание в исправном состоянии средств обеспечения пожарной безопасности общественных зданий, находящихся в муниципальной собственности;
- 3) разработку и организацию выполнения муниципальных целевых программ по вопросам обеспечения пожарной безопасности;
- 4) разработку плана привлечения сил и средств для тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ на территории муниципального образования и контроль за его выполнением;
- 5) установление особого противопожарного режима на территории муниципального образования, а также дополнительных требований пожарной безопасности на время его действия;
- 6) обеспечение беспрепятственного проезда пожарной техники к месту пожара;
- 7) обеспечение связи и оповещения населения о пожаре;
- 8) организацию обучения населения мерам пожарной безопасности и пропаганду в области пожарной безопасности, содействие распространению пожарно-технических знаний;
- 9) социальное и экономическое стимулирование участия граждан и организаций в добровольной пожарной охране, в том числе участия в борьбе с пожарами.

Далеко не все из вышеуказанных мер реализованы в ЗАТО Северск, но необходимость совершенствования сис-

темы управления обеспечением первичных мер пожарной безопасности в ЗАТО Северск вызвана сложной обстановкой в области финансового обеспечения данных мероприятий и постоянным наличием риска возникновения пожаров и гибели людей.

Статья 11.1 Федерального закона от 21.12.1994 N 69-ФЗ «О пожарной безопасности» определяет, что муниципальная пожарная охрана создается органами местного самоуправления на территории муниципальных образований. Цель, задачи, порядок создания и организации деятельности муниципальной пожарной охраны, порядке взаимоотношений с другими видами пожарной охраны определяются органами местного самоуправления. Кроме того, пункт 9 статьи 10¹ Устава ЗАТО Северск [6] гласит, что органы местного самоуправления ЗАТО Северск имеют право на создание муниципальной пожарной охраны. Но в рамках ограниченного финансирования и оптимизации бюджетов всех уровней, данное «право» вряд ли будет реализовано в ближайшее время. Муниципальная пожарная охрана как вид пожарной охраны в ЗАТО Северск отсутствует, не принимаются меры по разработке регламентации порядка ее создания и организации деятельности. Вследствие этого вне зоны нормативного реагирования остаются сельские населенные пункты Кижирова, Орловка и ряд других небольших сельских поселений.

В настоящее время положение, сложившееся с содержанием в исправном состоянии средств обеспечения пожарной безопасности общественных зданий, находящихся в муниципальной собственности, не соответствует современным требованиям пожарной безопасности. Большинство зданий ЗАТО Северск построено в 1960 - 1970 годах двадцатого века. Более 60% зданий имеют срок эксплуатации 50 лет и более. Средства на проведение плановых капитальных ремонтов зданий муниципального жилого фонда в связи с изменениями, внесенными в Жилищный кодекс Российской Федерации, теперь формируются в специ-

альных фондах, основанными самими жильцами. Закон Томской области от 7 июня 2013 N 116-ОЗ «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Томской области» [4] начал действовать с 2015 года, механизм проведения капитального ремонта на территории ЗАТО Северск в настоящее время еще не наработан. В тоже время отделом федерального государственного пожарного Специального управления ФПС № 8 МЧС России надзора выдано большое количество предписаний по устранению нарушений обязательных требований пожарной безопасности по данной категории объектов.

По данным на 01.01.2015 в 28 муниципальных образовательных учреждениях ЗАТО Северск состояние путей эвакуации не соответствует требованиям пожарной безопасности. В девяти учреждениях необходимо осуществить замену дверей в помещениях различных классов функциональной пожарной опасности на противопожарные двери с нормируемым пределом огнестойкости. Требуется особого внимания проведение огнезащитной обработки деревянных конструкций чердачных помещений восьми учреждений, а также установка дополнительного оборудования помещений в пяти учреждениях автоматической пожарной сигнализацией. Для приведения зданий в соответствие с требованиями пожарной безопасности предстоит заменить шкафы пожарных кранов на сертифицированные, а также выполнить иные меры по обеспечению пожарной безопасности.

Безусловно, вышеуказанные мероприятия требуют финансового обеспечения, поэтому в условиях ограниченного финансирования и сложной геополитической ситуацией России на международной арене компетентным органам государственной власти и органам местного самоуправления приходится искать другие способы решения проблем. Так федеральный государственный пожарный надзор отходит от применения «карательных» функций, применяя

больше превентивные меры и профилактические мероприятия. Для примера, в первом полугодии 2015 по ЗАТО Северск, по сравнению с первым полугодием 2014, существенно уменьшилось количество плановых и внеплановых проверок противопожарного состояния объектов надзора.

В 2014 году в ЗАТО Северск произошло 56 пожаров, в 2013 году - 73 пожара. По сравнению с 2013 годом количество пожаров уменьшилось на 16. Таким образом, меры принимаемые органами местного самоуправления ЗАТО Северск и Специальным управлением № 8 МЧС России, имеют видимый эффект.

На пресс-конференции в информационном агентстве «ТАСС» 30.04.2015 министр МЧС России В.А. Пучков заявил: «Сделано очень много, но у нас впереди большая, серьезная работа. Во-первых, нам нужен новый современный тренд - повышение безопасности объектов малого и среднего бизнеса. Поэтому мы, объявив «каникулы» для контрольно-надзорной службы, запретив проверки этих объектов, шаг за шагом внедряем новый формат их работы. Это и независимая оценка рисков, аудит безопасности, лицензирование, развитие системы страхования бизнеса и формирование новых условий работы, защиты персонала и формирование здоровой конкурентной среды. Второй аспект – это вопросы безопасности жизнедеятельности населения, в том числе вопросы обеспечения пожарной безопасности. Есть еще много перспективных направлений, но я могу сказать, что утверждена государственная программа «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природно-техногенного характера и обеспечение пожарной безопасности на период до 2020 года», спланированы все необходимые ресурсы в федеральном центре и субъектах РФ. Всё это позволяет нам смотреть с перспективой на дальнейшее развитие всей системы пожарной охраны России» [8].

В перспективе основными задачами по совершенствованию системы управления обеспечением первичных мер пожарной безопасности ЗАТО Северск являются:

- 1) совершенствование системы муниципального управления и оперативного реагирования при возникновении пожаров;
- 2) регламентирование порядка создания и организации муниципальной охраны;
- 3) обеспечение раннего обнаружения пожара и организованного проведения эвакуации путем применения современных средств пожарной автоматики;
- 4) приведение в соответствие с требованиями «Технического регламента о требованиях пожарной безопасности» объектов муниципального имущества;
- 4) формирование культуры безопасности жизнедеятельности у населения;
- 5) повышение уровня правосознания и ответственности должностных лиц и граждан за допускаемые нарушения в области пожарной безопасности.

Для реализации поставленных задач необходимо выполнить следующие мероприятия:

- 1) принятие долгосрочных целевых программ органов местного самоуправления по обеспечению первичных мер пожарной безопасности на территории ЗАТО Северск;
- 2) проведение внедрения (установки), замены на современные автоматические средства пожарной сигнализации, оповещения, пожаротушения преимущественного российского производства в рамках «Программы импортозамещения»;
- 3) размещение на сайте Администрации ЗАТО Северск кратких памяток и алгоритма действий при пожаре;
- 4) размещение в муниципальном транспорте и на городских информационных стендах сведений о пожарах на территории ЗАТО Северск;
- 5) проведение в муниципальных предприятиях и организациях «Уроков пожарной безопасности» с привлечением

сотрудников отдела федерального государственного пожарного надзора;

б) принятие мер социального и экономического стимулирования участия граждан и организаций в добровольной пожарной охране, в том числе участия в борьбе с пожарами;

7) *«возродить» в муниципальных предприятиях и организациях должности, ответственные за обеспечение пожарной безопасности. При этом представляется правоммерным намерение бывшего министра МЧС России С.К. Шойгу вернуть положение, согласно которому «на всех потенциально опасных объектах должны быть пожарно-спасательные подразделения независимо от форм собственности» [7, с. 7].*

Социально-экономический эффект от реализации предложенных мероприятий будет выражаться в повышении уровня защиты объектов, находящихся в муниципальной собственности, населения и территорий ЗАТО Северск от пожаров, а также обеспечения необходимых условий для безопасной жизнедеятельности и устойчивого социально-экономического развития ЗАТО Северск.

Список литературы:

1. **Федеральный закон** от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата последнего обращения 22.03. 2016г.)

2. **Федеральный закон** от 21.12.1994 N 69-ФЗ «О пожарной безопасности». – [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5438/ (дата последнего обращения 22.03. 2016г.)

3. **Федеральный закон** от 22.07.2008 N 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности». –

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182705;fld=134;from=78699-9;rnd=189271.5083628995471643;;ts=0189271894001520158098> (дата последнего обращения 22.03. 2016г.)

4. **Закон Томской области** от 7 июня 2013 N 116-ОЗ «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Томской области». – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/467906844> (дата последнего обращения 22.03. 2016г.)

5. **Постановление Администрации ЗАТО Северск** от 31 июля 2012 г. N 2180 «Об утверждении целевой программы обеспечение первичных мер пожарной безопасности на территории ЗАТО Северск в 2013 – 2015». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawsrf.ru/region/documents/1545608/> (дата последнего обращения 20.03. 2016г.)

6. **Устав ЗАТО Северск**. Решение Думы ЗАТО Северск от 12.04.2005 № 69/1. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://duma-seversk.ru/Ustav_ZATO_Seversk/ (дата последнего обращения 22.03. 2016г.)

ГРНТИ 02.31.55

УДК 167.7

Ивачев Захар Петрович

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ЖИЛЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная проблема, жилье, методология исследования.

АННОТАЦИЯ. Обсуждается вопрос об основаниях научного поиска применительно к выбору темы исследования. Выделяются факторы влияния – острота социальной проблемы, необходимость прироста научного знания и пр.

На примере диссертационных работ показана история изучения и применяемая для анализа методология в проблематике жилья в современном российском обществе.

Ivachev Zahar Petrovich

HISTORY AND METHODOLOGY OF STUDY SOCIAL HOUSING PROBLEMS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIOLOGY

KEY WORDS: social problem, housing, research methodology.

ABSTRACT. The question on the basis of scientific research with regard to the choice of research topic. Factors of influence -. Acuteness of social problems, the need for growth of scientific knowledge, etc. The example of theses shows the history of the study and the methodology used for the analysis of housing issues in contemporary Russian society.

Как утверждал Р.Дж. Коллингвуд, историк может изучать только то прошлое, которое не мертво, а живет в настоящем [5]. Для социолога объект исследования зачастую также «родом из прошлого», но живет в настоящем. Многие социальные проблемы современного российского общества либо преемственны советскому прошлому (патернализм, низкий уровень гражданской и правовой культуры, доверия и пр.), либо имеют в прошлом источник возникновения. К таким можно отнести современную жилищную проблему в РФ. С одной стороны, велики темпы строительства нового жилья: в 2014 г. было введено порядка 81 млн. кв. м жилья (свыше 1 млн. квартир). С другой – до сих пор доля аварийного и ветхого жилья остается очень высокой. По официальным данным Росстата, в 1990-2014 гг. площадь аварийного жилья выросла более чем всемерно, а площадь аварийного и ветхого почти втрое, достигнув 93,3 млн. кв. м (около 0,3% общего жилого фонда страны) [10],

однако указанные данные представляются сомнительными: к примеру, по оценкам Комитета Госдумы по промышленности, строительству и наукоемким технологиям, в 2002-2010 гг. ежегодный прирост жилых помещений данных категорий составлял 22-24 млн. кв. м [4, с. 156].

Для философии науки важной является проблема теории и практики. Применительно к острой проблеме аварийного и ветхого жилья как практической, остросоциальной представим ее анализ в диссертационных исследованиях.

Является ли острая социальная проблема поводом для теоретического исследования? Исследователи неоднозначно отвечают на этот вопрос. По мнению Т. Куна, главное в развитии научного знания – наличие объясняющих научных парадигм, исторически сложившейся системы воззрений, которая неизбежно сменяется посредством научных революций [6]. Исходя из этой концепции, острота социальной проблемы обязательно станет объектом научного анализа.

Для И. Лакатоса [7] главным критерием научности исследовательской программы является прирост фактического знания за счет ее предсказательной силы. До тех пор, пока программа дает прирост научного знания, работа ученого признается рациональной. Применительно к острой социальной проблематике такая установка не обеспечивает проведения исследования. Хотя установка на рациональность – это в отношении социологии как раз и означает решение социальной проблемы ученым.

Еще М. Вебер отстаивал необходимость для ученого отказа от личных ценностей [2], хотя в социально-гуманитарных науках с их социально-сконструированной актуальностью, обоснованностью предмета и объекта исследования сделать это весьма трудно. В истории науки по этому поводу были разные суждения. Так, К. Полани [8] полагал, что абсолютная объективность – это ложный идеал, ведь любые умозаключения основаны на наших персо-

нальных суждениях. Так опровергается гипотеза о механическом установлении истины путем использования научного метода. Если знание является личностным и основывается на индивидуальных суждениях, то именно аксиоматический подход является поводом для научного исследования. Социально сконструированная проблема в привязке к актуальному обществу может и должна стать поводом для теоретического анализа с целью ее практического решения.

К. Поппер, характеризуя логику и рост научного знания, исходил из посыла, что деятельность ученого заключается в выдвижении и проверке теорий [9]. Этот исследователь знаменит своими демократическими воззрениями, вкладом в критику нацизма. Его позиция применительно к принципу фальсификационизма (теория научна, если существует методологическая возможность ее опровержения путем организации эксперимента) указывает на перспективу практической верификации научной проблемы. Если теория опровергнута практикой, то нужна новая теория. Применительно к социальной проблеме ветхого и аварийного жилья пока вообще недостаточно теоретических исследований. Возможно, это – и причина, и следствие недооценки социальных последствий, остроты проблемы.

Таким образом, классики методологии науки не дают однозначного ответа на вопрос о том, что является источником научного знания – необходимость познания, теория, или практика, необходимость решения острой социальной проблемы.

Представляется, что оба подхода должны быть совместимы в диссертационных исследованиях на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Как отмечает Л.А. Беляева, в обосновании диссертационного исследования выделяются понятийный и содержательный аспекты, а также различные основания – философские, теоретические, методологические, логические и эмпирические [1]. На наш взгляд, диссертационное исследование по социоло-

гии репрезентирует как актуальную научную картину мира, так и совокупность острых социальных проблем, фиксируемых в актуальном обществе и нуждающихся в теоретическом осмыслении.

Это стало основанием для анализа диссертационного дискурса в социологическом анализе социальных проблем жилья в современном российском обществе. Подготовленные диссертации – часть истории науки. Формирование тематики – следствие влияния различных факторов – политических, социально-экономических, глобальных, социокультурных и пр. Так, интерес к проблематике жилья можно связать с тремя социальными тенденциями – обретением частной собственности на недвижимость после приватизации, появлением свободного рынка жилья и увеличением запросов к качеству жилья. Все это привело к новым социальным практикам обращения с таким социальным ресурсом, как жилье.

Однако, как показывает наше исследование [4], в современном российском обществе остаются низкоресурсные группы, весьма далекие от практики свободного с экономической точки зрения обращения с жильем. Качество жилья по-прежнему остается важным демаркационным признаком россиян. Поэтому проблема ветхого и аварийного жилья может рассматриваться как опасность социального характера [3].

С другой стороны, диссертационные исследования по определенной тематике – это и санкционированный интерес, ведь тема диссертации утверждается, большое значение имеет институционализация проблематики. А это, в свою очередь, влияет на конструирование решения проблемы. Применительно к защищенным диссертациям важным является время и место подготовки и защиты диссертаций как маркер социального интереса.

Проведенный анализ диссертационных исследований, посвященных жилищной проблематике и относящихся к

периоду 1999-2012 гг., позволил сделать несколько выводов.

Более или менее четко выделяются 2 этапа в развитии исследований, отражающих как смену специфики научных предпочтений российских социологов, так и общее влияние тех социально-экономических процессов, которые наблюдались в России в изучаемый период времени. Если на рубеже 1990/2000-х гг. внимание исследователей по большей части было приковано к изучению последствий рыночных преобразований применительно к сфере социальных отношений и разработке в связи с этим возможных альтернатив развития жилищной сферы, то уже в 2000-е гг. по мере оформления нормативно-правовой базы на уровне федерального и регионального жилищного законодательства акценты переместились на уровень анализа эффективности проводимых мероприятий и их влияния на состояние социальной сферы.

Основные акценты в диссертационных исследованиях 2000-х гг. были сориентированы на 3 основных аспекта: 1) Изучение жилищной политики и ее влияния на изменения в качестве жизни населения; 2) Анализ возможных путей и факторов реформирования системы жилищно-коммунального хозяйства; 3) Рассмотрение возможных вариантов и направлений решения жилищной проблемы.

Как правило, диссертационные исследования, касающиеся жилищной проблематики, находятся в сферах таких научных направлений, как «Экономическая социология и демография» и «Социология управления», что неизбежно провоцирует преобладание применения институционального и структурно-функционального анализа.

Практические рекомендации, предлагаемые авторами диссертационных исследований, не выходят за рамки адресации тех или иных пожеланий федеральным или региональным органам власти и управления.

Фактически вне поля зрения исследователей оказываются вопросы, связанные с возможностями эффективного

взаимодействия гражданского общества и институтов власти и управления, с одной стороны, и бизнес-сообщества, с другой, на пути нахождения реальных путей решения жилищной проблемы для социально уязвимых слоев населения.

География защищенных диссертаций не коррелирует с социальной географией регионов, где проблема аварийного и ветхого жилья наиболее остра – Ингушетия, Тыва, Дагестан, Саха-Якутия, Магаданская область, Коми, Астраханская, Амурская, Сахалинская области, Ненецкий АО.

Указанные обстоятельства указывают на крайнюю степень актуальности рассмотрения институциональных возможностей и ограничений решения проблемы аварийного и ветхого жилья в современном российском обществе с использованием социологического анализа.

Список литературы:

1. **Беляева, Л.А.** Понятийный и содержательный аспекты обоснования диссертационного исследования [Текст] /Л.А. Беляева // Профессиональное образование. Столица, 2010. - № 9. - С. 32-34.
2. **Вебер, М.** Наука как призвание и профессия [Текст] / М.Вебер // Избранные произведения - М. : Прогресс, 1990. – С. 707 – 735.
3. **Гафнер, В.В.** Опасности социального характера и защита от них. [Текст] Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 050104.65 - Безопасность жизнедеятельности / В. В. Гафнер, С. В. Петров, Л. И. Забара. Москва, 2012.
4. **Ивачев, З.П.,** Социальная практика решения проблемы ветхого и аварийного жилья. [Текст] Монография / З.П. Ивачев, К.В. Кузьмин, Л.Е. Петрова – Екатеринбург, УГМУ, 2014. – 230 с.
5. **Коллингвуд, Р.Дж.** Идея истории. [Текст] Автобиография. / Р.Дж. Коллингвуд - М. : Наука 1980. – 486 с.

6. **Кун, Т.** Структура научных революций. [Текст] / Т. Кун - М. : Прогресс, 2003. – 300 с.
 7. **Лакатос, И.** Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. [Текст] / И. Лакатос - М. : Медиум, 1995.
 8. **Полани, М.** Личностное знание на пути к посткритической философии. [Текст] / М. Полани - М. : Прогресс, 1985. – 345 с.
 9. **Поппер, К.** Логика и рост научного знания. [Текст] / К. Поппер. - М. : Прогресс, 1983. – 605 с.
- Росстат.** Жилищные условия [Электронный ресурс] – URL:
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#

ГРНТИ 03.01.11

УДК 93/94

Макарова Анна Алексеевна

ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕАЛИЙ СССР В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Искажение, фальсификация, историческая наука, историческое воспитание, единый учебник

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблемам *искажения* и *фальсификации* достоверности информации в *исторической науке*, касающейся периода Советского Союза. Как следствие этой проблемы, в статье затрагивается тема реализации создания *единого учебника* по истории России, как результата *исторического* и национально-го *воспитания* молодежи.

THE PROBLEM OF FALSIFICATION OF THE REALITIES OF THE USSR IN MODERN HISTORICAL SCIENCE

KEY WORDS: Distortion, falsification, historical science, history education, common tutorial

ABSTRACT. This article is devoted to the problems of distortion and falsification of the credibility of information in historical scholarship relating to the period of the Soviet Union. As a result of this problem, the article discusses the implementation of creating a common textbook on the history of Russia, as a result of historical and national re-power youth.

В век информационных технологий, во время пропаганды «открытой» политики и доступности информационных ресурсов, наиболее остро встает вопрос об искажении достоверности информации. На сегодняшний день, в связи с событиями, которые происходят в мире и в нашей стране, мы нередко сталкиваемся с проблемой фальсификации информации, которую получаем с помощью средств массовой информации. Начиная с 1990-х годов, и до наших дней, информация стала средством такого воздействия на сознание людей, в результате которого огромная масса людей не может дать адекватной оценки происходящим событиям и событиям прошлого.

Особое влияние искаженная информационная политика оказывает на развитие исторической науки в рамках Всемирной и Отечественной истории.

Что же такое фальсификация или переписывание истории? Это сознательное искажение исторических событий [6, с. 31].

Сегодня отечественная историческая наука сталкивается с угрозой, выраженной проблемой фальсификации и неоднозначной трактовки исторических событий. Как правило,

жесткой критике и пересмотру подвергается период истории Советского Союза, с начала его создания и до последних дней его существования.

Говоря об искажении истории Советского Союза, необходимо обратить внимание и на тот факт, что историческая наука и литература советского периода подвергалась жесткой цензуре со стороны правительственных кругов, и многое не выставлялось на обозрение широкой публике. Но вначале 1990-х гг. многие российские историки выступили с заявлениями о том, что необходимо освобождать историческую науку от политической конъюнктуры, о том, что политический процесс и профессиональная историография – не сообщающиеся сосуды [2, с. 11]. Ряд историков заявили: необходимо восстановить историческую науку, избегая односторонних оценок и суждений [2].

В конечном итоге, благодаря политике Гласности, произошло расширение базы исторических источников, исследователи освободились от идеологического гнета, появилась возможность использования научного потенциала небольшевистской историографии, что открыло качественно новые возможности для переосмысления традиционных сюжетов [4, с. 5].

В результате, на сегодняшний день мы имеем огромное количество исторической литературы, освещающей советский период, с разносторонней оценкой происходящих процессов. В научных трудах, выпущенных в этот период, писалось не только об успехах и планах на будущее, теперь авторы писали и о неудачах в работе высшего руководства страны. Эти работы более свободны от идеологических штампов и стереотипов.

В качестве примеров работ данного периода, можно упомянуть наиболее яркие из них. Так работа Ф.М. Бурлацкого «Вожди и советники» – это и суждения, и мемуары человека, в течение многих лет участвовавшего в политической жизни страны. В своем произведении автор высказывает собственное мнение об осуществленных и не-

реализованных идеях и о различных политических действиях как человек, которому случилось видеть всю ситуацию «изнутри». М.С. Восленский в своей работе «Номенклатура» знакомит нас с деятельностью органов советской системы, давая адекватную оценку ее деятельности. Работа Д.А. Волкогонова «Семь вождей» знакомит нас с личными делами генсеков, находившихся во главе страны с 1964 по 1991 годы.

Помимо работ отечественных историков, широкое распространение стали получать работы, написанные зарубежными авторами, например работа Н. Верта «История Советского государства 1900 – 1991». Французский историк, специалист по русско-советским исследованиям в своей работе изложил детальное рассмотрение истории нашей страны XX века с 1900 по 1991 годы включительно.

В XXI веке мы нередко сталкиваемся еще с одной проблемой – участились случаи фальсификации исторических фактов со стороны бывших социалистических стран и на постсоветском пространстве. Как правило, жесткой критике и пересмотру подвергается период истории Советского Союза, с начала его создания и до последних дней его существования. Так, Польша, Литва и Латвия выдвигают по отношению к России обвинения в агрессии и геноциде, а Парламент Литвы принял поправки в уголовный кодекс, согласно которым за публичное отрицание советской и нацистской агрессии в отношении этой республики предусмотрено наказание в виде штрафа или даже двух лет тюремного заключения [1].

В связи с происходящими вокруг нас процессами на сегодняшний день можно говорить об отсутствии единого взгляда общества на историю государства. В результате происходящих процессов в исторической науке, начавшихся еще в 1990-е годы, возникает проблема исторического воспитания молодого поколения.

Образование и воспитание подрастающего поколения, формирование национальной идентичности, гражданской

культуры у детей и подростков являются первостепенными задачами образовательного процесса. Именно для этих целей в феврале 2013 года вышло обращение президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости создания единых учебников по российской истории для средней школы [3].

На такое заявление президента ученые отреагировали неоднозначно. Так доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Ю.Н. Жуков выступил с заявлением за создание единого учебника: «Я считаю, нужно создать единый государственный учебник истории. Пропустить его через ведущих ученых. Опубликовать их мнение, чтобы все знали, что они думают по поводу текста. И только когда все будет согласовано, этот учебник выпустить как стандартный» [5]. С противоположной точкой зрения выступил доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории МПГУ, профессор А.А. Данилов: «Вариативность учебной литературы по истории была одним из важнейших достижений 90-х годов, и отказ от нее стал бы большим шагом назад не только в деле исторического образования, но и в целом в общественной жизни страны. Впрочем, можно понять тех, кто ратует за возврат к единому и единственному учебнику, как бывало в советские времена – ведь так, в самом деле, проще жить» [5].

В связи с этим, перед деятелями отечественной исторической науки современности встала очередная важнейшая задача – не дать исказить историю нашего государства, при этом, дать оценку исторического процесса, пытаюсь найти общее в различных взглядах на ход исторических событий, что в сложившихся условиях, будет достаточно проблематично.

Список литературы:

1. **Баканов, Р.П.** Актуальные проблемы современной науки и журналистика. [Текст] / Р.П. Баканов. [Электронный

- ресурс] –URL: <http://uchebnikfree.com/jurnalistika-uchebniki/aktualnyie-problemyi-sovremennoy-nauki.html> (дата обращения 19.09.2015)
2. **Бордюков, Г.А.** История и конъюнктура: субъективные заметки об истории Советского общества [Текст] / Г.А. Бордюков, В.А. Козлов М., 1992. – 352 с.
3. **Лушин, А.Н.** Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России). [Текст] / А.Н. Лушин. [Электронный ресурс] –URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-teoreticheskiiy-podhod-k-probleme-na-primere-rossii> (дата обращения 19.09.2015)
4. **Одиссей.** [Текст] Человек в истории 1989: Исследования по социальной истории и истории культуры / под ред. Гуревича А.Я. - М., 1989. – 198 с.
5. **Фальсификация истории как идеологическое оружие против России** [Текст] [Электронный ресурс] –URL: <http://www.nirsi.ru/96> (дата обращения 19.09.2015)
6. **Фальсификация исторических источников и конструирования этнократических мифов** [Текст] / под ред. Петрова А.Е. - М., 2011. – 382 с.

ГРНТИ 02.41.41
УДК 130.2.004.2

Меняева Марина Петровна
Невелева Вера Сергеевна

КОНФЛИКТ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфликт, несогласие, культура несогласия, культура насилия, культура войны.

АННОТАЦИЯ. В статье осмысливаются отношения несогласия как основания конфликта, а также как составляющие суть культуры несогласия. Понятие «культура несогласия» соотносится с понятиями «культура насилия» и «культура войны».

**CONFLICT: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
JUDGEMENT**

KEY WORDS: conflict, disagreement, disagreement culture, culture of violence, culture of war.

ABSTRACT. The article conceptualized relations disagreement as the basis of the conflict, as well as constituting the essence of a culture of disagreement. The concept of "culture of disagreement" is related to the concepts of "culture of violence" and "culture war."

В современном мире по разным причинам возникает множество конфликтов: межнациональных, религиозных, политических, военных, семейных и т. д. Их причины, многообразие их проявлений, способы преодоления фиксируются и исследуются на уровне частно-научного знания (конфликтологии, психологии, социологии, права и др.), который, однако, не позволяет выявить предельное основание любой конфликтности, без чего вряд ли возможно не только понимание сути любых конфликтов, но и успех в достижении бесконфликтного существования. Выход к предельным основаниям требует философского осмысления, рефлексии философского уровня, выхода за рамки эмпирического многообразия, что, безусловно, не отменяет значимости выявления индивидуальных особенностей каждой отдельной конфликтной ситуации, поскольку именно в деталях, составляющих содержание конфликта, часто и возможно найти то, что позволит его преодолеть. Тем не менее, детали, определяя индивидуальный облик конфликта, не меняют его существа. Через конфликт на поверхность в крайне обостренной форме выходят противоречия сторон, каждая из которых уже не видит иного способа их разрешения, кроме открытого столк-

новения, противодействия. Безусловно, возможно говорить и о позитивном значении конфликта, когда такое открытое противодействие необходимо для обеспечения жизнеспособности той стороны, с которой связывается гуманистическая перспектива, как для отдельного человека, так и целого народа, сообщества, государства. В любом случае всякий конфликт – внешнее выражение того предельно общего способа существования и отношения между противоположностями, которые и должны стать предметом философского осмысления.

В качестве основания конфликта выступает несогласие, которое может обнаруживаться как спор, оппозиция, интолерантность и может проявляться в острой, резкой, обостренной форме – конфликте, крайней формой которого является военный конфликт. Слово «несогласие» содержит в себе приставку «не», которая тождественна слову «нет», означаящему отказ как воздержание, ограничение, что может иметь позитивное значение. «Нет» также есть отрицание согласия (словом и делом) и противостояние ему.

Человек несогласный характеризуется по-разному. С одной стороны, – как вздорный, сварливый, идущий поперек, неуступчивый, что может быть особенностью его психологического склада. С другой – как человек, который имеет свою собственную позицию, точку зрения и готов отстаивать их, спорить (известно, бытующее мнение, что в споре рождается истина). Подобное несогласие может породить столкновение, борьбу противостояние. Человек несогласный с господствующей идеологией, властью, режимом и т. д. вступает в оппозицию, поэтому может быть подвергнут наказаниям, преследованиям, репрессиям, гонениям. В тоталитарной системе человек несогласный воспринимается как диссидент, противник, враг. Однако человек инакомыслящий необходим для существования либерального общества. Человек инакомыслящий, иноверец иногда вызывает настороженное отношение к себе со сто-

роны окружающих, несмотря на то, что его несогласие не всегда представляет угрозу для них.

Несогласие, которое выражается в конфликте, принимающем форму войны, ведет к разрушениям и гибели, что особенно опасно на глобальном уровне, в эпоху наличия ядерного оружия, в связи с чем человечество оказывается перед выбором: быть или не быть всему человечеству?

Отношения несогласия характеризуют всю историю человечества. «В древности люди вынуждены были бороться, прежде всего, с природными стихиями и противостоять внешним опасностям, однако в ходе дальнейшего развития истории источником борьбы стало социальное неравенство, которое способствовало духовному разложению и общества, и человека, приводило к неустойчивости его существования (самого человека).

Социальное неравенство означало разделение людей на группы, различающиеся правами и обязанностями, взглядами и убеждениями, интересами и целями, верованиями и знаниями и т. д. Например, в Древней Индии социальное неравенство закреплял варно-кастовый строй. Подобное неравенство способствовало отчуждению и разобщению людей, а также столкновению разных социальных групп, которое приводило их к гибели» [1, с.27].

Социальное неравенство и социальная несправедливость явились главными причинами кризиса полисного устройства, в котором и проявились отношения несогласия.

В Средневековье «нетерпимость христианской церкви к иноверцам повлекла за собой крестовые походы и религиозные войны. Отношения несогласия проявились не только в борьбе христиан против язычников. Они возникли также между верующими во Христа, что привело к расколу христианской церкви на Западную и Восточную.

Социальное неравенство, разделение мира на божественный, духовный и земной, материальный, с акцентом на первый, способствовало разрушению целостности челове-

ка и подготовило почву для развития отношений несогласия в эпоху Возрождения. Последние в ней проявились в критике религиозных догм, а также в протесте против католической церкви и ее реформирования» [1, с. 28] .

«В Новое время борьба зарождающейся буржуазии и народных масс против феодализма приняла форму революций, в которых и проявились отношения несогласия. Буржуазными революциями были охвачены Нидерланды, Англия и Франция» [1, с. 29] .

Социальные противоречия в форме социальных конфликтов, которые с древности существовали локально, в XX в. вышли на глобальный уровень, свидетельством чего стали две мировые войны.

«Изобретение в США атомного оружия и его испытание по решению американского президента Г. Трумэна в августе 1945 года при бомбардировке двух японских городов – Хиросимы и Нагасаки, явилось демонстрацией всему миру превосходства Америки в военной силе. Последовавшая за этим милитаризация проводилась с целью активизации борьбы за расширение зон своего влияния двух моделей общества – капиталистической и социалистической. Различия в их политических идеологиях явились основой для осознанного противостояния друг другу, которое в выступлении английского премьер-министра У. Черчилля получило название «холодной войны» [1, с. 31], в которой проявились неуступчивость друг другу, бескомпромиссность в решении политических вопросов, сознательная эскалация напряжения в мире с целью установления в нем господства, «а также приоритет собственных интересов и игнорирование интересов других.

Холодная война стала соперничеством двух крупнейших мировых держав (США и СССР) за мировое лидерство, которое стоило миру огромного напряжения сил и гигантских материальных и людских потерь. Период холодной войны явился периодом поляризации мира, в который сформировались два противостоящих в Европе военных

блока – западный (НАТО, 1949 г.) и восточный (ОВД, 1955 г.).

Кульминацией холодной войны стал Карибский кризис. В нем, как наиболее остром конфликте опасность достигла предела, поскольку под угрозой оказалось выживание всего человеческого рода» [1, с. 32].

Отношения несогласия проявляют основные противоречия, которые возникают и в условиях процесса глобализации на современном этапе развития, в связи с распространением массовой культуры, созданием компьютерной сети интернет и формированием виртуальной реальности. «Отношения несогласия развиваются на всех уровнях человеческого бытия. На глобальном уровне они проявляются в кризисе «чувственной» культуры (П. А. Сорокин), в конфликте между христианской и исламской (мусульманской) цивилизациями, на социальном уровне – в утрате солидарности, разобщении людей и стран, отчуждении их друг от друга, на индивидуальном – в одиночестве человека и кризисе личностной идентичности» [1, с. 33].

Многообразие оформившихся в культуре способов проявления отношений несогласия на индивидуальном, надындивидуальном и глобальном уровнях, в которых оно составляет суть, представляет собой культура несогласия. «В человеческом мире отношения несогласия, выражающие взаимное неприятие сторон, становятся источником не просто существования порознь, а противопоставления, борьбы, конфликтов (вплоть до военных). Культура несогласия связана с воспроизводством устойчивых типов отношений, основанных на взаимной неуступчивости, бескомпромиссности, интолерантности. Они не позволяют вести конструктивный диалог, тем самым затрудняют или исключают возможность мирного сосуществования на межличностном, общественном и глобальном уровнях» [1, с. 17] .

Культура несогласия как осознанно, целенаправленно закрепляемое несогласие акцентирует различия, которые

при отсутствии единства угрожают распадом целостности, тем самым влечет за собой нестабильность, неустойчивость, гибель. Преобладание различий означает отказ от общего, доминирование неравенства, которое дает повод для давления, насилия, господства одного над другим, его уничтожение. «Институциональными формами культуры несогласия выступают различные объединения, организации, учреждения, разрабатывающие инструменты, средства, способы ведения войны, нарушения и разрушения оптимального порядка.

Культура несогласия представляет собой способ дезорганизации человеческого со-бытия путем насильственного разъединения и разделения людей, народов, стран, их отчуждения друг от друга и обособления, в результате чего происходит утрата общего, разрушение единства и целостности, их уничтожение и гибель» [1, с. 17-18].

«Культура несогласия – совокупность систематически воспроизводящихся типов отношений несогласия, которые разделяют и противопоставляют различные взаимодействующие стороны, тем самым разрушают единство на всех уровнях человеческого бытия (от индивидуального до глобального). Взаимное неприятие сторон выражается в недоверии, ненависти, вражде по отношению друг к другу, в восприятии другого как чужого и чуждого. Подобные отношения предполагают недоброжелательность, неуважение, соперничество и конкуренцию. Противоречия составляют суть различных отношений несогласия, выражающихся от нетерпимости до войн. Акцент на различия не способствует сближению, а взаимное неприятие исключает взаимные уступки, порождает борьбу, конфликты, конфронтации и войны между людьми, нациями, странами и цивилизациями, которые ведут к гибели. Поэтому культура несогласия деструктивна по своему значению» [1, с. 24].

Существуют близкие понятия к культуре несогласия – культура войны и культура насилия.

Культура насилия рассматривается как набор допустимых норм совершения насильственных действий в отношении человека или общества. Эти действия, разрешающие или запрещающие какие-либо формы, устанавливающие процедуру исполнения насилия и определяющие отношения между самими субъектами насилия, субъектами и объектами закрепляются в культурных текстах. Культура насилия базируется на недоверии, нетерпимости и неспособности конструктивно взаимодействовать, закрепляет насилие.

«Культура насилия сопряжена с культурой войны, в которой война или угроза войной считается приемлемым инструментом разрешения споров. Культура войны характеризуется нетерпимостью к инакомыслию и подавлением всякого различия, учетом интересов лишь одной стороны (собственных) и в качестве способа для удовлетворения этих интересов предполагает насилие».

Таким образом, любой конфликт (вплоть до военного) основан на отношениях несогласия, суть которых составляют противоречия, проявляющиеся на всех уровнях человеческого бытия (от индивидуального до глобального). Противоречия во внешнем мире порождают отношения несогласия, которые в ходе развития человеческой истории и культуры выражали социальные революции, политические перевороты, локальные и мировые войны. Многообразные способы проявления отношений несогласия (от нетерпимости до войн) на межличностном, общественном и глобальном уровнях, которые оформлялись, закреплялись и систематически воспроизводились, культивировались, рассматриваются нами как «культура несогласия». Отношения несогласия в ней предполагают неуступчивость, отказ от общего и преобладание различий, что не позволяет вести конструктивный диалог, поэтому культура несогласия деструктивна по своему значению. В содержании понятия культура несогласия предполагает интолерантность, насилие, что сопряжено с разрушением, уничтожением и

гибелью, тем самым культура несогласия близка по смыслу культуре насилия и культуре войны.

Список литературы:

1. **Меняева, М. П.** Культура согласия: сущность, становление, воспроизводство [Текст]: автореф. дис. д-ра филос. наук: / М. П. Меняева - Челябинск, 2015. – 41 с.
2. **Меняева, М. П.** Культура согласия в контексте существования современного человека [Текст] / М. П. Меняева, В. С. Невелева. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Философия. Социология. Культурология. – 2012. – № 18 (272). – С. 7-11.
3. **Меняева, М. П.** Культура согласия как стратегический фактор глобальной безопасности в XXI веке [Текст] / М.П. Меняева, В. С. Невелева // Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. тр. / отв. Ред. А. В. Костина. – М.: Изд-во Моск. гуманитарного унта, 2015. – С. 44-49.
4. **Меняева, М. П.** Проблема согласия в философии и культуре [Текст] / М.П. Меняева // Монография / ЧГАКИ. – Челябинск, 2013. – 15 п.л.

ГРНТИ 02.41.01

УДК 101

Самкова Валентина Александровна

ИНДЕКС СЧАСТЬЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: техногенная цивилизация, антропологическая парадигма, индекс счастья.

АННОТАЦИЯ. Сегодня гуманитарное и социально-философское знание определило актуальность индекса счастья. В условиях современных вызовов и угроз техногенной цивилизации актуальной становится антропологическая проблема человеческого счастья. В статье анализируются социально-экономические и социально-

философские маркеры социального оптимизма и гарантий будущего человека и общества.

Samkova Valentina Alexandrovna

THE INDEX OF HAPPINESS: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS

KEY WORDS: the technogenic civilization, anthropological paradigm happiness index.

ABSTRACT. Today the humanitarian and socio-philosophical knowledge identified the relevance of the happiness index. In the context of modern challenges and threats to the technogenic civilization relevant become anthropological problem of human happiness. This article analyzes the socio-economic and socio-philosophical markers of social optimism and guarantees the future of man and society.

Сегодня построение модели универсального сообщества в условиях глобализирующегося мирового пространства, основанного на началах свободы личности, демократии и гуманизма, на постулатах научного и культурного прогресса, на идее вселенского содружества национальных организмов, на распространении модели постиндустриальной экономики – основных условий и требований глобализации, оказались под большим вопросом. В академическом сообществе начинает ощущаться чувство исторической тревоги и пессимизма. Попытки прогнозирования и моделирования матриц будущего общества сталкиваются с проблемой быстрой смены социально-философских парадигм Парадигмы «Устойчивого развития», «Антропогенного кризиса», «Техно-гуманитарного баланса», «Индекса развития человеческого потенциала» являются актуальными в тезаурусе социальной философии, политологии и экономике.

Здесь необходимо вспомнить, что Парадигма Устойчивого развития появилась в результате объединения трех основных научных концепций: экономической, социальной и экологической. «Устойчивое развитие» было определено В.И. Даниловым-Данильян [7, с.1052-1068] как развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остаётся в пределах хозяйственной емкости биосферы, при этом не разрушается природная сфера как основная среда жизнедеятельности и функционирования общества и человека. В работе «Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации» А.Д. Урсула мы находим утверждение, что при устойчивом развитии удовлетворение потребностей человека должно осуществляться без ущерба для будущих поколений.

Концепция Устойчивого развития рассматривается отечественными и зарубежными специалистами как гарантия долговременного развития человечества, сопровождаемого преумножением материального капитала и улучшением экологических условий среды. Антропогенные и техногенные кризисы, сопровождающие развитие, обусловлены, с одной стороны, функционированием и жизнедеятельностью общества, с другой стороны - нарастающим техногенным потенциалом производства. В свою очередь, в них может преобладать экологическая или геополитическая доминанта, как правило, такие кризисы приобретают комплексный характер, подчеркивает А.П. Назаретян.

Сегодня гуманитарное и социально-философское знание определило актуальность техно-гуманитарного баланса, где сохранение человека и общества исторически обеспечивается адекватностью культурных и духовных регуляторов, которые не только раскрывают технологический потенциал, но дают возможность обществу контролировать его применение. Мы понимаем, что сама потребность в новых типах политики и экономики сформирована не столь-

ко дефицитом материальных (и природных) ресурсов, сколько избытком ресурсов информации и знаний.

В условиях современных вызовов и угроз техногенной цивилизации, антропологическая парадигма является актуальной, выступает неким источником философского оптимизма и гарантом самого будущего человека и общества. Предмет исследования феномена "человек" в формате философской антропологии как системной науки о человеке может быть рассмотрен нами через философские, эволюционные, культурные, социальные и психологические аспекты. В социально-философском контексте работы мы решали задачи постижения феномена «человек» - как неделимой онтологической целостности с определенным статусом, жизненным и духовным опытом. В своей работе мы рассмотрели множество социально-экономических и социально-философских признаков-маркеров, определяющих главный основной параметр Индекс счастья. Дополняющими и раскрывающими актуальность нашей темы могут быть параметры - маркеры Индекс развития человеческого потенциала (The Human Development Index), Индекс качества жизни, Индекс групповой сплоченности и Индекс счастья.

Гипотеза нашей работы: В условиях глобального кризиса сама духовная природа человека сохраняет в нем не только экзистенциальный страх, но и оптимизм, люди хотят быть счастливыми, сохраняя не только свою социальную и культурную идентичность, но и потребность в счастье.

В современной социально-философской практике термин «уровень жизни» постепенно вытесняется из употребления (особенно при международных сопоставлениях) термином «качество жизни». Сегодняшнее понимание качества жизни поглощает понятие уровня жизни в его исходном экономическом толковании, превращая его в один из факторов качества жизни, получивший название «благополучие» населения.

Соотношение понятий уровня и качества жизни следует рассматривать диалектически. С одной стороны, уровень жизни - это составная часть более емкого понятия качества жизни. С другой стороны, широко трактуемое содержание этого понятия позволяет использовать его как синоним качества жизни. Качество жизни обычно воспринимается как понятие более гуманитарное, труднее просчитываемое и в большей степени, чем уровень жизни, отображаемое в человеческих ощущениях, непосредственно порождаемых условиями существования. Высокое качество жизни воспринимается людьми как удовлетворенность жизнью, как счастливо прожитая жизнь.

Определение уровня жизни в социальной аналитике представлено как: «уровень жизни - степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения, интегральная характеристика, включающая многообразные показатели: фонд потребления на душу населения, реальные доходы, размеры натурального потребления важнейших продуктов, обеспеченность жильем, коммунальными и социальными услугами, транспортом и связью, развитие образования, здравоохранения, социального обеспечения. Международный стандарт уровня жизни включает следующие индикаторы: занятость и условия труда, действующие социальные гарантии прав личности, общественные условия ее безопасности, показатели здоровья, демографии, экологии и продовольственного обеспечения, домашнего имущества, накоплений, доступности социальных услуг, а также расслоения в обществе, распространения негативных социально-экономических явлений - инфляции, безработицы, преступности, дискриминации по любым признакам» [1, с. 695].

В условиях современной техногенной цивилизации, в условиях тотального потребления следует, отметить, что приведенное определение уровня жизни по своему содержанию значительно выходит за рамки этого понятия и достаточно близко подводит к более широкому пониманию

качества жизни не только как «благополучие», но и «удовлетворенность». Используя различные лингвистические дефиниции, мы за «благополучием» сохраняем показатели уровня экономического развития, которые непосредственно связаны с экономикой - реальные доходы, расходы и потребление населения. Такие области социальной сферы, как здравоохранение и образование, большинство исследователей относят к качеству жизни.

Здесь будет уместным использовать в тезаурусе нашей работы дефиницию «индекса». Рассматривая индекс - как социально-экономическую конструкцию, мы берем на себя смелость актуализировать индекс как социально-философский маркер. Индекс – как система, образованная путем комбинации индикаторов. Зачастую, в гуманитарных науках процесс конструирования индекса является единственным средством формирования нового понятия на эмпирическом уровне знания или замены неточного понятия теоретического уровня, раскрывая сущность проблемы более точно, являясь убедительным критерием. Нередко построение индекса можно рассматривать и как способ получения значения, не поддающегося непосредственному измерению латентного признака с помощью определенных преобразований значений наблюдаемых признаков или индикаторов. Индекс в качестве конструкции из индикаторов считается эмпирическим эквивалентом соответствующего ему понятия. Построение индекса можно рассматривать как частный случай шкалирования. Процесс конструирования индекса включает четыре стадии.

1. Перевод понятия в индикаторы, осуществляемый посредством как операциональных, так и неоперациональных определений.
2. Перевод индикаторов в переменные (выбираются тип шкалы и, если возможно, единицы измерения, начало отсчета и т. д.).
3. Перевод переменных в индекс, при этом выбирается техника конструирования индекса; значения индекса могут

находиться как на основе определенного математического анализа наблюдаемых величин, так и путем введения формулы, выражающей связь латентной переменной с индикаторами (таковы, напр., многие социометрические индексы).

4. Оценка индекса позволяет проверить его надежность и обоснованность через индикатор (число взаимных выборов) и средство его фиксации (простой подсчет). Таким образом, индекс - как идеальный объект оперирования, заменяющий реальные объекты оперирования (индикаторы) выступает как маркер действительности, наделенный экспериментальными функциями приборов-измерителей и представляющий изучаемый объект в исследовательской практике.

Рассмотрим пример, *Индекс групповой сплоченности*, представляющий собой частное от деления числа взаимных позитивных выборов, сделанных в группе, на общее число всех возможных выборов позволяет использовать понятие групповой сплоченности для определения не только сплоченности, но и консолидации группы. Более сложный пример *Индекс развития человеческого потенциала* (The Human Development Index), который был разработан пакистанским экономистом Махбубомуль-Хаком и с 1990 г. Индекс используется ООН в ежегодном отчете по развитию человеческого потенциала. Индекс измеряет достижения страны с точки зрения продолжительности жизни, получения образования и фактического дохода по трем основным направлениям:

1. Здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении;
2. Доступность образования, измеряемая уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием;
3. Достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового внутреннего продукта на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности.

Эти три измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее арифметическое которых представляет собой совокупный показатель HDI в диапазоне от 0 до 1. Затем страны ранжируются на основе этого показателя (приводится таблица по странам), и первое место в рейтинге соответствует наивысшему значению HDI. При определении рейтинга учитывается множество факторов, таких, как гражданские свободы, достоинство человека, его возможность участия в общественной жизни, социальная защищенность, показатели здоровья, уровня культурного развития населения, состояния преступности, охраны окружающей среды и многие другие. Все страны классифицируются четырьмя способами: по уровню развития человеческого потенциала, по доходу, по основным общемировым совокупным показателям и по регионам. Индекс развития человеческого потенциала - суммарный показатель уровня развития человека в стране и «так называемого качества жизни, или уровня жизни».

Интересно, что сегодня по показателю качества жизни возглавляет список стран Норвегия, которая занимала первое место с 2001 по 2006 г., затем уступила его Исландии, но в 2009 г., после двухлетнего перерыва, вновь вернулась на первое место. Беларусь и Россия также вошли в группу стран с высоким уровнем человеческого развития. Они заняли 68-е и 71-е места соответственно. Индекс развития человеческого потенциала России равен 0,817 (индекс больше 0,8 принято считать «высоким развитием», индекс меньше 0,5 - «низким развитием»). Средняя ожидаемая продолжительность жизни в России составляет 66,2 года, ВВП на душу населения - 14690 долларов в год. Россия занимает место после Албании перед Македонией и находится почти в самом конце списка высокоразвитых, по оценке ООН, государств; после нее в данном списке стоят только 12 стран. Следует отметить, что Россия, тем не менее, опережает в рейтинге своих соседей по списку. Среди крупнейших стран с быстрорастущей экономикой Брази-

лия занимает в рейтинге 75-е место, Китай -92-е, а Индия - 134-е [2, с. 89].

В то же время *Индекс качества жизни*, разработанный компанией EconomistIntelligenceUnit, основывается на методологии, которая связывает результаты исследований по субъективной оценке жизни в странах с объективными детерминантами качества жизни в этих странах. Индекс был подсчитан в 2005 г. Он включает в себя данные по следующим девяти индикаторам, использованным для характеристики 111 стран:

1. Здоровье: ожидаемая продолжительность жизни (в годах).
2. Семейная жизнь: уровень разводов (на 1000 населения), ставится оценка от 1 (мало разводов) до 5 (много разводов).
3. Общественная жизнь: переменная принимает значение 1, если в стране высокий уровень посещаемости церкви или членства в профсоюзах.
4. Материальное благополучие: ВВП на душу населения, паритет покупательной способности.
5. Политическая стабильность и безопасность: рейтинги политической стабильности и безопасности.
6. Климат и география: географическая широта для различения холодных и жарких климатов.
7. Гарантия работы: уровень безработицы (в процентах).
8. Политическая свобода: средний индекс политической и гражданской свободы, шкала от 1 (полностью свободная страна) до 7 (несвободная).
9. Гендерное равенство: измеряется путем деления средней заработной платы мужчин на заработную плату женщин.

Первые три места в списке заняли: Ирландия, Швейцария, Норвегия; последние (109-е -111-е)- Танзания, Гаити, Зимбабве; Белоруссия - на 100-м месте, Россия - на 105-м.

Заслуживает внимания одно из последних определений качества жизни, представленное в работе С.А. Айвазяна, который говорит, что «Исследования дают основание по-

лагать, что экономическая категория "качество жизни населения" может быть определена как "сформировавшаяся в массовом сознании, обобщенная оценка совокупности характеристик условий жизни населения"» [1, с 87]. Данные характеристики рассматриваются на уровне «интегральных свойств качества жизни». Качество жизни населения интегрируют такие свойства и характеристики, как способность к воспроизводству (рождаемость, смертность, заболеваемость, инвалидность, ожидаемая продолжительность жизни и т. п.). Здесь важно выделить способность индивидов образовывать и сохранять семью (брачность, разводимость), а также доступность образования и уровень квалификации (доля населения, охваченного обучением, в соответствующих возрастных группах, достигнутый уровень образования и т. п.).

Благосостояние общества и отдельного индивида определяется материальными аспектами благосостояния и характеризуются показателями доходов, текущего потребления и сбережений населения (величина доходов в реальном выражении, их распределение по направлениям использования и различным социально-экономическим группам населения, структура потребительских расходов населения, наличие в домашних хозяйствах потребительских товаров длительного пользования, накопление имущества и ценностей и др.), а также такие макроэкономические показатели, как ВВП на душу населения, фактическое потребление домашних хозяйств, индекс потребительских цен, уровни безработицы и бедности.

Условия жизни населения включает в себя характеристики жилищных условий, обеспеченность населения мощностями здравоохранения, образования, культуры, использования свободного времени, социальной и географической мобильности и т. п. В нашем понимании, условия жизни населения вместе с благосостоянием (уровнем жизни) и составляют главное содержание категории качества жизни. Информированность населения, характеризующая

доступ к средствам телекоммуникации и информационных инфраструктур (операторы мобильной радиосвязи, информационные ресурсы, Интернет-технологии и т. д.).

В то же время определяют «качество жизни» и социальная безопасность (или качество социальной сферы), которая отражает условия труда, социальное обеспечение и социальную защиту, физическую и имущественную безопасность. Качество окружающей среды (или качество экологической ниши), аккумулирующее данные о загрязнении воздушного пространства, воды, о качестве почвы, уровне биоразнообразия территории и т. п. Природно-климатические условия, характеризующиеся климатическими условиями, частотой и спецификой форс-мажорных обстоятельств (наводнений, землетрясений, ураганов и других стихийных бедствий) [1, с. 45]. В конечном счете, качество жизни можно свести к нескольким интегральным свойствам, которые составляют среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения. Эти интегральные свойства могут обозначаться соответствующими индикаторами, которые часто имеют форму индексов.

Некоторые из индикаторов и индексов служат не только интеграторами нескольких показателей или признаков, но могут также обладать свойством эмерджентности [2, с.88], то есть *способностью в совокупности приобрести некоторый новый смысл*, отличающийся от значений каждого из отдельно взятых признаков или неполного их сочетания. Примером специализированного набора индикаторов качества жизни может служить совокупность из шести основополагающих индикаторов, предложенных Всемирной организацией здравоохранения, включающая «физические, психологические факторы, уровень независимости, характер общественной жизни, духовность людей, состояние окружающей среды» [2, с. 88].

Высокое качество жизни воспринимается людьми как удовлетворенность жизнью, как счастливая жизнь. Сама концепция социального счастья уходит корнями в духов-

ную интеллектуальную практику античности и до сих пор является очень привлекательным мировоззренческим конструктом. Каждое новое поколение решает дилемму выбора между аскетизмом и гедонизмом. Сегодня счастье по-разному понимается людьми, в том числе людьми разных половозрастных категорий, разных социальных слоев, наций и вероисповеданий. Под «социальным счастьем» в нашем контексте следует, в первую очередь, понимать совокупность социальных и других условий и возможностей свободной реализации человеком в процессе жизнедеятельности установок природы, принимаемых социальных норм поведения и его личностных качеств.

Сам Всемирный индекс счастья (World Happiness Index) был введен в социально-экономическую практику в июле 2011 года на Генеральной Ассамблее ООН в качестве инструмента по выработке решений в области устойчивого развития (SDSN) стран мира. Предполагалось что правительства стран при выработке внешней и внутренней политики будут должны ориентироваться не на традиционные экономические показатели, а на уровень благополучия населения.

ВИС основывается на общих утилитарных принципах: большинство людей хотят прожить долгую и полноценную жизнь, а страны стремятся сделать все возможное для достижения максимального благополучия своих граждан, разумно используя имеющиеся ресурсы, не нанося ущерб окружающей среде. Для расчета индекса используются *три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью людьми, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след»*. На сегодняшний день первая и единственная страна, в которой главным официальным индикатором развития является не валовый продукт, а индекс счастья является королевство Бутан. Первый всемирный индекс счастья был опубликован в 2012, второй в 2013, и третий - 23 апреля 2015 года.

Вместе с тем необходимо отметить, что сам термин или слово "счастье" в данном контексте достаточно условно, и правильнее было бы перевести его как "благополучие". Индекс счастья рассчитывается на базе большого числа комплексных социально-экономических, экологических, правовых исследований включающих, такие показатели как: уровень ВВП на душу населения, гражданских свободы и социальной поддержка населения, продолжительность здоровой жизни, уровень коррупции и др. И в то же время мы обнаруживаем полное отсутствие социально-философских, психологических и антропологических аргументаций. Международный индекс счастья основывается на биологических принципах, учитывая желание большинства людей прожить долгую, полноценную жизнь, и возможность стран обеспечить максимальное благополучие своих граждан, разумно использовать имеющиеся ресурсы, не нанося ущерб окружающей среде, сохраняя культурное наследие, как условие сохранения и преобразования среды обитания. Здесь мы видим некое противоречие, связанное с двумя основными дефинициями культуры – материально-технологической и гуманитарно-регулятивной. И. Кант [3] различал культуру простых умений и культуру дисциплины, при этом он отмечал, что первая способна проложить дорогу злу, если вторая не составит ей надежного противовеса. Эти два параметра сегодня в методологии называют инструментальными. Парадигма Техно-гуманитарного баланса позволяет нам актуализировать роль духовной культуры, общественного сознания и воли и определяет зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной, правовой и психологической регуляции и самой моделью устойчивого развития. На наш взгляд, главная цель современного человека не только получать удовольствие от разумной и деятельной жизни, реальных достижений, благодаря собственным усилиям и серьезной работе над собой, но ему свойственно думать и переживать о будущем.

В социально-философской практике есть маркер нравственности, к которому современный человек прибегает довольно редко. Но именно он, на наш взгляд, определяет и формат свободы, и ответственности. Этот маркер - «со-весть», совесть как высшая инстанция нравственного самоконтроля, возникшая на определенной стадии развития культуры и личности, одновременно с рефлексией второго ранга, критическим сознанием и индивидуальной ответственностью. Совесть как нравственная сущность сформировались в эпоху становления мировых религий, в том числе и христианства. Акоп Назаретян утверждает, что по мере того, как ослабевала власть сознания мифологического и вера в потусторонний источник наказания (богобоязнь), совесть перестает служить надежным регулятором поведения, культура духовная вырабатывает интимное средство моральной регуляции [5]. В то же время со-весть можно рассматривать как совместную весть, которая как нравственная необходимость формируется в коллективном сознании и определяет степень ответственности каждого перед всеми за свое будущее. Сегодня духовный и интеллектуальный потенциал характеризует не только социальную и культурную идентичность индивида, а также является маркером цивилизованности стран и народов, отдельного человека и общества в целом. Культура является своеобразной попыткой вывести человека за рамки одномерности и прагматизма, духовного кризиса и морального упадка. Философия, в свою очередь, как способность вопрошать и анализировать, должна заниматься не только поиском истины, но определением сущности наличествующего бытия. Сама духовная природа человека сохраняет в человеке экзистенциальный страх, и одновременно - его природный оптимизм, оставляет в нем силу веры и надежды на счастье.

Список литературы:

1. **Айвазян, С. А.** Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях [Текст] / С.А. Айвазян — Москва, 2000.
2. **Жеребин, В.М.** Индикаторы качества жизни населения [Текст] / В.М. Жеребин // Научно-информационный журнал «Вопросы статистики», 2012. - №3.
3. **Кант, И.** Критика практического разума [Текст] /И. Кант // Сочинения в 6 томах. Т.1. Часть 1. - М.: Мысль, 1965.
4. **Кант, И.** О педагогике [Текст] / И. Кант // Трактаты и письма. - М.: Наука, 1980.
5. **Назаретян, А.П.** Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика — психология — прогнозирование) [Текст] / А.П. Назаретян - Москва, 2004. — С. 356.
6. **Назаретян, А. П.** Нелинейное будущее [Текст] / А.П. Назаретян - М.: МБА, 2013. – 380 с.
7. **Энциклопедия. Глобалистика** [Текст] / Гл.ред. И.И. Мазур, А.Н.Чумаков; Центр развития научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.- 1328 с.

ГРНТИ 02.41.11

УДК 304.4

Фадейкин Филипп Николаевич

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВАПОТРЕБЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество потребления, потребительная стоимость, потребитель, эксплуатация потребителей.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется структура современного общества — общества потребления. Рассматриваются три класса: производителей, потребителей и тех, кто потребляет товары, но не становится консьюмеристом. Через понятие потребительной стоимости товара анализи-

руются механизмы эксплуатации потребителей. Делается вывод о том, что масштабы этой эксплуатации становятся угрожающими и их необходимо уменьшить с помощью государственного вмешательства в экономику отдельно взятых стран, прежде всего в России.

FadeykinFilipp Nikolaevich

STRUCTURE OF CONSUMER SOCIETY

KEY WORDS: consumer society, use value, users, operation of consumers.

ABSTRACT. This article analyzes the structure of modern society — a society of consumption. Examines three classes: producers, consumers and those who has not enough money for consume of goods. Through the notion of utility value of goods the author analyses the mechanisms of exploitation of the consumer. Concludes that the magnitude of this operation are becoming alarming and needed to be reduced with the help of State intervention in the economy, especially in Russia.

Карл Маркс считал, что в капиталистическом обществе есть два основных социальных класса: буржуазия и пролетариат. При этом буржуазией считаются те, кто имеет собственность на средства производства, а пролетариатом — те, кто вынужден зарабатывать наемным трудом. Третьим классом он назвал ремесленников и торговцев, работающих на себя, но не использующих чужой труд. Впоследствии представление о структуре капиталистического общества немного изменились: сейчас общество делится на классы скорее в зависимости от благосостояния, чем от наличия собственности на средства производства. В постиндустриальном обществе возрастает численность третьего класса. Теперь к нему относятся мелкие предприниматели, квалифицированные рабочие, менеджеры, служащие. Однако общества развитых запад-

ных стран успели претерпеть существенные изменения и относительно данных представлений. Цель данной статьи - исследование механизмов эксплуатации класса потребителей.

Согласно классической теории Маркса, в обществе существует два антагонистических класса, которые имеют противоположные цели и ведут между собой некоторую борьбу, а также прослойка между ними — третий класс. Развитие капитализма привело к тому, что эта теория практически потеряла актуальность, классы как таковые растворились, а наемные рабочие высокой квалификации подчас намного более обеспечены, чем многие некрупные бизнесмены.

Однако с развитием потребительского общества марксизм снова набирает силу: общество достаточно явно можно разделить на два класса: эксплуататоров (производителей) и эксплуатируемых (потребителей). Имеется и своеобразный третий класс: это те люди, которые не могут выступать в роли потребителей в силу бедности или личных убеждений (следует отметить, что в России таких людей пока подавляющее большинство, так как в наши дни большая часть россиян может позволить себе только самые необходимые вещи для поддержания жизни). Причем если раньше было необходимо рассматривать общество каждой отдельно взятой страны, то современное общество потребления уже носит глобальный характер, его структура одинакова во всех развитых странах мира.

Если в начале капиталистической эры рабочие отчетливо понимали, что их интересы противоречат интересам капиталистов, то современный эксплуатируемый класс позволяет себя эксплуатировать более чем добровольно, с радостью принимая такую возможность. Причина этого — высочайшее развитие политических и рекламных технологий, достижения нашей цивилизации в области пропаганды и маркетинга. Потребители не поднимают никаких восстаний, не устраивают забастовок и революций.

Потребительский образ жизни — консьюмеризм — стал их новой религией.

Высший класс потребительского общества — глобальные корпорации, имеющие отделения по всему миру. Их цель — экономическая выгода, прибыль. В их интересах сделать так, чтобы потребители покупали больше, чаще и дороже, принося как можно больше заработанных денег обратно работодателю. Для этого в ход идут различные средства: реклама, которая заставляет покупать ненужные товары; заведомая ненадежность товаров, особенно техники, из-за которой потребитель вынужден покупать тот же самый товар чаще; брендирование, заставляющее покупать товары определенной марки намного дороже аналогичных товаров другого производителя. На стороне владельцев корпораций «играют» и банки, которые успешно эксплуатируют потребителей с помощью кредитных продуктов. При этом кредиты оказываются выгодными как для банкиров, так и для владельцев корпораций.

Рассмотрим подробнее механизм этого явления, опираясь на понятие «потребительная стоимость товара». По определению В. О. Бернацкого, это «предельная цена товара, при которой у потребителя сохраняется потребление, поддерживающее процесс воспроизводства самого потребителя» [3, с. 54]. То есть, это такая цена, которую массовый потребитель готов платить за данный товар (услугу). Следовательно, изначально в интересах потребителей максимально снизить эту величину, а в интересах производителей — ее максимально увеличить. Это противоречие лежит в основе капиталистического строя, и было подробно рассмотрено еще Адамом Смитом. Однако если, по мнению этого экономиста, равновесие должно определяться «невидимой рукой» свободного рынка, то теперь производители применяют в своих интересах самые различные средства повышения потребительной стоимости товара. Самый «древний» способ ее повышения — реклама. За хорошо разрекламированный продукт потребитель готов

платить намного больше, чем за точно такой же, но никому не известный. В данном случае речь идет именно о классе потребителей: люди, вынужденные считать каждый рубль или цент и покупать самые дешевые товары, просто не входят в этот класс, оставаясь на периферии общества потребления.

Реклама — сегодня достаточно широкое понятие. Производители занимаются благотворительностью и защитой окружающей среды в целях пиара — это тоже способ повысить продажи и увеличить потребительскую стоимость товара. Сознание современного потребителя настолько изменено навязчивой рекламой, что о непредвзятой покупке просто не может идти речь. С помощью средств массовой информации, различных типов рекламы и других каналов производители манипулируют сознанием обычных людей, превращая их в потребителей определенных товаров. Самый выгодный способ получить прибыль — это продать свой товар как можно дороже, максимально увеличив потребительскую стоимость. Для этого нужно «втолковать» потребителям, что именно товар данной марки намного престижнее, чем у конкурентов, и поэтому обладание им позволяет войти в круг «посвященных», «продвинутых» и т. д. Такой метод брендинга особенно часто используют производители одежды и обуви, автомобилей, компьютеров и мобильной техники, косметики, сигарет, алкоголя.

Другой механизм — это кредиты. Сегодняшняя распространенность кредитных продуктов — еще один способ максимизировать прибыль, причем как для банков, так и для производителей. Банкиры получают с кредитов огромные проценты. А для производителей кредиты выгодны тем, что они ускоряют сбыт товаров и увеличивают количество потребителей. Например, купить норковую шубу в нашей стране может далеко не каждая женщина, но благодаря различным рассрочкам, кредитным картам, потребительским кредитам и другим способам она может ее

приобрести, расплачиваясь потом несколько месяцев или даже лет. За это время она отдаст банку весьма значительную сумму в качестве процента, а производитель получит еще одного покупателя, которого не было бы без кредита.

Ради справедливости стоит отметить, что иногда кредитные продукты действительно могут быть полезны, если у человека непростое финансовое положение. Но парадокс заключается в том, что кредитные карты распространены не среди бедных, которым не хватает финансов на покупку необходимого товара, а среди вполне обеспеченных людей, которые могли бы легко обойтись без этой меры, если бы могли умерить свои потребительские аппетиты.

Общество потребления предлагает взамен потраченных денег множество удовольствий. Потребитель может прекрасно отдохнуть в процессе шопинга, замечательно провести время, благодаря какой-нибудь спа-процедуре, ловить завистливые взгляды, доставая из кармана модный телефон или подъезжая к офису на дорогом автомобиле. Однако для получения этих удовольствий потребителю нередко приходится работать намного больше, чем он мог бы себе позволить, если бы не приобретал так много ненужных вещей. В итоге на что-то иное, кроме потребления, у человека не хватает ни времени, ни сил, ни денег. Человек становится односторонним, теряет богатство личности, не имеет возможности для творческой самореализации, разрушает тесные связи с близкими и начинает чувствовать себя несчастным. Чтобы заглушить чувство разочарования, он начинает потреблять еще больше, и круг замыкается.

Эксплуатация приобретает не только экономические, но и социальные последствия — безусловно, негативные для представителей класса потребителей. К тому же, все эти удовольствия приносят радость лишь тогда, когда их нет у других. Модный телефон и дорогая машина радуют только до тех пор, пока у кого-либо из знакомых не появится модель новее и дороже.

Таким образом, завышение потребительной стоимости оказывается средством эксплуатации класса потребителей. К сожалению, представители этого класса не только не сопротивляются «военным действиям» в свой адрес, но и добровольно сдаются в плен, с удовольствием перекладывая кровно заработанные деньги в карман производителей, банкиров и различных посредников. Они не осознают свои интересы и поэтому, слишком легко позволяют ими манипулировать. Кроме того, как отмечает Зигмунд Бауман, «часто говорят, что потребительский рынок соблазняет клиентов. Но для этого ему нужны клиенты, желающие, чтобы их соблазнили (как владельцу фабрики, чтобы управлять рабочими, нужен персонал с прочно усвоенной привычкой к дисциплине и подчинению приказам). В бесперебойно действующем обществе потребления потребители активно стремятся к тому, чтобы их соблазнили» [1, с. 121]. Таким образом, сам класс потребителей не желает и не способен вести никакую политическую борьбу, которая, по мнению Маркса, должна определять развитие системы. Приостановить угрожающие масштабы эксплуатации потребителей на данный момент может только государство, которое позволит себе вмешаться в свободный рынок. Существующие либеральные представления об экономике противоречат такому поступку, и государство либо остается в стороне, либо начинает активно «подыгрывать» корпорациям и банкам. И хотя существуют государственные антимонопольные органы, их деятельность почти не влияет на положение дел. А деятельность банков и вовсе не регулируется государственной политикой. В то время как грамотное вмешательство со стороны государства могло бы уменьшить количество выдаваемых кредитных продуктов, снизив тем самым потребительную стоимость многих товаров. Помимо непосредственно экономического влияния государство могло бы заняться пропагандой «здорового потребления», внедрением гуманистических ценностей. В обществе потреб-

ления личность человека не имеет практически никакого значения, его взаимодействие с окружающими определяется тем, что он имеет и тем, как он себя продает, в прямом и переносном смысле. Как говорил великий гуманист Ю. М. Лотман, «Беда не в погоне за вещами, а в диспропорции между духовными потребностями и интересом к вещам. Рост духовных интересов должен обгонять интерес к вещам». [4, с. 229] Кроме того, личностные черты потребителя действительно нивелируются в условиях существования такого общества. Лотман констатирует: «Чем ниже уровень духовной культуры, тем меньше индивидуальностей, тем больше люди похожи друг на друга» [4, с. 229]. А уровень духовной культуры в обществе потребления не просто низок: она практически отсутствует. Искусство, возвышающее и обогащающее человека, заменено «массовой культурой», лишь развлекающей и развращающей потребителей.

Итак, можно сделать ряд выводов. Во-первых, структура общества потребления включает три социальных класса: производителей, потребителей и тех, кто практически не включен в данную систему. Во-вторых, класс производителей в своих интересах эксплуатирует класс потребителей, при этом потребители не осознают своей роли в системе. Эта эксплуатация приводит к негативным экономическим и социальным последствиям. В-третьих, ограничить масштабы эксплуатации не только потребителей, но и природных ресурсов и снизить их негативное влияние на общество и его представителей на данном этапе возможно только благодаря вмешательству государств. Они должны изменить экономическую политику и заняться пропагандой «здорового потребления». В условиях нарастания масштабов глобальных проблем «необходимо воспитать у людей чувство ответственности за последствия своего неумеренного и неразумного потребления» [2, с. 126].

Список литературы:

1. **Бауман, З.** Глобализация. Последствия для человека и общества [Текст] / З. Бауман; пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2004. — 186 с.
2. **Беляева, Л.А.** Человек и его потребности. [Текст] Учеб. пособие. / Л.А. Беляева - Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2009. — 165 с.
3. **Бернацкий, В. О.** Потребительная стоимость и ее стоимостное исчисление. [Текст] / В. О. Бернацкий. // Омский научный вестник. — Омск: Омский гос. Технический ун-т. — 2012. — № 4 (111). — С. 51–55.
4. **Лотман, Ю. М.** Угол зрения [Текст] / Ю. М. Лотман // Воспитание души. — СПб: Искусство-СПБ, 2005. —

ГРНТИ 02.41.21

УДК 172.4

*Шалагин Николай Юрьевич
Горбунова Юлия Александровна*

МИР БЕЗ ВОЙНЫ И НАСИЛИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мир, война, насилие, политика, общество, человеческое существование, этика.

АННОТАЦИЯ: В данной работе сформулированы возможные пути достижения мира без войны и насилия. Также рассматриваются практические и этические проблемы, возникающие на пути к такому состоянию человечества.

*Shalagin Nikolay Yurevich
Gorbunova Yulia Alexandrovna*

A WORLD WITHOUT WAR AND VIOLENCE

KEYWORDS: peace, war, violence, politics, society, human being, ethics.

ABSTRACT: The possible ways of an achievement of peace without war and violence are formulated in this paper. Also the

practical and ethical problems arising on the way to this condition of humanity are considered.

Возможен ли мир без войны и насилия? Думаю, я лучше отвечу на этот вопрос, если обозначу его как цель – «Мир без войны и насилия». Под целью я понимаю желаемый результат решения какой-либо проблемы. Для более эффективного решения проблемы цель лучше всего разбить на задачи, то есть на несколько подпроблем, которые нужно решить.

Во-первых, насилие является важнейшим фактором сохранения порядка администрирующими органами. Государство имеет право на «легитимное насилие» [1], которое может применяться либо как прямой способ подавления беспорядков, либо как рычаг давления в виде угрозы насилия. Отказавшись от насилия, мы разрушим сам аппарат государства в его нынешнем виде, что может привести к хаосу и ещё большей эскалации насилия. В мировой истории и истории России в частности, одним из самых ярких примеров подобной чудовищной степени дезорганизации может служить Октябрьская революция 1917 года. Под лозунгами справедливости, равенства и мира, и без того порядком расшатанное государство было ввергнуто в пучину гражданской войны. Это значит, что взамен насилию человечеству придётся искать другой гарант общего согласия и покорности общепринятым нормам.

Во-вторых, стоит поразмыслить над тем, что война как форма насилия, которая охватывает огромные массы людей, приносит колоссальные потери практически всему, с чем соприкасается, также является двигателем научного прогресса и инструментом сплочения нации или нескольких наций перед лицом «врага». Многие из того, что было открыто и изобретено в период Второй мировой войны, вошло потом в массовое использование, а состояние «холодной войны», хоть и разбило мир на два лагеря, но внутри этих лагерей способствовало консолидации, а также

уравновесило геополитическое положение в мире, не давая стать гегемоном ни СССР, ни США. Хотя во многих произведениях искусства и в публицистике [2], как до войны, так и после, довольно категорично этот метод представлялся в негативном свете, все же нельзя отрицать его огромного потенциала и колоссальных результатов, которые являются козырями на внутри и внешнеполитической арене до сих пор (например, педалирование темы «Великой победы», «Первого человека в космосе» и т. д.). Всё это наводит на мысль о том, что отказ от такого стимулятора как война (либо угроза войны), сделает необходимым поиск других способов мобилизации развития науки, техники и человеческих ресурсов.

В-третьих, если рассматривать мир как сообщество всех живущих на Земле людей, то сталкиваешься с тем, что для искоренения войны и насилия необходимо убедить каждого индивида отказаться от этих способов разрешения споров и противоречий. Из чего вытекает как минимум два способа решения, которые также являются и проблемами:

1) Мы можем преобразовать общество путем долгих и постепенных ненасильственных реформ, шаг за шагом на протяжении многих поколений транслировать в сознание людей гуманистические ценности и идеалы. При том, что параллельно с этим должны будут идти процессы глобализации, выстраивающие единое государство и единый язык общения, без которых проект просто не будет иметь смысла. Уязвимость этого пути в том, что его плоды могут появиться нескоро, а система, которая должна проводить эти реформы должна будет удерживать свою власть, оставаться неизменной и воспроизводиться практически невозможный период времени;

2) Другой способ заключается в том, что бы искоренить насилие ещё большим насилием. Для этого нужно будет прибегнуть к модели мирового тоталитарного государства. Общество будет изменено революционным путем, путем резкого слома всех ценностей, террора, массовых репрес-

сий, геноцида и доведения каждого индивида до «полуживотного» состояния, в котором он будет исполнять все, что ему прикажут. Эти методы позволяют ускоренным путем, после всеобщего подчинения, «заставить» людей принять необходимые ценности и идеалы, приверженность которым будет держаться у следующих поколений, на архетипическом страхе, внедренном в сознание людей посредством стрессовых ситуаций. Эффективность этого пути ослабляет то, что данные методы прямо противоположны заданной цели и не гарантируют, что страх не обернется ещё более жестокими формами насилия.

На примере истории СССР можно увидеть сложность и проблематичность обоих путей. На начальном этапе большевики пытались свершить «мировую революцию» и построить мировое социалистическое государство, что не увенчалось успехом и свернулось до реализации этого проекта в отдельно взятой стране, приведшей к сталинскому тоталитаризму. Так же следует отметить, что на протяжении всего советского проекта конъюнктура менялась в зависимости от того, кто был на посту генсека. Конечно, в самом госаппарате были люди, которые сохраняли преемственность системы управления, но это реализовывалось в основном за счет того, что чиновники сохраняли свои посты до глубокой старости. Люди же, которые приходили на смену старому руководству, слишком отличались от своих предшественников, в силу того, что они были представителями другого поколения и их ценности были сформированы при более либеральных режимах, чем сталинский.

В-четвертых, ненависть и постоянное желание людей вступать в противоборство обусловлены тем, что человек является частью природы. И для того чтобы отказаться от войны и насилия, человеку нужно обуздать свои инстинкты и превратиться из биосоциального существа в существо больше социальное, чем биологическое. В массовом порядке этого можно добиться при помощи генной инженерии, что может быть чревато потерей «человеческого» и

превращением людей в биороботов. Представление результатов подобных экспериментов можно встретить, например, в «новом дивном мире» О. Хаксли [3]. Проблемным так же может быть то, что различные этические аспекты личной свободы будут подвергнуты сомнению, так как люди будут являться скорее продуктами науки, нежели самодостаточными, независимыми субъектами.

Все описанные выше методы достижения цели имеют широкий спектр проблем и этических противоречий, но все же могут быть осуществлены, при одном крайне важном условии – решимость. Для того чтобы притворить все это в жизнь, человеку необходимо потратить огромное количество ресурсов, терпения и быть готовым не отступить даже в самых безвыходных ситуациях. И поэтому, я хочу еще раз трансформировать заданный в начале работы вопрос. На что готово пойти человечество ради мира без войны и насилия?

Список литературы:

1. **Вебер, М.** Политика как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990 – 808 с.
2. **Замятин, Е. Мы.** О дивный мир. 1984 [Текст] / Е. Замятин, О. Хаксли, Д. Оруэлл // Мы. О дивный мир. 1984. - Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во. 1991. – 592 с.
3. **Хаксли, О.** О дивный новый мир [Текст] / Е. Замятин, О. Хаксли, Д. Оруэлл. // Мы. О дивный мир. 1984. - Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во. 1991. – 592 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

ГРНТИ 02.11.21
УДК 130.2

Азарова Юлия Олеговна

КОНЦЕПТЫ «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ» И «ДИФФЕРЕНСИАЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Жиль Делез (1925–1995), французская философия XX века, дифференциация, концепт.

АННОТАЦИЯ. Статья содержит детальный анализ концептуальной пары «дифференциация» – «дифференсиация», играющей главную роль в дифференциальной онтологии Жюли Делеза; раскрывает базовые значения и функции «дифференциации» и «дифференсиации»; определяет специфику их работы в философском дискурсе; демонстрирует эвристические возможности «дифференциации» и «дифференсиации» в создании нового неклассического типа рациональности.

Azarova YuliyaOlegovna

THE CONCEPTUAL DOUBLET «DIFFERENTIATION» AND «DIFFERENCIATION» IN DELEUZE'S PHILOSOPHY

KEY WORDS. Gilles Deleuze (1925–1995), French Philosophy of XX century, differentiation, concept.

ABSTRACT. Article presents the detailed analysis of the conceptual doublet “differentiation” – “differenciation” that has decisive importance in Gilles Deleuze’s differential ontology. The author searches are main meanings and function of the “differentiation” and “differenciation”, demonstrates the specific work of that in philosophical discourse, and exposes

the cognition possibilities of the “differentiation” and “differentiation” for the new post-classic rationality.

В книге «Что такое философия?» французские мыслители Жиль Делез и Феликс Гваттари утверждают, что «философия – это творчество концептов» [3, с. 14]. Действительно, многие философы создают не только свою систему, но и категориальный аппарат: от «эйдоса» Платона и «субстанции» Аристотеля, – через «монаду» Лейбница и «cogito» Декарта, – к «априори» Канта, «воли к власти» Ницше и «differance» Деррида [см.: 3, с. 17].

Одно из ярких звеньев данной цепочки – проект самих Делеза и Гваттари. Широко известны их термины «ассамбляж», «дизъюнктивный синтез», «номадология», «складка», «ризом», «шизоанализ». Но особый интерес для науки представляет концептуальная пара «дифференциация» – «дифференциация».

Понятия «differentiation» и «differentiation» Делез впервые вводит и детально проясняет в двух ключевых текстах – «Бергсонизм» (1966) [1, с. 304-307] и «Различие и повторение» (1968) [2, с. 254-262]. Эта дистрикция играет чрезвычайно важную роль в его дифференциальной онтологии.

Делез использует данные понятия для тематизации нового типа целостности, а также способа ее деления. Для Делеза, целое – это не формальное, статичное единство, а скорее подвижное, динамичное единство, порождающее принципиально различные ответвления, связи и директории.

Производство различий, в свою очередь, позволяет Делезу показать неклассическую форму *дуализма* и предложить оптимальный *метод его разрешения*. Соответственно, Делез описывает два вида целостности – «дифференцируемое» и «дифференцируемое», а также два вида логической операции с ними – «дифференциацию» и «дифференциацию».

Дифференцируемое – это не столько объект, сколько *качества, свойства, интенсивности*. Следовательно, *диф-*

ференцируемое представляет собой не актуальное, а виртуальное образование. Процесс дифференциации носит исключительно виртуальный характер.

Дифференцируемое – это также не объект, а скорее *серии, вариации, дивергенции.* Следовательно, *дифференцируемое представляет собой актуальное образование.* Дифференциация связана с актуализацией виртуального. Актуализация имеет две формы: концептуальную и материальную.

В работе «Бергсонизм», Делез, – опираясь на понятие «различие» у Бергсона, – пишет: «Есть два типа деления, которые не стоит путать. Согласно первому типу, мы начинаем с композита» [1, с. 305], т. е. с разнородного или гетерогенного единства. «Мы делим композит на две ... расходящиеся линии, которые отличаются по природе» [1, с. 305].

Например, в общей биологии, «когда жизнь делится на растительную и животную, или когда животное делится на инстинкт и интеллект, каждая сторона деления, каждое ответвление несет в себе целое» [1, с. 305]. Здесь *продукты деления автономны, независимы, самодостаточны.*

Такого рода *дифференциации априори имеют виртуальный характер.* Фактически, «дифференциации никогда не бывают полностью чисты в опыте» [1, с. 305]. Они всегда являются условными, возможными, гипотетическими. Дифференциации часто работают в теоретическом поле.

Кроме того, *дифференциации имеют восполнительный или компенсирующий характер.* Здесь «каждая линия компенсирует то, что она исключает: например, линия, которая завершается в интеллекте, будит в разумном существе эквивалент инстинкта» [1, с. 305]. *Продукты данного деления эквивалентны или соразмерны друг другу.*

Однако существует, – продолжает Делез, – «совершенно иной тип деления: наш отправной пункт – единство, простота, целостность, тотальность» [1, с. 305]. Подобное «единство также актуализируется согласно линиям, разли-

чающимся по природе» [1, с. 305]. Оно «развивает и проясняет то, что виртуальное сохраняет в свернутом виде» [1, с. 305].

Например, возьмем понятие времени. Здесь «каждое мгновение, чистая длительность, делится на два направления, одно из которых – прошлое, другое – настоящее» [1, с. 305]. *Продукты данного деления несоизмеримы друг с другом, ибо одно, в принципе, может стать основанием другого.*

Итак, мы видим, что «расходящиеся линии, получаемые в двух типах деления, совпадают и налагаются друг на друга или, по крайней мере, близко соответствуют друг другу» [1, с. 305]. «В обоих случаях дуализм устанавливается между тенденциями, различающимися по природе. Но это не одно и то же деление» [1, с. 305].

Почему два типа деления не аналогичны? Потому, что у них иной способ производства различий. Дифференциация (первый тип деления) связана с *реализацией* возможностей, а дифференциация (второй тип деления) связана с *актуализацией* возможностей. Оба процесса происходят по-разному и имеют противоположные эффекты.

Рассмотрим понятия «виртуальное» и «актуальное». Традиционно, «виртуальное» противопоставляется «актуальному», но эта дистинкция не так проста, как кажется. Она часто соотносится с понятиями «реальное» и «возможное». Однако, «актуальное» не всегда подразумевает «реальное», а «виртуальное» не всегда означает «возможное».

Например, «у возможного нет реальности (хотя оно может обладать актуальностью), и, напротив, скажем, виртуальное не является актуальным, но как таковое виртуальное обладает своей реальностью» [1, с. 306]. Виртуальное предшествует актуальному, но автономно по отношению к реальному.

Теперь, давайте проанализируем пару «возможное» и «виртуальное». Оба понятия не тождественны друг другу.

Хотя лексически они могут быть вполне синонимичны, но семантически они не аналогичны. Чтобы увидеть это наглядно, рассмотрим понятие «возможное» детально.

Возможное – это то, что реализуется или не реализуется (по каким-либо причинам). Процесс реализации подчиняется двум правилам: ограничения и сходства. Правило ограничения иллюстрирует, что реализуется не любая возможность, а только та, для которой складываются благоприятные обстоятельства.

Правило сходства показывает, что реальное априори похоже на возможное. Любое реальное уже дано в фигуре возможного. Реальное проектирует образ возможного, а возможное служит двойником реального. Реальное и возможное изначально подобны друг другу.

Виртуальное – это то, что актуализируется. «Виртуальное, напротив, – подчеркивает Делез, – не реализуется, а скорее актуализируется» [1, с. 307]. *Процесс актуализации подчиняется другим правилам.* «Правила актуализации – вовсе не правила сходства и ограничения; это правила различия или расхождения, правила творчества» [1, с. 307].

Действительно, «если реальное существует по образу и подобию реализуемого им возможного, то актуальное совсем не похоже на воплощаемую им виртуальность» [1, с. 307]. *Актуальное может существенно и принципиально отличаться от того, что изначально задается как виртуальное.*

«Именно различие является первичным в процессе актуализации – различие между виртуальным (с которого мы начинаем) и актуальным (к которому мы приходим), а также различие между дополнительными линиями, в соответствии с которыми актуализация имеет место» [1, с. 307].

То же самое касается *дивергенции*. «Идея расходящихся линий и разветвленных серий, несомненно, была известна с восемнадцатого века, но для нас ... имеет значение тот факт, что расхождение направлений может интерпретиро-

ваться только с точки зрения актуализации виртуального» [1, с. 307].

Теперь, давайте снова вернемся к понятиям «дифференциация» и «дифференсиация». После краткого экскурса нам становится ясно, что *дифференциация – это процесс реализации различий, которые напоминают о своем прототипе, а дифференсиация – это процесс актуализации различий, принципиально иных по отношению к своему источнику.*

В работе «Различие и повторение» Делез эксплицирует понятия «дифференциальное» и «дифференсиальное» в более сложном ракурсе, где дифференциация и дифференсиация понимаются как операции, трансформирующие объект. Обе операции работают по законам логики.

Для того, чтобы показать эту трансформацию, «нам, – отмечает Делез, – необходимо выработать комплексное понятие “дифферен(ц/с)иации”, обозначающее целостность или интегральность объекта. Здесь “ц” и “с” – отличительные черты» [2, с. 257]. Объект может иметь производные признаки или параметры.

«Любой объект – двойной, но две его части не похожи друг на друга, т. к. одна – виртуальный образ, а другая актуальный образ» [2, с. 257]. *Дифференциация связана с виртуальным образом объекта или идеи.* «Мы называем дифференциацией определение виртуального содержания идеи» [2, с. 254].

Дифференсиация, напротив, связана с актуальным образом объекта или идеи. «Мы называем дифференсиацией актуализацию этой виртуальности в различных частях и видах» [2, с. 254]. Фигуры дифференциации и дифференсиации создают абсолютно иные системы.

«Дифференциация имеет два аспекта, соответствующих многообразию связей и особых моментов» [2, с. 257]. В процессе дифференциации формируются гомологичные или подобные элементы. *Дифференциация производит новые тождества или единства.*

«Дифференциация также имеет два аспекта: первый относится к различным качествам или видам, актуализирующим разновидности, второй – к числу или различающимся частям, актуализирующим особые случаи» [2, с. 257]. В процессе дифференциации формируются серии. *Дифференциация производит новые вариации.*

Естественно, возникает закономерный вопрос: «как же тогда соотносятся два аспекта дифференциации с двумя аспектами дифференциации?» [2, с. 258]. Это соотношение Делез также проясняет на примере двух пар понятий (возможное – реальное и виртуальное – актуальное), но включает его в контекст *проблемы репрезентации.*

«Возможное подлежит осуществлению, оно само понимается как образ реального, а реальное как сходство с возможным» [2, с. 260]. Здесь доминирует *тождество.* «Напротив, актуализация виртуального всегда происходит посредством различия, расхождения или дифференциации» [2, с. 260]. «Актуализация прорывает с подобием как процессом, а также с тождеством как с принципом» [2, с. 260]. Здесь важно *творчество.*

Актуальное никогда не похоже на виртуальное. *Актуальное не воспроизводит и не репрезентирует виртуальное.* «В этом смысле актуализация, дифференциация – настоящее творчество» [2, с. 260]. Актуализация порождает то, что отличается от прежнего. Здесь решение не похоже на условие задачи.

Таким образом, *Делез вводит понятие «дифференциация» для того, чтобы показать, как различие способно дифференцировать без того, чтобы обращать себя в систему репрезентации.* Если дифференциация часто попадает в репрезентационную ловушку тождества и подобия, то дифференциация успешно обходит ее.

Пример с виртуальным и актуальным Делез привлекает для иллюстрации специфики нерепрезентативного различия, ибо обе части объекта – актуальная и виртуальная – отличны и, в то же время, неразличимы, поскольку до оп-

ределенного момента неизвестно, какая из них – одна, а какая – другая.

Кроме того, формально нам кажется, что одно переходит в другое, однако, на самом деле, виртуальное, которое является одновременно и реальным *основанием* вещей, и непосредственным *процессом* их возникновения – актуализацией, есть нечто большее, нежели актуальное.

Здесь два элемента противоположны, но не равны (виртуальное есть основание актуального). Поэтому они не только непосредственным, но и неравным образом перетекают друг в друга. Однако такой переход не может быть заранее просчитан или запрограммирован.

В отличие от синтеза Гегеля, где тезис «снимает» анти-тезис, но отсутствует причина, по которой один элемент возвышается над другим, в дизъюнктивном синтезе Делеза она четко присутствует и объясняется. Актуализация работает как *модальная причина*, утверждающая постоянную разницу качеств.

Соответственно, термин «дифференциация» отражает стремление Делеза создать альтернативу классической модели репрезентации и предложить новый механизм производства различий. Именно «дифференциация» анонсирует появление того, что позже Делез обозначит как «не-концептуальное различие».

Список литературы:

1. Делез, Ж. Бергсонизм / Ж.Делез // Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: Per se, 2000. – С. 229–334.
2. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
3. Делез, Ж., Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари– М.: Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. – 286 с.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМОСОЗНАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самосознание, самопознание, методологическая основа самосознания, Я-концепция

АННОТАЦИЯ. В статье приводится анализ взглядов философов на категорию самосознание, представлена методологическая основа для понимания самосознания, самопознания и взаимосвязи этих понятий

Barinova Elena Sergeevna

PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SELF-CONSCIOUSNESS

KEY WORDS: self-consciousness, self-knowledge, the methodological basis of self-consciousness, self-concept.

ABSTRACT. The article provides analysis of the views on the category of consciousness, presents a methodological framework for understanding consciousness, self-knowledge and relationship of these concepts.

В настоящее время категория «самосознание» является междисциплинарной. Она изучается различными гуманитарными науками: философией, психологией, историей, социологией и др. Каждая из них рассматривает свои грани этой категории, поэтому понимание самосознания разными научными дисциплинами отличается в зависимости от специфики самой науки.

Наиболее долгую историю изучения самосознания имеет философия. Эволюция представлений о самосознании человека берет начало в размышлениях античных мыслителей, представлявших человеческую душу как самосоз-

нающую субстанцию, хранящую знания о себе и мире (Сократ, Платон, Аристотель).

Наиболее полное свое выражение в этот период проблема самосознания нашла *в учении Сократа*. Можно утверждать, что проблема становления самопознания и самосознания стала ядром сократовской философии, принцип «познай себя» был для него основополагающим принципом философствования и деятельности. По мнению Сократа, благодаря постоянному обращению внутрь своего «Я», человек может поддерживать гармоничное равновесие души и тела. Кроме этого, познавая себя, человек познает и других, а знание других людей ведет к наиболее успешной деятельности.

Новый поворот в изучении категории «самосознание» дает философия Нового времени. Так, одна из сторон *идеализма Рене Декарта* заключалась в попытке свести самосознание субъекта к чистой саморефлексии, где субъект оказывается способным познавать себя до процесса познания объективной реальности: «Ничто не может быть познано прежде самого интеллекта, ибо познание всех прочих вещей зависит от интеллекта» [6, с.195]. Душа, согласно философу, определяется единственным признаком - непосредственной осознаваемостью собственных проявлений, которые в отличие от явлений природы лишены протяженности. Душа, по Декарту, только мыслит, а тело только движется, отсюда: «Мыслю - следовательно, существую» [5].

В истории философии большое внимание проблеме самосознания уделялось и *философами немецкой классической школы*.

Так, главной проблемой философии И. Канта являлось исследование человеческого разума, сознания. В отличие от мыслителей феодального общества, разум у И. Канта есть активное, автономное начало, служащее для познания и преобразования мира. И. Кант абсолютизировал обособление разума от внешней действительности.

В гносеологии Канта отчетливо выделяются два источника познания (чувственное и рациональное): «Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (восприимчивость к впечатлениям), а второй - способность познавать через эти представления предмет (спонтанность понятий)» [3, с.154].

В.П. Щенников обращает внимание на два аспекта, в рамках которых можно говорить о самосознании по Канту:

1) «Я как субъект мышления (в логике), которое означает чистую апперцепцию (чисто рефлектирующее «Я») и о котором ничего больше сказать не можем, так как это совершенно простое представление»;

2) «Я как объект восприятия внутреннего чувства, которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт» («эмпирическая апперцепция»). Чувство, даже будучи внутренним чувством, по мнению Канта, также взаимодействует с рассудком и разумом, как и ощущения, доставляемые от внешних объектов, посему и человеческое «Я» оказывается «вещью в себе» [6, с.197].

И.Г. Фихте проводил структурный анализ сознания с позиции идеализма - исследование возникновения и функционирования сознания ведется исходя из самого сознания. Трансцендентальный метод Канта Фихте преодолеть не удалось. Уже в исходной посылке «Я есть Я» сущность сознания сводится к самосознанию.

Самопознание «Я» превращается у Фихте в источник развития субъекта, осуществляемого посредством «дела действия», где активность «Я» достигается посредством самоограничения через внешнее «не-Я». По Фихте самопознание «Я» не возможно без «не-Я». В качестве внешнего «не-Я» могут выступать как объекты природы, так и другие субъекты, с которыми данный субъект взаимодействует.

Г.В. Гегель, в отличие от И. Канта, подходил к рассмотрению сознания и самосознания в его развитии и становлении. Он выделял три главные ступени развития самосознания, различающиеся по степени зрелости субъекта и характеру его взаимодействия с миром:

1. «Вожделяющее самосознание» - единичное самосознание, означает только осознание собственного существования, своей тождественности и отличия от других объектов.

2. «Признающее самосознание» - характеризуется возникновением межличностного отношения: человек осознает себя существующим для другого. Сталкиваясь с другим человеком, индивид узнает в этом другом присущие ему самому черты, и благодаря этому его собственное Я приобретает для него новизну и привлекает внимание. Сознание своей единичности перерастает, таким образом, в сознание своей особенности.

3. «Всеобщее самосознание» - означает, что взаимодействующие «самости», благодаря усвоению общих принципов семьи, отечества и т.д., осознают не только свои различия, но и свою глубокую общность и даже тождество [2, с.189].

Стоит отметить, что до середины 19 века исследования феномена самосознания находились, в основном, в компетенции философии. В дальнейшем феномен самосознания все чаще рассматривается учеными в соединении философско-психологических воззрений и со временем становится самостоятельным конструктом, привлекающим внимание зарубежных и отечественных психологов.

Е.В. Гордиенко отмечает, что европейская философия, а особенно психология конца 19 - начала 20 вв., пошла по пути интроспекционистской трактовки сознания и самосознания как в самой себе замкнутой сущности, тогда как в русской науке время от времени появлялись работы, рассматривающие самосознание с материалистических позиций. Если для европейской философии характерны «Я-

философия», тяготеющая к рационализму, склонность строить знания на абстрактно-логических связях, центральное место в которой занимает «Я», то для русской философии характерна «Мы-философия» как неразделимое единство нескольких «Я» и «Ты». Русская философия рассматривает «Я» как некий особый мир, своеобразную реальность, которая в своей глубине связана с космическим и божественным бытием [2, с.190].

Среди современных философских исследований феномена самосознания особое место занимают работы В.В. Байлука, в которых рассматриваются понятия «самосознание», «самопознание», «Я-концепция» и их соотношение.

Под *сознанием* автор понимает «высшую форму отражения действительности, способность человека отражать мир и самого себя в виде субъективных образов на основе человеческой деятельности и регулировать эту деятельность» [1, с.137].

Методологической основой для понимания самопознания, самосознания и их соотношения между собой, по мнению В.В. Байлука, является следующее:

- отражение действительности отдельным человеком реализуется через его индивидуальное сознание в виде сознательного и стихийного отражения;
- индивидуальное сознание человека отражает как внешний мир, так и самого человека;
- отражение осуществляется в сознательной и неосознанной формах;
- самоотражение человеком самого себя осуществляется через самопознание, поэтому самопознание выступает как деятельность индивидуального сознания;
- результатом самопознания является определенное состояние индивидуального сознания;
- самосознание – это процесс и результат осознанного самопознания [1, с.139].

С нашей точки зрения, ценным является и структурно-содержательный анализ Я-концепции, проведенный В.В.

Байлуком. По мнению автора, «Я-концепция - это не все результаты самопознания, не все результаты деятельности самосознания, а только те из них, которые отражают в человеке нечто сущностное, устойчивое, стратегическое». Именно из этих относительно устойчивых представлений о себе человек исходит при решении конкретных поведенческих проблем. Их решение также осуществляется в процессе сознательного самопознания, деятельности самосознания. При этом результаты такой деятельности, по мнению автора, в Я-концепцию не входят, а выступают проявлением ее методологической «работы» [1, с.139].

Проанализировав, как менялись представления философов о категории самосознания можно сделать следующие выводы. Долгое время категория «самосознание» изучалась философией только в рамках гносеологии, науки о познании, в этом контексте самосознание рассматривали: Сократ, Р. Декарт, И. Кант. Начиная с Г. Гегеля, мыслители ищут социальные факторы, определяющие самосознание и находят их в деятельности и материальных условиях (Г. Гегель, Фихте, К. Маркс). Экзистенциальная мысль XX века привнесла в понимание самосознания ценностный компонент значения: «самосознание есть осознание собственных ценностно-символических оснований, предельных смыслов, задающих меня, мои знания, мои возможности отношения с миром и самим собой» [4, с.869].

В настоящее время проблема самосознания остается актуальной для философских исследований. В частности, учеными выстраивается методологическая основа для понимания понятий «самосознание» и «самопознание», а также проводится структурно-содержательный анализ понятия «Я-концепции».

Список литературы:

1. **Байлук, В.В.** Человекознание. Основы самопознания и самореализации личности: в 3 ч. Ч.1. теоретические осно-

вы самопознания личности [Текст] / В.В. Байлук. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009.

2. **Гордиенко, Е.В.** Проблема самосознания в философии и психологии [Текст] / Е.В. Гордиенко // Личность в изменяющихся социальных условиях: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – 2013. – С.187-196.

3. **Кант, И.** Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. – М.: ЛКИ. – 2012. – 202с.

4. **Новейший философский словарь** [Текст] / гл. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Книж. дом, 2003. – 1220с.

5. **Семенова, Е.А.** Ретроспектива развития философско-психологических концепций самосознания [Текст] / Е.А. Семенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - №3-1. - С. 171-175.

6. **Щенников, В.П.** Проблема сознания в истории философии [Текст] / В.П. Щенников, О.Н. Белоглазова // Вестник КемГУ. – 2011. - №1(45). – С. 195-199.

ГРНТИ 02.15.61

УДК 124.5

Беляева Людмила Александровна

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество потребления, ценность, оценка, ценностное отношение, потребность, потребление, поведение потребителя.

АННОТАЦИЯ. В статье утверждается идея смены аксиологического сознания в условиях общества потребления, доказывается необходимость рассмотрения категорий «потребность», «потребление», «поведение потребителя» в системе категорий аксиологии

AXIOLOGICAL BASES OF THE THEORY OF HUMAN NEEDS

KEY WORDS: consumer society, value, valuation, axiological relation, need, consumption, consumer behavior.

ABSTRACT. The article argues the idea of change of consciousness in terms of axiological consumer society; we prove the need to consider the categories of "need", "consumption", "consumer behavior" in the system of categories of axiology.

Современное общество в научной литературе имеет многочисленные определения: постиндустриальное, информационное, общество знания, сетевое общество, общество массового потребления или потребительское общество. Вот эту последнюю характеристику современного общества и неразрывно связанного с ним человека-потребителя и хотелось бы рассмотреть с позиций аксиологии как науки о ценностях.

В истории развития философской мысли вопрос о ценностях человеческого существования почти с самого начала ее возникновения был одним из важнейших, хотя понятие «ценность» и теория ценностей – аксиология - сформировались значительно позднее.

Понятие ценности впервые появляется у И.Канта (XVIII в.), для которого они сами по себе не имеют бытия. В одной из частей «Критики чистого разума» в составе человеческого познания И. Кант рассматривает три априорные идеи, являющиеся одновременно ценностями: *душа, мир, Бог*. В работе «Критика практического разума» Кант рассматривает практический разум как сферу действия человеческой воли, также руководствующейся ценностями, воплощением которых является моральный закон. Моральный закон или категорический императив, по Канту,

автономен, он предписывает поступки человеческой воле и является основанием оценки человеческих действий.

В конце XIX - начале XX в. в западной философии возникла аксиология (от греч. *axia* - ценность и *logos* - учение) - философское исследование природы ценностей. В предмет аксиологии включаются вопросы смысла жизни и смысла истории, направленности и оснований познания, обоснования и оправдания человеческой деятельности, регуляторов отношений личности и общества и др., не поддающиеся строгому научному анализу. Аксиология становится философским учением о природе ценностей, их месте в жизни общества и личности.

По мере развития аксиологии, в ней формируются собственные теории и категории такие, как *ценность, ценностное отношение, ценностная ориентация, оценка*.

В настоящее время аксиология представлена несколькими теориями *природы ценности*:

1. *Объективно идеалистические теории* (неокантианство, последователи гуссерлианской феноменологии М. Шелер и Н. Гартман, неотомизм, интуитивизм) трактуют ценность как духовную сущность *трансцендентного характера*.

2. *Субъективно-идеалистические теории* (логический позитивизм, эмотивизм, лингвистический анализ в этике, аффективно-волевая теория ценности У. Эрбана, Д. Пролла, К.Льюиса и др.) рассматривают ценность лишь как явление сознания, субъективного отношения человека к оцениваемым им объектам.

3. *Натуралистические теории* трактуют ценности как выражение естественных потребностей человека или законов природы в целом, и потому имеющие объективный характер.

4. *Теория синтетической природы ценностей* (марксизм). Ценности имеют двойственную, субъективно-объективную природу. Они зависят как от качеств объекта, так и от свойств субъекта, и раскрываются в процессе особого от-

ношения субъекта и объекта, получившего название *ценностное отношение*.

В отечественной философской и социологической литературе проблема ценностей анализируется с начала 60-х годов. Первой книгой, посвященной этой проблеме, была работа В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» [8].

В силу сложности природы ценностей существует несколько подходов к определению ключевого понятия аксиологии - понятия «ценность».

Один из них связывает ценность с объективными свойствами самих вещей, благодаря которым они способны удовлетворить те или иные потребности людей. Утверждается, что, ценности - это характеристики объектов и процессов мира, имеющих положительное или отрицательное значение для жизни человека.

В рамках этого подхода возникает вопрос, можно ли считать, что ценность объективна и существует сама по себе уже в силу того, что имеются разнообразные формы предметности, без которых человек не может обойтись в своей повседневности? Либо ценностью нужно считать представления людей о той значимости, которую предметный мир имеет для человека, т.е. ценность – это его отношение к миру, выраженное в категориях ценностного сознания, таких как добро, зло, совершенство, красота, хорошо, плохо, цели, идеалы.

Второй подход как раз и делает акцент на рассмотрении ценностей как элементов духовной культуры, которые выступают регуляторами деятельности человека, основаниями и критериями для оценок. Так, например, А. Г. Здравомыслов пишет: «Мир ценностей – это, прежде всего, мир культуры в широком смысле слова, это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности» [3, с.160]. При рассмотрении этого подхода также возникают вопросы. От-

дельный человек может не осознавать значимость тех или иных объективных явлений, таких как образование, здоровье, семья, законность, справедливость. Значимость этих явлений осознается только при правильном воспитании и самовоспитании, в ходе которых вырабатываются определенные ценностные ориентации.

Третий подход к определению понятия ценности связан с подчеркиванием того обстоятельства, что предметы объективной реальности, предметы мира сами по себе не имеют никакой ценности, пока не будут втянуты в орбиту человеческой практики, человеческих потребностей и интересов. Подобное определение ценности мы встречаем и в Большом Энциклопедическом словаре: «*Ценность* - положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений [2, с.1240].

Ценностное отношение – это отношение человека к миру, в котором на основе потребностей человека раскрывается значимость объекта для субъекта. В процессе исторической практики сложились такие наиболее значимые для человека ценностные отношения, как нравственные, эстетические, религиозные отношения. Ценностное отношение к миру, в свою очередь, опирается на практическое и познавательное отношения человека к действительности. Понятие ценности раскрывает то, что в результате практической деятельности выявлена и осознана способность определенных объектов природной и социальной предметности (как материальных, так и продуктов духовного производства – идей, теоретических систем, художественных произведений и др.), быть необходимыми для существования личности и общества, т.е. для удовлетворения общественных и личностных потребностей и интересов. В ценности воплощен общественно-исторический

опыт людей, подтверждающий необходимость, полезность и нужность определенных материальных и духовных образований, их способность удовлетворять те или иные потребности людей.

Формой выражения значимости объекта или других субъектов для человека служит оценка. Основаниями оценки являются, с одной стороны, потребности субъекта, с другой – существующие в обществе ценности. С точки зрения существующих потребностей людей можно выявить и разные классы оценок: экономические оценки, политические оценки, правовые оценки, нравственные оценки, эстетические оценки, религиозные оценки и др. Избирательное отношение человека к материальным и социальным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений фиксируется в ценностных ориентациях. Система ценностных ориентаций личности формируется в процессе социализации на основе культуры общества благодаря действию институтов семьи, образования и собственных усилий личности. Система ценностных ориентаций определяет направленность личности.

В соответствии с конкретной, индивидуальной иерархией ценностей наблюдается относительный характер ценностных ориентации. Ценностные ориентации могут быть направлены как на ценности подлинные, высокие, так и на ложные, низменные, даже «антиценности» (асоциальное поведение, преступность, наркомания). Личность может с той или иной степенью глубины осознавать или вообще не осознавать свою ценностную ориентацию. Например, одна и та же практическая ориентация, скажем по приобретению той или иной профессии, может скрывать различные ценностные ориентации: на принесение пользы людям при реализации своего призвания, на достижение известности и престижа, на накопление материальных благ и т.п. Кроме того, человек зачастую усваивает некоторые социально важные ценности формально: в этом случае и ориентация на них будет носить формальный, словесный

характер. Таким образом, установить подлинную ценностную ориентацию сознания человека весьма сложно, нередко ее можно определить лишь по поведению на протяжении ряда лет, а то и этапов человеческой биографии.

Влияние рыночных отношений, господствующих в современном западном обществе и формирующихся в России, на ценностные ориентации личности неоднозначно. С одной стороны, они пробуждают инициативу, активность, энергию людей, расширяют возможности для развития способностей и творчества личности. С другой стороны, развитие экономического либерализма и конкуренции ради прибыли приводит к таким последствиям как двойная мораль, всеобщее отчуждение, психические фрустрации, неврозы и т. д. Ценности личности как бы пропускаются через призму рынка и приобретают характер рыночных ценностей. Не только материальная, но и духовная жизнь общества и личности начинают строиться по законам рыночных отношений и экономического обмена. Поэтому не случайно то, что на западе большое внимание уделяется изучению личных ценностей. Это происходит прежде всего потому, что ценности являются важнейшим фактором, детерминирующим поведение человека, в том числе, его поведение как потребителя. Именно ценности объясняют, почему потребители, имея нередко одни и те же потребности, принимают разные потребительские решения. Ценности представляют собой убеждения людей о жизни и приемлемом поведении. В них выражаются цели, которые движут человеком, и соответствующие способы их достижения. Устойчивая природа ценностей, их центральная роль в структуре личности обусловила их значение для понимания многих ситуаций потребления. К числу последних относятся выбор продукта и марки, а также сегментирование рынка.

На личные ценности оказывают значительное влияние групповые ценности, а также культура общества в целом. Человек выбирает личные ценности из многих социальных

или других систем ценностей, с которыми он сталкивается. Каждый человек в процессе социализации сортирует социальные ценности, формируя свои собственные. Личные ценности проявляются не только в его высказываниях, но и в поступках. Они представляют собой набор задач и способов их решения, допустимых в данной культуре [1, с.112].

Современные исследователи поведения потребителей используют ценности как критерий разделения всего населения на однородные группы людей, имеющих сходные системы ценностей. Особое значение придается таким стилевым особенностям жизни, которые касаются того, как человек тратит время и деньги. Человек покупает товары не только для удовлетворения инструментальных потребностей, но также и для того, чтобы не отстать от моды, показать, что он не хуже других, что он успешен, т.е. человек, потребляя, стремится сообщить окружающим ту или иную информацию о себе. В условиях массового производства, неинтересной, нетворческой работы человек переносит центр тяжести в поисках своей индивидуальности на сферу потребления, стремясь найти свой стиль в одежде, в убранстве своего жилища и т.д. В связи с урбанизацией происходит быстрый рост показного потребления. Люди тратят свои средства на создание желаемого имиджа, нередко экономя на еде и других жизненно важных статьях расходов. Это явление в большой степени характерно для жителей больших городов, чем для жителей сельской местности, где гораздо трудней, а то и просто невозможно создать видимость, иллюзию материального благополучия в глазах односельчан.

В современном обществе под влиянием рекламы и средств массовой информации происходит деформация человеческих ценностей, формируются навязанные производителями товаров потребности, что нередко превращает в нездоровую потребность сам процесс приобретения. В результате приобретение товаров становится болезнью, а

хождение по магазинам – средством ухода от жизненных проблем. Эта болезнь получила название *«шопинг-наркомания»*. По данным английского экономиста Р. Элиота, который ввел этот термин, в настоящее время в Великобритании насчитывается 1 млн. шопинг-наркоманов, среди которых две трети составляют женщины. А американские исследователи поведения потребителей определяют XXI в. как «век Потребителя» [9, с.54].

Основатель Римского клуба А. Печчеи с горечью писал, что человек, обладая способностью производить множество вещей, уподобился Гаргантюа, развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию, производя все больше и больше, вовлекая себя в порочный круг, которому не видно конца. В этом, очевидно, и кроется основная причина переживаемого современным человечеством экологического кризиса. *В центре этого кризиса стоит человек и его потребности, система его ценностных ориентаций.* [6, с.39].

В условиях господства рыночных отношении личность нередко теряет свои высшие ценности, составляющие смысл ее жизни. Так, согласно Марксу, *отчуждение* человека от результатов своего труда разлагает и извращает все человеческие ценности. Возводя экономическую деятельность и присущие ей атрибуты - «прибыль, работу, бережливость, умеренность» - в ранг высших жизненных ценностей, человек лишается возможности развивать подлинно моральные ценности человечества, «богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетель и т.д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не значу?» [5, с.173].

Потеря смысла жизни ведет к образованию *экзистенциального вакуума*. В экзистенциальном вакууме оказывается человек, запутавшийся в ценностях или не нашедший их. В этих условиях в обществе немалое количество людей охватывает *пессимизм как такое духовно-нравственное со-*

стояние, в котором мир воспринимается в мрачном свете, как безнадежно погрязший во зле и страдании, а жизнь человека кажется бессмысленной. Пессимизм накладывает отпечаток на понимание ценностей и их природы.

Сегодня человек должен осмыслить свою новую роль культуре, осознать новую ответственность, которую эта роль предполагает, иначе вместо дальнейшего расцвета современную цивилизацию ждет трагический конец. [4, с.17]. Глобальность проблем, вставших перед человечеством во второй половине XX века, ответственность за жизнь на планете требуют от человека изменения его ценностных систем, выработки взглядов, убеждений и норм, которые могли бы быть приняты не просто в качестве *общечеловеческих ценностей, а ценностей нового гуманизма, основанного на ответственности человека за то, что происходит в мире.*

Список литературы:

1. **Беляева, Л.А.** Человек и его потребности. [Текст] Учебное пособие / Урал. гос.пед.ун-т. – Екатеринбург, 2009.- 165 с.
2. **Большой энциклопедический словарь.** [Текст]2-е изд. - М., 1998.
3. **Здравомыслов, А. Г.** Потребности. Интересы. Ценности.[Текст] / А.Г. Здравомыслов - М., 1986.
4. **Касавин, И.Т.** Ценности новой цивилизации: основания поиска и их критическая оценка[Текст] / И.Т. Касавин// Ценностный дискурс в науках и теологии. - М.: ИФРАН, 2009.- 351 с.
5. **Маркс, К.**Экономико-философические рукописи 1844 года [Текст] / К.Маркс; Ф. Энгельс // Сочинения. Т.42. - М., 1957.
6. **Печчеи, А.** Человеческие качества.[Текст] / А. Печчеи - М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
7. **Розов, Н.С.** Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной ак-

сиологии [Текст] / Н.С. Розов - Новосибирск. Изд-во Новосибирского университета, 1998. – 292 с.

8. **Тугаринов, В.П.** О ценностях жизни и культуры. [Текст] / В.П. Тугаринов - М., 1958.

9. **Энджел, Д.Ф.** Поведение потребителей [Текст] / Д.Ф. Энджел, Р.Д. Блэкуелл, П.У. Мينيард // Пер. с англ. под ред. Л.А.Волковой. - Спб., 2002.- 624 с.

ГРНТИ 02.01.39

УДК 101.9

Борисов Сергей Валентинович

ЦЕННОСТЬ ФИЛОСОФСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА ИЛИ ЖИЗНЬ В СОГЛАСИИ С САМИМ СОБОЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философствование, философская практика, язык, мышление, коммуникация.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются основные принципы использования философствования как средства самопознания и заботы о себе. Актуальность философской практики связана с осознанием субъектом своего особого пути к бытию посредством снятия языковых, эмоциональных и интеллектуальных стереотипов мышления и поведения.

Borisov Sergei Valentinovich

THE VALUE OF SUBJECT'S PHILOSOPHIZING OR LIFE IN CONSENT WITH ITSELF

KEY WORDS: philosophizing, philosophical practice, language, thinking, communication.

ABSTRACT: The article reveals the basics of using the philosophizing as a means of self-discovery and taking care of oneself. Relevance of philosophical practices linked to the

knowledge of the subject to its special way to being by removing linguistic, emotional and intellectual attitudes and behavior.

Поскольку «Я» никогда не сможет ни вывести самого себя с помощью умозаключений из мира, который оно создает, ни обнаружить себя в этом мире с помощью этих средств, было бы ошибочно, в философии или в науке, объяснять или описывать внутренний мир с какой-либо «привилегированной» (объективистской) точки зрения. Само понятие объективистской точки зрения предполагает, что «Я» не сосредотачивает свое внимание на *основании* собственного опыта. Скорее оно сосредотачивается на конечном *продукте* этого опыта. Короче говоря: смотреть на мир с объективистской точки зрения – это значит не понимать мир как конституируемый «Я», но все равно его конституировать. То есть жить по принципу: «не ведаю, что творю».

Многих людей мучают вопросы, которые они не могут ни решить, ни отбросить. Как правило, к философии приходят те люди, которые хотят не просто жить спокойно, разобравшись со своими проблемами, но, скорее, отдавать себе отчет в своей жизни, прояснить ее контуры, все ее многочисленные «откуда», «зачем» и «для чего». Достаточно часто их потребность состоит в том, чтобы поразмышлять над определенными обстоятельствами, специфическими затруднениями, двойственным течением своей жизни. Их главный вопрос почти никогда не звучит, как у Канта: «Что я должен делать?», но гораздо чаще формулируется, как у Монтеня: «Что же я на самом деле делаю?» [1].

В труде философского размышления можно увидеть определенную жизненную перспективу. Как правило, существуют некие пусковые моменты, или состояния, которые побуждают к философствованию, но не существует никакого философского «метод». Философия работает, скорее, над методами, чем при помощи методов. Подчинение ме-

годам является делом науки, а не философии. Философское размышление является не движением по заранее проложенным путям, а вечный поиск «правильного пути» заново, оно не занимается совершенствованием техник размышления, но проясняет их. Не существует единственного философски выверенного жизненного пути, но философствование может помочь субъекту продвигаться по своему собственному пути.

Итак, философия – это не «лекарство» от душевных проблем Платоном, Гегелем или кем-нибудь еще: лекция не является рецептом исцеления. Разве больной человек обращается к врачу для того, чтобы прослушать лекцию по медицине? Философская практика – это не курс лекций по философии. О философствовании нельзя судить в соответствии с некоторой «мерой» (например, душевного «здоровья»). Вопрос состоит, скорее, в том, живет ли субъект в согласии с самим собой?

В контексте вышеизложенного представим себе беседу *Философа-консультанта с Клиентом*, проясняющим для себя свои жизненные ориентиры посредством философствования [2].

Клиент: Как можно научиться лучше понимать себя и окружающих?

Философ: Нужно внимательнее приглядеться к тому, что «лежит на поверхности», к тому, чем мы постоянно пользуемся и с помощью чего мы выстраиваем свои мысли. Этой универсальной и базовой структурой для нас является наш обыденный язык. Например, согласно утверждению известного философа Людвига Витгенштейна, язык есть набор инструментов, выполняющих коммуникативные функции и обслуживающих меняющиеся социальные цели. Суть его концепции «языковых игр» как раз в прояснении самого употребления выражений, описании инструментальных функций, которые они выполняют в каждом конкретном контексте и «формах жизни» [3].

Клиент: Правильно ли я понял, что лучше разобраться в себе нам поможет исследование того, что и как мы говорим? То есть наш язык есть выражение определенного строя нашего мышления.

Философ: Как правило, это так, хотя если копнуть глубже, мы можем обнаружить и обратное, а именно, что структура языка определяет структуру и ход наших мыслей. Язык задает укоренившиеся в нас привычки говорения, которые в свою очередь определяют ход наших мыслей. Следовательно, если Вы хотите избавиться от навязчивых стереотипов мышления, Вам следует избавиться от привычных стереотипных языковых выражений.

Клиент: Как же быть тогда с философскими вопросами? Согласитесь, их очень трудно свести к стереотипному строю языка, как впрочем, и дать на них ясный и четкий ответ.

Философ: Вы правы, на философский вопрос невозможно дать ответ, но его можно «устранить». «Устранение» достигается напоминанием об употреблении языка, или о правилах, поскольку его употребление может быть выражено в правилах [4, с. 92]. Именно здесь встречаются философия и грамматика. А отсюда очень важное следствие для философской практики: мы ни к чему не принуждаем собеседника. Мы оставляем ему свободу выбрать, принять или отвергнуть любой способ употребления слов. Он может отступить от установленного традицией словоупотребления – язык не является неприкосновенным – если только таким способом он может объясниться. Он может даже использовать выражение сначала одним, потом другим способом. Главное – ему необходимо понимать, что он делает.

Клиент: Однако зачастую случается, что по поводу решения философских вопросов возникают существенные разногласия и споры. Вероятность этого еще больше усилится, если не будет выработан единый язык философского рассуждения.

Философ: Не могу с Вами согласиться в полной мере. Если мы строго следуем описанному выше методу, тщательно изучая рассуждение, спрашивая клиента на каждом шагу, хочет ли он употреблять выражение определенным образом, а если нет, предлагая ему альтернативы, но оставляя решение за ним, и только указывая, каковы будут последствия такого употребления слов, – никакой спор не может возникнуть [4, с. 93]. Споры же возникают, только если в этой процедуре упущены определенные шаги, так что создается впечатление, будто мы что-то утверждаем, добавляя к философским проблемам новое (а, как правило, просто «забытое старое») «яблоко раздора».

Клиент: То есть, если я правильно понял, философская практика должна выстраиваться на максимально «чистом поле», свободном от различного рода мыслительных, чувственных, языковых и прочих стереотипов. И первоначальной задачей философа является как раз работа по расчистке этого поля?

Философ: Все верно. Философская практика – это философствование, не признающее никаких предзаданных схем, «свободнопарящих» конструкций, и исходящая из того, что субъект (сознание) не может познавать объект (мир) «с нуля», т.к. еще до всякого «научного» познания человек уже *знает* нечто о мире, ведь приступая к исследованию мира, человек уже *живет* в мире – он экзистенциально связан с миром, он вписан в мир через культуру и социальные отношения.

Клиент: Следовательно, главной задачей является – просто прояснить, что же человеку известно о мире и о себе, и каким естественным и понятным для него языком, он в состоянии это выразить.

Философ: Да, потому что предметом разговора является сам субъект, а не маска, за которой он привык скрываться. После операции прояснения и «вынесения за скобки» основных бытийных смыслов, которыми руководствуется человек, ничто из прежнего состава знания не утрачивает-

ся, все бережно «сохраняется», но уже в другом качестве – в качестве феноменов сознания субъекта, из которых он «строит» свой мир.

Клиент: И что это дает в плане философской практики?

Философ: Данная позиция задает своего рода программу философствования, которое сосуществует с эмоционально-чувственной и интеллектуальной жизнью субъекта. В таком философствовании субъект не устранивается в угоду объективно всеобщего, наподобие мира платоновских сущностей или объективных законов философского материализма, и не растворяется в релятивизме субъективности «миров» отдельных людей или социальных групп. Он всегда в центре внимания, поскольку именно он является инициатором и творцом своего философствования. Он ведущий, а не ведомый.

Клиент: Означает ли это, что я как клиент, могу целиком и полностью Вам доверять, и мы будем говорить только обо мне, и не будем подменять тему разговора, цепляясь за те или иные философские стереотипы, которым подвержено Ваше сознание?

Философ: Да, Вы правы. В этом главный принцип моей деятельности. Ведущим являетесь Вы. А моя задача лишь быть Вашим ассистентом, давать возможность идти дальше, преодолевать те точки, которые долгое время Вы считали непреодолимыми и поворачивали назад к стереотипу. Вы будете стараться понять Ваши собственные действия не в форме общих законов, но в схематике Ваших личных мотивов, целей и планов.

Клиент: То есть история философии не даст нам ответ на вопрос, кто есть мы сами, пока мы сами не станем философами и не начнем философствовать? Тогда в чем ее роль?

Философ: История философии – это лишь средство, для того чтобы увидеть как великие философы осуществляли свою философскую практику. Как писал знаменитый немецкий философ Мартин Хайдеггер, «мы находим ответ на

наш вопрос о философии не в почерпнутых из истории определениях философии, а в разговоре с тем, что было передано нам традицией как Бытие сущего» [5, с. 154].

Клиент: А путь к бытию сущего идет через нас самих. И у каждого этот путь уникальный, поскольку только мы знаем, где находятся «входы» и «выходы» к нему.

Философ: Правильно. Только каждый из нас доподлинно знает, или лучше сказать, чувствует, что есть такое это сущее, настоящее, которое он так упорно ищет. И когда он собирается расширить, изменить, вновь освоить и закрепить сферу обнаружения сущего, он руководствуется при этом главным образом наивными указаниями, которые определяются кругом повседневных намерений и потребностей. Как пишет об это немецкий философ Карл Ясперс, «многоликость философствования, противоречия и исключаящие друг друга притязания на истину не в состоянии помешать тому, что в основе философствования действует нечто общее, что не является ничьей собственностью и вокруг чего во все времена сосредотачиваются все серьезные усилия: некая вечная философия, *philosophiaperennis*» [6, с. 229].

Клиент: Я бы хотел отметить, что жизнь наша стремительно меняется. Динамичность общественных процессов, резко возросшая мобильность человека постоянно ставят его перед лицом новых и неожиданных обстоятельств. Это реалии наших дней, становящиеся фактом обыденного сознания благодаря тем же масс-медиа. В этих условиях человек утрачивает всякое ощущение собственной стабильности и критерии нормальности происходящего в мире; всякая переживаемая им стандартная, нормальная ситуация может в любой момент трансформироваться в пограничную или экстремальную.

Философ: Именно поэтому философскую практику можно считать одной из актуальных «естественных» форм «ответа» на постоянные «вызовы» бытия современного мира. Из риска и неопределенности как существенных

элементов жизни вытекает новое представление о философской практике как спонтанном познавательном процессе, со своими специфичными логикой и видами деятельности.

Клиент: Погружаясь в философствование, я не могу сказать, к чему меня это приведет: к какой мысли, к какому переживанию. Однако Вы дали мне гарантию доверия, поэтому меня не страшит эта неопределенность. Вы открыли передо мной пространство выбора.

Философ: Я тоже не знаю, чем закончится наше взаимодействие. Но я даю Вам полную свободу в выборе своего пути. Наше философствование будет проходить в этом промежуточном пространстве, которое я называю – «пограничье». Речь идет о наличии в нашем индивидуальном сознании принципиально неустранимого «зазора» между бытием и пониманием ввиду невозможности для нас одновременной фиксации объекта (мира, Другого) и самого акта сознания (т.е. другими словами, фиксации самого себя в качестве наблюдателя). В этом «пограничье» мы окажем друг другу огромную помощь в устранении этого зазора. То, что невозможно для одного, уже возможно для двоих.

Список литературы:

1. **Achenbach**, G.B. Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis? [Электронный ресурс] / G.B. Achenbach // Was ist Philosophische Praxis? URL: http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp (дата обращения: 19.03.2016).
2. **Борисов**, С.В. Эпистемология наивного философствования. [Текст] / С.В. Борисов. М.: Компания Спутник +, 2007. 369 с.
3. **Витгенштейн**, Л. Философские исследования. [Текст] / Л. Витгенштейн // Л. Витгенштейн. Философские работы: в 2 ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 83 – 90.

4. **Вайсман, Ф.** Как я понимаю философию. [Текст] / Ф. Вайсман // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 83 – 122.
5. **Хайдеггер, М.** Что такое – философия? [Текст] / М. Хайдеггер // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 145 – 158.
6. **Ясперс, К.** Введение в философию. [Текст] / К. Ясперс // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 224 – 235.

ГРНТИ 02.15.61

УДК124.5

Бухарцева Наталья Георгиевна

РАЗДВОЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХОВНОГО КРИЗИ- СА СОВРЕМЕННОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное общество, «те-
кучая современность», самопроектирование, внутренний
мир личности, выбор, ценности, свобода, границы свобо-
ды, духовность, духовный кризис современности, целост-
ность личности, основы стабильности общества

АННОТАЦИЯ. Описываются основные черты совре-
менной социальной реальности и те требования, которые
она предъявляет к самопроектированию личности. Лично-
стный проект рассматривается как единство внутреннего и
внешнего – духовных ценностей, определяющих меру сво-
боды самореализации в рамках собственного проекта, и
внешнего, как способности презентовать себя в соответст-
вии с требованиями общества. Раздвоение ценностного
мира личности рассматривается как форма проявления ду-
ховного кризиса современности.

**BIFURCATION OF THE VALUABLE WORLD OF
THE PERSONALITY AS A FORM OF MANIFESTA-
TION SPIRITUAL CRISIS PRESENT**

KEY WORDS: informative society, current reality, self-projecting, inner world of a person, choice, values, borders of freedom, morality, basis of society's stability, the spiritual crisis of modernity

ABSTRACT. The author makes an attempt to describe basic features of contemporary social reality and demands it makes to self-projecting of a person. Personal project is considered to be a unity of inner and outer i.e. moral values which determine a limit of self-realization in the frames of personal project; and outer ones as an ability to present yourself according to the requirements of the society. There has been an analyses of a model "Russian education - 2020" from the position of present days and moral values. The splitting of the valuable world of the individual is considered as a form of manifestation of the spiritual crisis of our time.

Особенностью современного этапа развития общества становится неустойчивость, постоянное изменение условий человеческого существования. Характеристиками нового социального хронотопа выступают уплотненное, за счет существования сети Интернет, пространство и резкое ускорение времени, что позволило Э. Бауману назвать общество XXI века «текучей современностью» [1]. Попробуем нарисовать образ человека соответствующего реалиям «текучейсовременности».

Как отмечает Э. Тоффлер, производящим классом информационного общества является когниториат, интеллигенция, а интеллектуальный труд по получению и использованию знания в прикладных видах деятельности станет ведущим ее видом. Человек будет обладать яркой индиви-

дуальностью, ибо резко возрастает возможность выбора собственного жизненного пути. « В новых обстоятельствах большинство человеческих жизней пройдут в мучительном выборе целей, а не в нахождении средств не требующих размышлений» [1, с. 69]. Неслучайно, одной из актуальных проблем современной философии становится проблема поиска идентичности. Возможность самотворчества, выбор системы ценностей, мобильность и способность к развитию – это те черты, которые формируют образ современного человека. «Современность, - пишет З. Бауман, - заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [1, с.39]. Смысл приведенного рассуждения очевиден, Если человек хочет самоутвердиться в современном мире, неустойчивом и постоянно меняющемся, состоящем из ситуаций риска и неопределенности, у него путь один – принять условия этого мира и научиться меняться, принять мобильность как один из критериев современной компетентности. Жизненный путь человека напоминает траекторию товара, появление которого на рынке всегда имеет свою историю, состоящую из взлетов и падений. «Проблема современной личности, отмечает Г.Л.Тулчинский, заключается в том, чтобы реализоваться как некий бренд – в буквальном смысле. Причем речь идет о конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации. Это буквально применение маркетинговой технологии: формирование собственной востребованности, спроса на себя – не только на рынке труда, но и в социальных отношениях, личной жизни, в быту. Более того, срок жизни такого личностного проекта совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов: 5 – 7 лет. И это совпадает с наблюдениями не только специалистов по маркетингу, брендингу и PR, но и психологов [6,с.57] .

Современные исследования реализации жизненных проектов и технологий больше всего внимания уделяют именно этой внешней стороне жизнедеятельности и ценностного мира личности, гипертрофирующейся в условиях «текучей современности». Часто реалии современной жизни порождают необходимость обучения искусству формирования собственного имиджа, умению самопрезентации с целью подчеркнуть выгодные стороны своей персоны, облачить ее в красивую упаковку, подать в выгодном свете такие свои качества, как «настойчивость», «напористость», «надежность», «тщеславие», «работоспособность», а на первое место в ценностной составляющей выводят прагматические ценности пользы и выгоды. Не случайно, бизнес-тренеры постоянно рассуждают о наличии «полезной» и «бесполезной» духовности. «Полезная» духовность представляется как «человеческий капитал», причем «человеческий капитал» толкуется исключительно как уровень образования, опыт работы, профессиональная компетентность, приносящая владельцу максимальную прибыль. Духовность как богатство и целостность внутреннего мира, человеческих качеств, эмоциональная и нравственная составляющая личности попадают в «бесполезную духовность», мешающую человеку постоянно меняться, исходя из принципа: «Я таков, каким ты хочешь меня купить» [7, с.227]. Такое положение в мире, по мнению Э. Фромма, характерно для рыночной личности. «Я выбрал термин «рыночная личность», - пишет Фромм, - чтобы подчеркнуть, что человек этого типа себя самого воспринимает как товар и свою ценность видит не в своей «потребительной стоимости», а в «меновой стоимости». Человек становится товаром на рынке личностей» [7, с.225]. Личностный фактор продолжает играть решающую роль, но значимость и соотношение человеческих и профессиональных качеств, все время колеблется. Успех в значительной мере зависит от того, как удачно человек

может себя продать, удовлетворив тем самым потребности общества

Э Фромм отмечает, что человек «рыночного типа» «не имеет своего эго, (каким располагал любой индивид в XIX веке), своего стержня, который должен его неизменно поддерживать [7, 226-227]. Социальную направленность подобного типа личности, Э Фромм называет «обладательно-потребительской ориентацией» [7, с.261]. Действительно, если современному человеку нельзя существовать, не продуцируя все новые и новые социальные роли, то это оборачивается утратой самого субъекта. Более, того, как отмечает С.В. Комаров, «чем понятнее, прозрачнее, даже примитивнее становится ролевое сознание, тем более проблематичными становятся целостность субъекта и единство его сознания» [3, с.17]. Как товар человек годится для одноразового использования, потребления, его можно заменить другим, человеческие отношения теряют свою ценность. Представление о «полтзной» и бесполезной» духовности представляют собой, на наш взгляд, одно из проявлений кризиса духовности в обществе потребления.

Нам представляется, что неперенным условием самореализации выступает гармония личности со своим внутренним миром и с социумом. При любой возможности трансформации и мобильности процесс изменения не может быть неопределенным, а предполагает существование границ. Такими границами выступает ценностный мир как регулятивное начало человеческого существования. В условиях «текущей современности» и потребительской индивидуализации чрезвычайно затрудняется установление длительных человеческих отношений. «Ненадежные экономические и социальные условия,- пишет З. Бауман, - учат людей (или заставляют их изучить трудный способ) воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, включая и других людей» [1, с.175]. У человека почти не остается близких, что приводит к серьезному кризису моральных ценностей.

Социальные последствия гипертрофии внешнего над внутренним не сводятся только к распространению постмодернистских дискурсов о «смерти автора», «смерти субъекта», а проявляются в негативных социальных явлениях жизни только для себя и ради себя, распаде семей, социальном сиротстве, падении рождаемости и распространении бездетности, эгоизме и равнодушии, обогащении любыми средствами, в том числе за счет стариков и детей, отсутствии социальной ответственности. Какой бы «текучей» не была современность, общество не может существовать без компонентов устойчивости. Как бы быстро не менялась социальная жизнь и требования общества к личности, изменчивость всегда существует в единстве с устойчивостью. Организация общества как совокупности социальных институтов, устойчивых форм организации совместной деятельности людей, выполняющих определенные функции, обеспечивает эту устойчивость. Организуя человеческую деятельность как определенную систему ролей и статусов, социальные институты устанавливают образцы поведения людей в различных сферах общественной жизни, регулируют человеческие отношения через нормы и предписания. Каким бы эффективным не являлся внешний контроль за поведением личности, европейская традиция понимания нравственности делает ставку на развитие внутреннего духовного мира как средства самоконтроля, как внутреннего оплота социальности и способности к организации совместной деятельности. И. Кант разработал понятие автономной личности, признающей всеобщий нравственный закон. Индивиды, принявшие порознь решение жить в соответствии с категорическим императивом, делают возможным всякие соглашения на основе взаимной выгоды. Реализуя собственные проекты, мы можем успешно конкурировать друг с другом на рынке труда, но живя в обществе нельзя забывать об общих целях и ценностях, поэтому богатство и целостность внутреннего мира, человеческих качеств, эмо-

циональная составляющая личности не могут составлять «бесполезную духовность». Границы меры возможной свободы действия определяет именно духовная составляющая личности. Духовность как основа социальности и критерий зрелости личности требует особого внимания общества, в том числе и системы образования. Увлекаясь технологиями проектирования и самопроектирования, современная система образования не должна игнорировать традиционные курсы, формирующие духовный мир личности – философию, культурологию, этику, эстетику, правоведение, количество часов на которые, игнорируя гуманитаризацию как тенденцию современного образования, постоянно сокращается. Правоведение, например, в образовательных программах бакалавриата превратилось в курс по выбору. В светском государстве вопрос о религиозной духовности решается на основе соблюдения права на свободу совести, поэтому данный вопрос каждый для себя решает индивидуально.

К.-Г.Юнг не случайно в качестве подлинной основы личности, центрального ее архетипа, цели процесса индивидуации, называет архетип «Самость». Индивидуация – означает лучшее и более полное исполнение коллективных качеств и целей человеческого бытия, одновременно это становление собой, постижение своей уникальности и неповторимости, собственного предназначения. Психологический рост личности, по Юнгу, означает движение от персоны к самости через осознание отдельных архетипов собственной личности. Развивая идеи К.-Г. Юнга, Фромм называет экзистенциальной готовность «отказаться от всяческих форм обладания ради подлинного бытия». Он связывает ее со способностью при любых обстоятельствах быть внимательным к людям, обладать умением радоваться возможности служить им, а не только копить богатство и эксплуатировать других как средство создания богатства [8,с.259], обладать возможностью быть самим собой, любить себя и быть способным любить другого.

Подводя итог сказанному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что духовность не может оцениваться с позиций полезности и бесполезности, с позиций изменчивости, доминирующей над устойчивостью, с позиции свободы, исключающей осознание своих границ и ответственности за результат собственных действий. Выявленная тенденция разделения ценностного мира личности на востребованный современностью и невостребованный ею, можно рассматривать как форму проявления кризиса современной духовности. Духовность выступает как основа любого личностного проекта, делая его социально значимым, то есть укрепляющим общество и его основы.

Список литературы:

1. **Бауман**, З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман.- СПб.: Питер, 2008.- 240с.
2. **Бухарцева**, Н.Г. Образование как средство самореализации личности в условиях глобализации[Текст] / Н.Г. Бухарцева // Педагогическое образование в России. 2010 .№ 4, с.28-33
3. **Комаров**, С.В.Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. [Текст] /С.В. Комаров – СПб., 2007. – С. 726
4. **Проективный философский словарь**. [Текст] Выпуск 3 / Философские науки. 2009. № 11. С. 137-150.
5. **Тоффлер**, Э. Шок будущего [Текст]. / О. Тоффлер.- М.: Аст, 2008.-557с.
6. **Тульчинский**, Г.Л. Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия[Текст] / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. 2009. - №9. - С. 47-60.
7. **Фромм**, Э. «Иметь» или «быть»? [Текст] / Э. Фромм.- М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012.- 314 с.
8. **Юнг**, К.-Г. Проблемы души нашего времени[Текст]/К.-Г. Юнг.М.: Прогресс.- 350с.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысложизненные ценности, смысл, экзистенциальные ценности, профессиональные ценности, смысловой конструкт, смысложизненные ценности как основа мотивации, смысложизненные ценности в образовании.

АННОТАЦИЯ. В статье показывается, что смысложизненные ценности формируются человеком на определенной мировоззренческой (философской или религиозной) основе и являются своеобразной интеграцией системы ценностей, которые функционируют в данную культурно-историческую эпоху. Человек, осуществляя поступок и анализируя его следствия, создает себя, консолидируя смысл своей жизни. Для эффективности образовательной деятельности аспекты формирования смысложизненных ценностей должны быть в центре научно-исследовательского внимания.

*Vorobyova Marina Anatolyevna
Signayevskaya Olga Romanovna*

VALUES OF THE MEANING OF LIFE: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

KEY WORDS: values of the meaning of life, meaning, existential values, and professional values, semantic construct, values of the meaning of life as the basis of motivation, values of the meaning of life in education.

ABSTRACT. This paper shows that the values of the meaning of life are formed by man at a certain worldview (philosophical or religious) basis and are a kind of integration of the system of values that operate in a cultural-historical epoch. Man carrying action, and analyzing its consequences, creates itself, consolidating the meaning of his life. To be effective, educational activities aspects of formation of values of the meaning of life should be the focus of research attention.

Своеобразие проблемы смысла жизни обнаруживается, в частности, в том, что, являясь одной из ранних философско-этических и психологических проблем, она сохраняет постоянную значимость, изменяя свою содержательную и эмоциональную окраску в зависимости от специфики конкретного исторического фона и особенностей индивида, который старается найти ее решение. Что же такой смысл?

Выделим несколько определений наиболее адекватных для философско-психологического анализа [5]. *Во-первых*, смысл представлен в сознании субъекта в виде некоего конструкта, который имеет достаточно устойчивое самостоятельное положение. *Во-вторых*, смысл, являясь доминантным образованием, формирует связи между отдельными процессами и явлениями в структуре личности субъекта. *В-третьих*, смысл, так или иначе, определяет характер взаимодействия субъекта с окружающим миром, в том числе регламентирует поведение и деятельность субъекта. *В-четвертых*, система смысловых конструктов является значимой характеристикой личности субъекта в целом.

Философский аспект проблемы раскрывает философия И. Канта. Смысл жизни не вне, а внутри человека, он имманентен личности. Фактором, образующим смысл жизни, является идея, которая принимает вид этического закона, обязанности, которая доведена до полноты понимания высшего блага, внутренне переживаемого человеком как одухотворенно-приподнятое: 1) смысл жизни не существует сам по себе, как некий атрибут реальности вообще, он

— в осознании индивидом своего человеческого бытия; 2) именно человеческий смысл дает индивиду в жизненных ситуациях ориентир добровольного самоподчинения этическому закону, который поднимает человека над его собственной природой. Условием и духовной формой такого возвеличивания человека над собой есть осознание им своего места в мире [4, с. 11].

И.Г. Фихте видел смысл жизни в достижении индивидом полнейшего согласия с самим собой, в деятельности, в том, чтобы человек стал свободным умным существом. Понимание смысла жизни у Фихте основывается на концепции природы человека, согласно которой каждое животное является тем, что оно есть, и только человек — сначала ничто, но тем, чем он должен быть, он может сделаться, и сделаться сам, через собственную свободу. Я могу быть только тем, чем я себя сделаю сам» [3, с. 13], то есть смысл жизни состоит в развитии человека, адекватном его собственной природе, а также в полноценном становлении личности.

М.М. Рубинштейн в своем исследовании «О смысле жизни» оценивает как «интересную и поучительную» попытку охватить всю полноту действительности и решить проблему смысла жизни в философской системе Гегеля, которая представляет собой диалектическое единство трех линий развития: человеческого познания и его логики; форм бытия мира; ряда ценностей, которые бесконечно обогащаются. Именно поэтому всякое отдельное бытие и может быть понято как звено в цепи триединого мирового процесса, и тем самым может быть определен его смысл. Однако в этой системе единичное, индивидуальное, личностное приносится в жертву общему, целостной системе, абсолюту [6, с. 68-71].

Система смысловых конструктов включает смыслы, связанные с профессиональной деятельностью человека, формирующиеся, развивающиеся и актуализирующиеся в ней и, в то же время, во многом определяющие особенно-

сти ее осуществления. Таким образом, профессиональные смыслы субъекта и смысл жизни в целом взаимно формируют и взаимно развивают друг друга. Смысложизненные ценности и ориентиры являются основой профессиональной трудовой мотивации [3].

Смысл жизни – это «ценность и одновременно переживание этой ценности человеком в процессе ее выработки, присвоения или осуществления» [1, с. 72—73]. В отличие от мотивов, которые в психологии рассматриваются как выражение потребностей, смысл жизни следует понимать не только как стремление к чему-то, не только как будущую цель, которая определяется мотивом, но и как переживание, которое имеет место в процессе реализации данного мотива. Смысл жизни — это «психологическое средство переживания жизни в процессе ее осуществления» [1, с.92].

Согласно концепции поступка феномен смысложизненных ценностей следует отнести к последствию поступка. Поступок как объяснительный принцип психологии признается более удовлетворительным, чем рефлекс или действие именно потому, что его можно распространить на сложные феномены смысловой сферы личности без редукции особого содержания последних [2]. Поступок является опосредующим звеном между психикой и ее объективным коррелятом (миром, другими людьми), между психикой и телом, а также между структурными компонентами психического. Поступок представляет собой способ самодетерминации человеческого поведения на основе самопознания и самотворчества и связан с формированием смысла жизни.

Таким образом, смысл жизни как объект философско-психологического исследования в структуре личности нужно рассматривать с различных сторон, предполагая усовершенствование, углубление различных функций индивида (когнитивных, социальных, биологических) в процессе формирования личности. Насколько взаимосвязано

развиваются все эти процессы, настолько завершенным и значимым оказывается смысложизненные ценности формирующейся или уже сформированной личности.

Итак, процесс поиска смысложизненных ценностей человеком чрезвычайно сложен. И содержание этого процесса обусловлено особенностями социальной среды, воспитания, индивидуальными потребностями и желаниями, которые могут и не осознаваться (уровень индивидуального бессознательного), социальной наследственностью («родовой» или «коллективной») и др. Для организации эффективного воспитания и образования все эти факторы должны учитываться в полной мере.

Список литературы:

1. **Абульханова-Славская, К.А.** Стратегия жизни. [Текст] / К.А. Абульханова-Славская - М.: Мысль, 1991.
2. **Воробьева, М.А.** Педагогическая антропология И.Канта сегодня [Текст] / М.А. Воробьева // Философия и наука: Материалы III межвузовской науч. – практ. конф. / Урал. гум. инст-т. – Екатеринбург, 2004. С. 14-19.
3. **Зеленкова, И.Я.** Проблема смысла жизни (опыт историко-этического исследования) [Текст] / И.Я. Зеленкова - Минск: Изд-во «Университетское», 1988.
4. **Кант, И.** Критика практического разума [Текст] Сочинения в 6 т. / И. Кант - М.: Наука, 1966. Т. 6.
5. **Москаленко, А.Т.** Смысл жизни и личность [Текст] / А.Т. Москаленко; Сержантов В.Ф. - Новосибирск, 1989.
6. **Рубинштейн, М.М.** О смысле жизни [Текст] / М.М. Рубинштейн. - М., 1927.
7. **Сигнаевская, О. Р.** «Мир человека» в контексте смыслов философии постмодерна: смыслотворческая природа духовности [Текст] / О.Р. Сигнаевская // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Journal - ESSJ). – Москва – Рига, 2012.- № 1. – С.21-24.

8.Сигнаевская, О. Р. Мир Человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна [Текст] / О.Р. Сигнаевская // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Челябинск, 2012. - № 4. – С. 11 – 16.

ГРНТИ 02.15.51

УДК 01

Гаврилов Михаил Александрович

ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Философия, духовные практики, античность.

АННОТАЦИЯ. Античная школа философии богата не только дискурсивным материалом, но и большим количеством практик. Что делает ее интересной в рассмотрении применения философии в жизни человека.

Gavrilov Mihail Aleksadrovich

THE SPIRITUAL EXERCISES OF ANCIENT PHILOSOPHY

KEY WORDS: Philosophy, spiritual practices, antiquity.

ABSTRACT. Ancient school of philosophy is rich not only discursive material, but also a large number of practices. What makes it interesting in considering the application of philosophy in human life?

«Все те, кто у греков и у варваров упражняются в мудрости, стремясь к жизни мирной и безмятежной, они созерцают природу и все, что она представляет. Они упражняются в безразличии к безразличным вещам, они вооружены против удовольствий и желаний, одним словом, стремятся быть выше страстей, не сгибаясь под ударами судьбы, поскольку заранее предвидели ее выпады».

Филон Александрийский (De specialibus legibus. II, § 44)

Таким образом, философия для античного периода представлялась как упражнение мысли, воли, всего существования индивида, чтобы попытаться подойти к некоторому состоянию — мудрости, которое, кстати, было почти недоступно для человека. Философия была методом духовного прогресса, требующим радикального преобразования образа бытия, ибо мудрость не только позволяет познавать, она заставляет «быть» по-другому. Парадокс и величие античной философии заключаются именно в том, что она прекрасно осознавала тот факт, что мудрость недоступна, и в то же время была убеждена в необходимости продолжать духовный прогресс. Мудрость была образом жизни, приносившим с собой спокойствие души (*ataraxia*), внутреннюю свободу (*autarkeia*). Прежде всего, философия представлялась, как врачевание, предназначенное для излечения беспокойства. Эту тему можно напрямую найти у *Эпикура* в письме к *Пифоклу*: «...наука о небесных явлениях не служит никакой иной цели, кроме как безмятежности духа и твердой уверенности». Можно было бы сказать, что отличие античной философии от современной философии состоит главным образом в том, что в античной философии не только *Хрисипп* или *Эпикур* считаются философами, потому что они развивали философскую речь, но равно всякий человек, живущий согласно наставлениям *Хрисиппа* или *Эпикура*. Так политический деятель, как *Катон Утический* считается философом и даже мудрецом — хотя он ничего не написал и ничего не преподавал, — потому что его жизнь была соответственная рамкам догм стоической школы [1].

Подобная точка зрения на эллинский период философии представлена в трудах французского философа *Пьера Адо*, который характеризует античного философа, как человека живущего любовью к мудрости, для коего это сознательный и свободно избранный образ жизни. Развивая идею «образа жизни», Адо на примере античных школ филосо-

фии, приводит примеры четкой зависимости философского дискурса и философской жизни, на примере духовных упражнений. Античная философия опирается на опыт индивида, имеющий в себе не только следствия работы разума, но и чувств. Подчеркнем назидательно-преобразовательную, а не только объяснительно-образовательную функцию философии античности, чего нельзя сказать, а более поздних течениях. Равнозначность философского дискурса и практики, вот что отличает философию древних греков, тех, что не только рассуждали, но и жили своими идеями. Связь практики и дискурса в философии четко определена духовными упражнениями. Вот одно из определений для данного элемента философии: «...преобразование, прибегающего к ней индивида в физическом аспекте (режим питания), дискурсивном и интуитивном (созерцание)». Т.е. духовная практика направлена на самопреображение личности и затрагивает все аспекты личностного существования. Философская жизнь и философский дискурс соотносятся, с точки зрения Адо, диалектически: они и несоизмеримы, и нераздельны. Они несоизмеримы, поскольку философская жизнь может обойтись и без философского дискурса, которому к тому же и не под силу выразить всю глубину ее экзистенциальной подоплеки, подчас связанной с экстраординарным опытом. Они нераздельны, поскольку их всесторонняя взаимозависимость обуславливает полноту философского мировосприятия, осознанно доведенного до практической реализации.

Иначе говоря, во-первых, философский дискурс, определенный жизненным выбором, «озвучивает» и концептуально обосновывает этот выбор. Во-вторых, дискурс, выражая некое экзистенциальное предпочтение, становится средством активного воздействия философа на самого себя и на других и тем самым, «выполняет образовательную, воспитательную, психологическую, целительную функцию». В-третьих, он, представая в форме диалога мысли-

теля с самим собой или с другими, является упражнением в философском образе жизни [2, с.191]. Рассматривая работы по анализу трактатов различных античных школ, мы видим, что абсолютно все они акцентировали данную связь и предупреждали об опасности, которой подвергается философ, возомнивший, будто его философский дискурс может быть самодовлеющим и не требует от него философской жизни. Во все времена порицали тех, кто, по словам платоника *Полемона*: *«стремится всех удивить своей искусностью в силлогистической аргументацией, но противоречит сам себе в распорядке собственной жизни»*. Людей, которые развивают дискурс, по видимости философский, но не основанный на их опыте и на их жизненных принципах, людей, которые не стремятся согласовать со своими речами собственную жизнь. И наоборот, философская жизнь не может протекать без порождаемого и вдохновляемого ею философского дискурса. Он составляет ее неотъемлемую часть.

Отношение между философской жизнью и философским дискурсом можно рассматривать в трех аспектах, впрочем, тесно взаимосвязанных. Во-первых, дискурс оправдывает жизненный выбор и развивает все вытекающие из него следствия: мы могли бы сказать, что в своеобразной взаимообусловленности жизненный выбор определяет дискурс, а дискурс определяет жизненный выбор, теоретически обосновывая его. Во-вторых, чтобы вести жизнь философа, надо работать над самим собой и убеждать других, и в этом плане философский дискурс, если он поистине выражает некоторое экзистенциальное предпочтение, служит необходимым средством воздействия. В-третьих, философский дискурс есть один из видов упражнения в философском образе жизни — в форме диалога с другими или с самим собой.

К сожалению письменных образцов, по тематике «духовных упражнений» ни так уж и много, к примеру, трактат *Мусония Руфа* «Об упражнениях». В данном

произведении рассматриваются упражнения для души, духа и тела общие.

- Упомянув диалог, как один из видов духовного упражнения, безусловно, следует отметить следующий момент, данное упражнение характерно абсолютно для всех школ античного мира и основоположником его можно считать *Сократа*, как человека вставшего в основании развития эллинского образа философской школы. Именно его ученики на основании «сократовских диалогов» развили античную философию. Сократический диалог представляется, таким образом, как практикуемое совместно духовное упражнение, которое призывает к внутреннему духовному упражнению, то есть к нравственной самопроверке, к вниманию к себе, словом, к знаменитому «познай самого себя». Если первоначальный смысл этой формулы и трудно воспринять, мы, тем не менее, понимаем, что она приглашает к соотнесению с самим собой, которым задается основа всякого духовного упражнения. «Познать самого себя», — это либо признать себя, как не-мудреца (то есть не как *sophos*'а, но как *philo-sophos*'а, то есть ищущего мудрости), либо познать себя в своем сущностном бытии (то есть отделить то, что не есть мы, от того, что есть мы сами), или же познать себя в своем настоящем моральном состоянии, то есть проверить свою совесть.

- Общим для школ античности было так же упражнение аскезы, т.е. в управление самим собой. Каждое направление накладывало свои черты на упражнение согласно своим догмам.

- «Упражнение в научении смерти» для *Платона* упражнение в смерти является духовным упражнением, которое заключается в смене перспективы, в том, чтобы перейти от видения вещей, в котором преобладают индивидуальные страсти, к представлению мира, которое управляется универсальностью и объективностью мысли.

- Так же упражнением служил самоанализ. *Сенека* приводит такое сравнение с судебным процессом: «Сначала выступи против самого себя обвинителем, затем — судьей и только под конец — защитником».
- Отношение к миру и его созерцание, являлось важным аспектом и во многом благодаря данному упражнению, мы имеем многие научные дисциплины познания мира. *«Следует давать определение или описание каждого представляемого предмета, чтобы без покрова и в расчленении всех частей видеть самую его сущность и называть его и все то, из чего он состоит и на что разложится, соответствующими именами»*, - утверждал *Марк Аврелий*.

Проходя через столетия развития античной мысли духовные упражнения, были верными соратниками всех тех, кто стремился к мудрости, но переход к периоду раннего христианства и последующему теологическому взгляду на картину мира, начал процесс абстрагирования философского дискурса от практики. Оставляя духовные упражнения в праве церкви, несмотря на внесение в философию мистерий, поздними античными школами. Далее же, еще более укрепляя разрыв между теоретической и практической стороной, вследствие нового взгляда, основанного на работах *Р. Декарта* «Рассуждения о методе», философия утверждается как наука абстрактная и оторванная от реалий простого обывателя. И лишь конец XIX начало XX выявляет необходимость в насыщении философии духовными упражнениями, вследствие «экзистенциального голода» общества и его отдельных представителей. Анализ материала выявляет большую значимость применения в жизни данных упражнений, что может послужить «лечением душ» и ориентиром в парадигме современной философии: опыт прошлых веков наставляет. С точки зрения дальнейшего рассмотрения данного вопроса вызывает заинтересованность, причинно-следственная связь отхода от духовных практик в период раннего христианства в философии. А так же позиция философских течений по вопросу

духовных практик в эпоху Возрождения и дальнейшего становления естественно научного взгляда на мир.

Список литературы:

1. **Адо, П.** Что такое античная философия [Текст] / П. Адо.- М. : Проспект, 1999.
2. **Адо, П.** Духовные упражнения и античная философия [Текст]/П. Адо. – М. : Проспект, 1999.
3. **Лосев, А. Ф.** Истории античной философии в конспективном изложении [Текст] / А.Ф. Лосев. - М., Мысль, 2007.
4. **Габриэль Марсель.** Опыт конкретной философии [Текст] / Г. Марсель. - М.: Политиздат, 2010. – 381 с.
5. **Фуко, М.** Герменевтика субъекта [Текст] / М. Фуко. - М. : ПЕРСЭ,2008.

ГРНТИ 13.17

УДК 177.2

*Жамбацэрэн Намжилсурэн
Руженцева Наталья Борисовна*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ФОРМАТАХ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Монголия, Россия, межкультурная толерантность, стереотип, формат дискурса, живопись, публицистика, художественная литература, реклама, Интернет-дискурс, дискурс СМИ.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена формированию межкультурной толерантности в российско-монгольских отношениях. Обращение к разным форматам дискурса позволило авторам проследить путь замены негативных стереотипов о Монголии позитивным восприятием ближнего соседа. Авторы приходят к выводу о том, что российская культура сыграла важнейшую роль в преодолении различий между россиянами и монголами и стала средством

уменьшения дистанции между двумя странами и культурами.

*Ruzhentseva Natalia Borisovna
Gambaceren Namgilsuren*

INTERCULTURAL TOLERANCE IN THE FORMATS OF RUSSIAN-MONGOLIAN ETHNIC-DISCOURSE

KEY WORDS: Mongolia, Russia, intercultural tolerance, stereotype, discourse, painting, journalism, literature, advertising, Internet discourse, media discourse

ABSTRACT. The article is devoted to the formation of intercultural tolerance in Russian-Mongolian relations. Appeal to different forms of discourse allowed the authors to track the replacement of negative stereotypes about Mongolia's positive perception of the near neighbor. The authors come to the conclusion that Russian culture has played a crucial role in bridging differences between Russians and Mongols and became a means to reduce the distance between the two countries and cultures.

Стереотипное восприятие Монголии имеет в России исторические корни и связано с именами Чингизхана, его сыновей и внука – хана Батыя, который в 1237-40 гг. совершил завоевательный поход в Восточную Европу, приведший к установлению на Руси монголо-татарского ига. «Среди свойств стереотипов, которые являются наиболее важными для процессов межкультурной коммуникации, необходимо выделить устойчивость и определенную инертность к новой информации, эмоционально-оценочный характер, согласованность» [7, с. 45]. Общие свойства стереотипа (устойчивость и инертность) во многом детерминируют отмечаемую рядом исследователей

интолерантность (нетерпимость) русской культуры, ср.: «Причина кроется в особенностях исторического развития России. Многовековая борьба с внешними врагами, колоссальным социальным гнетом, выживание в непростых природно-климатических условиях приучили русский народ к сплочению ради выживания, к совместному противостоянию всем чужим. Для русской ментальности характерен приоритет общего над индивидуальным, а ведь общее, как правило, предполагает доминирование одного мнения, одной позиции, в то время как индивидуальное – это основа многообразия. Вследствие этого у русских сформировалось биполярное сознание и мышление, которые основаны на жестком противопоставлении «свои-чужие», понимание чужого как плохого, опасного» [1, с. 83].

Однако в отношении россиян к ближнему соседу – Монголии - интолерантный стереотип давно уже перестал быть устойчивым и стал заменяться стереотипом толерантным. Причиной подобного процесса является поступление новой информации: «На устойчивость стереотипов могут влиять различные ситуации, возникающие в процессе межкультурного общения. Новая информация об участниках межкультурного взаимодействия способна существенно подорвать предыдущую картину мира, встроенную стереотипами. Поэтому можно говорить, что устойчивость стереотипов имеет свои границы» [7, с. 45].

Трансформация стереотипа о Монголии происходит под влиянием вброса новой информации об этой стране. Позитивная информация о Монголии активно вносится в сознание россиян уже приблизительно 150 лет. Это ломает негативный стереотип, исторически сложившийся в народном сознании, и ведет к формированию такого феномена, как межкультурная толерантность.

Под межкультурной толерантностью вслед за П.А. Амбаровою мы понимаем «наиболее широкое в содержательном плане понятие, которое означает терпимое отношение к ценностям, нормам, традициям другой культуры, при-

знание ее значимости и права на существование и полноценное развитие» [1, с. 45]. Для целей нашей публикации важна также мысль П.А. Амбарово́й о том, что «степень толерантности межкультурных отношений определяется как объективными факторами (менталитетом, политическим устройством, условиями межкультурного контакта и т.д.), так и субъективными факторами, действующими на личностном уровне (владение языком, знание культуры в целом, влияние стереотипов и др.) [1, с. 89]. В свою очередь, вброс новой информации, способствующий формированию межкультурной толерантности, вот уже длительное время происходит в рамках различных форматов межнационального дискурса. «Под межнациональным дискурсом, с одной стороны, мы понимаем речь и ее порождение – текст, взятые в контексте межнационального взаимодействия. С другой стороны, межнациональный дискурс можно рассматривать как совокупность самых разных дискурсивных практик (частных разновидностей дискурса, его форматов), включающих развернутые во времени прямые и опосредованные контакты взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, а часто и к языковым семьям» [5, с. 12].

Какие же форматы межнационального дискурса способствовали и способствуют трансформации негативного стереотипа россиян о Монголии? Мы с уверенностью можем отнести к ним: публицистический, художественный, научный, политический, рекламный форматы, а также дискурс СМИ, Интернет-дискурс и дискурс живописи. Попробуем обосновать свою точку зрения.

Позитивный образ Монголии стал складываться в начале XX века в дискурсе живописи в связи с возросшим интересом к восточной тематике: «Восточная тема, в начале XX века заново открытая для русского искусства П.В. Кузнецовым, обретает теперь особую актуальность» [6, с. 81]. Однако П.В. Кузнецов и советские художники обращались к среднеазиатским реалиям (П.В. Кузнецов: «Мираж в сте-

пи», «Вечер в степи», «В степи»; Р.М. Мазель «В юрте» и др.), собственно же монгольскую тему отразил в своем творчестве Н. Рерих: картины «Гэсэр-хан» (герой монголо-тибетского эпоса), «Великий всадник», «Юрты. Монголия» и другие. Экспедиции Н. Рериха приносили богатейший художественный материал, свидетельствующий о любви к Востоку и об уважении к его ценностям: «Летом 1926 года экспедиция из Москвы едет на Алтай. Затем по железной дороге через Сибирь перебрасывается в Монгольскую Народную республику, в Улан-Батор, откуда начался трудный изнурительный путь по пустыне Гоби, Цайдаму и Тибету» [3, с. 31]. Свои картины Н. Рерих приносил в дар не только правительству СССР, но и правительствам других стран. Так, картина «Великий всадник» «была подарена Рерихом в 1927 году правительству Монгольской Народной республики» [3, с. 36]. Огромнейший авторитет Н. Рериха во многом сформировал культурологический тезаурус россиян в отношении Востока в целом, и Монголии – в частности, и во многом трансформировал их взгляды и оценки.

Однако еще до формирования позитивного образа Монголии в дискурсе живописи такой образ стал складываться в научном дискурсе (точнее – в его популярной разновидности). Связано это, прежде всего, с именем выдающегося русского путешественника Н.М. Пржевальского, ср.: «Протяжение рабочих маршрутов Пржевальского достигло 33268 км, из которых 31551 км приходится на территорию Китая и Монголии. Путешествия Пржевальского в Центральную Азию были полны замечательных географических открытий и дали разнообразные научные результаты, что особенно важно было в 19 в., когда страны Центральной Азии были почти неизвестны в Европе... Труды Пржевальского, написанные с большим литературным талантом, в короткое время завоевали широкую известность и были изданы на многих иностранных языках» [БСЭ].

В советское время научно-популярный формат российско-монгольского дискурса обогатился книгой И. Ефремова «Дорога ветров (Гобийские заметки)», в которой автор описывает палеонтологические экспедиции АН СССР в Монгольскую Народную Республику в 1946-1949 годы. Цель автора – оживить интерес к Монголии, информировать об этой стране и привлечь к ней внимание массового адресата – манифестирована уже в предисловии: «Ни одного слова выдумки, ни не соответствующего действительности приукрашивания или художественного преувеличения в книге нет. Все написанное – подлинная правда. Если после прочтения настоящей книги у читателя при словах Хонгор, Нэмэгту, Цаган-Богда возникнут перед глазами картины, рисующие черные пустыни Заалтайской Гоби, если читатель услышит шелест деревьев на большой караванной тропе и если перед ним оживут торчащие из обрывов белые кости вымерших животных, тогда цель моей книги можно считать достигнутой».

Толерантному отношению русскоязычного читателя к Монголии способствует не только уровень логической информации текста книги, но и уровень эмоциональной информации. Приведем, например, заголовки глав, которые формируют ассоциативное поле, включающее смыслы «красота», «загадка», «тайна», «экзотика», «историческая память», и создают образ путешественника, открывающего для себя мир неведомых просторов Монголии, монгольского языка и культуры:

КОСТИ ДРАКОНА (ЛУУНЫ ЯС)

Книга первая

Древняя суша

За тремя Прекрасными

Красный лабиринт

Останец Сундж

Путь на восток

«Богатый стол»

Домой

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ (ГАЗРЫН ДУРГСТАЛ)

Книга вторая

За скелетом неведомого зверя

Штурм Нэмэгэту

В лабиринтах ущелий

Узкая синяя Гоби

Вдоль подножия Алтая

Голубые маяки Долины Озер

По хангайским степям

На дальний запад

Через разливы рек

Могила Дракона

Разгадка «Красной гряды».

Дискурс художественной литературы на русском языке тоже неоднократно формировал толерантное отношение к Монголии, снимая негативные исторические коннотации, и связано это с рядом известных писательских имен. Приведем лишь два из них - это В. Ян и Ю. Герман. Даже в исторических романах о татаро-монгольском нашествии на Русь («Батый», «К последнему морю») есть фрагменты, свидетельствующие о толерантности русских к завоевателям. Толерантность, о которой свидетельствуют данные сцены, можно определять как «качество, которое характеризует отношение к представителю другой культуры как к равно достойной личности» [Стадников 2007: 48], ср, например, сцену, в которой русская женщина спасает сына монгольского полководца:

Она (Опалениха) быстро сбежала по ступенькам. Сильной рукой оторвала Субудая от сына. Уверенными, спокойными движениями развязала и сняла тело Урянх-Кадана, взвалила себе на плечо и, осторожно придерживая, поднялась по ступенькам, вошла в сени и положила замерзшего на соломе.

Князь Глеб оказался тут же. Опалениха, стоя на коленях, расстегивала замерзшему одежду и приговаривала:

- Жив еще покойничек! Мне не впервой застывших оттирать. Дайте суконку, войлок, лампадное масло и миску снега...

Долго возилась Опалениха. В сенях стало тепло и душно от набившихся нукеров. Наконец раскрылись глаза, взгляд, далекий и неясный, скользнул по собравшимся, остановился на искривленном лице Субудай-багатура и засветился сознанием» (В.Ян «Батый»).

Во второй части известной трилогии Ю. Германа «Дело, которому ты служишь», реализуется этот же аспект межкультурной толерантности - «настроенность на равноправный межкультурный диалог, право личности на сохранение автономии» [7, с. 48]. Главный герой трилогии, врач В. Устименко, направлен наркоматом в Н-скую республику, в которой по деталям читатель сразу же узнает Монголию. Именно отношения равноправия с жителями Монголии пытается выстроить Устименко, попав в крайне тяжелые условия работы и жизни в этой стране:

Он был самим собой, даже чуть строже. Он внимательно прислушивался, приглядывался, запоминая, как едят, как пьют, как здороваются, как благодарят. Он искал те черты, за которые потом следовало уважать эту страну и ее людей, он искал характер народа, его отличительные, главные признаки. Пока это было трудно, даже невозможно – найти и понять, но одно ему стало ясно: все эти миссионерско-интеллигентские рассуждения о «больших детях» - вранье. С этими не слишком болтливыми, гостеприимными и суровыми людьми следовало держаться наравне, спокойно, серьезно и уважительно.

Ю. Герман снимает негативные читательские аттитюды (установки, реакции) в отношении Монголии и ее народа рядом очень сильных сцен российско-монгольского взаи-

модействия, например, сценами совместной борьбы с чумой:

- *Обратитесь за помощью в противоэпидемическое управление в Москву, - сказал Володя. – Вам помогут.*

- *Война!* – произнес Тод Жин.

- *Помогут!* – повторил Володя. – *Непременно помогут!* Я ручаюсь, слышите, товарищ Тод-Жин? Там умные люди, они понимают, какое бедствие постигло вашу республику, - они непременно помогут.

- *Хорошо, так, да, - задумчиво и медленно произнес Тод-Жин...*

Ночью Володя получил телеграмму – длинную, на нескольких бланках. Тод-Жин извещал, что Москва помогла, самолеты с медикаментами, медицинским оборудованием и врачами уже вылетели. Во главе экспедиции профессор Баринов. Сам Тод-Жин с секретарем трудовой партии прилетит завтра.

В заключительной сцене книги (проводы В. Устименко) Ю. Герман прямо противоречит известной реалистической теории Д.Т. Кэмпбелла, который утверждает, что реальная угроза увеличивает непроницаемость групповых границ. По Ю. Герману, реальная угроза УМЕНЬШАЕТ непроницаемость групповых этнических границ при условии межнационального и межкультурного взаимодействия:

Кони храпели и пугались, народу становилось все больше и больше, а на выезде из Кхары Володя увидел отца Ламзы, который стоял над дорогой со своими охотниками. Их было много, с полсотни народу, и все они держали ружья на холках коней. Володю они встретили залпом вверх – один раз и другой, а потом их великолепные, маленькие, гривастые кони пошли вперед, наметом, чтобы дальние кочевья готовились к проводам советского доктора Володи.

В настоящее время формирование толерантного отношения россиян к Монголии лежит в плоскости трех фор-

матов: рекламного, публицистического и Интернет-дискурса.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам подробно остановиться на рекламном дискурсе, точнее, на семиотической технике переноса ценностей с рекламного образа на рекламируемый объект. Скажем лишь, что в рекламе монгольских товаров сама страна часто выступает как своеобразный бренд, которому рекламопроизводители стараются придать черты мифа, чтобы обеспечить максимальную привлекательность: «Бренд мифичен, потому что он ярче, необычнее и проникновеннее, чем повседневный мир» [2]. Приведем лишь несколько наименований монгольских товаров, в которых актуализируются реалии страны: *плед «Гоби», плед «Барханы», плед детский «Верблюжонок», одеяло «Ветер пустыни» и т.д.* [<http://www.amrag.ru/catalog/?catmode=vendor&catvendorid=1>]

В Интернет-дискурсе толерантное отношение к Монголии формируется прежде всего на русскоязычных сайтах культурологической направленности («Все о Монголии, путешествия, туризм, жизнь и прошлое в Монголии»; «Монголия сегодня»; «Современная жизнь в Монголии»; «Монголия в СМИ»), на сайтах рекламной направленности, а также в блогах. Приведем выдержку из блога [<http://mongol-note.blogspot.ru/>], который можно однозначно расценивать как происходящий в благоприятной коммуникативной среде культурный диалог – «особый уровень коммуникативного процесса, на котором происходит слияние участников межкультурной коммуникации» [1, с. 59]:

Здравствуйте! Меня зовут Ирина. В феврале 2009 года мы с мужем и дочкой приехали жить и работать в монгольский город Эрдэнэт. Тут у меня родилась идея завести дневник, чтобы записывать свои впечатления, а также разные события и интересные факты об этой удивительной стране. Сокровищ тут не перечесть: это и полезные

ископаемые, и удивительной красоты природа, и уникальный местный колорит, и конечно, живущие здесь люди.

Записи Ирины демонстрируют ее желание познакомить россиян с Монголией, открыть неизвестные факты, поделиться впечатлениями и сведениями культурологического и лингвокультурологического характера, что отражается в тематике ее записей:

Путешествие в Шамбалу

Монгольские имена, связанные с животноводством

Монгольские ковры и т.д.

Наконец, остановимся на таком средстве формирования межкультурной толерантности россиян к Монголии, как русскоязычная пресса (газеты), издаваемые в Монголии. По данным А.В. Михалева, таких газет две: «Новости Монголии», которая, начиная с 1940-х годов, освещает проблемы политического развития Монголии (тираж – 200-300 экземпляров), и «Монголия сегодня» (тираж около 300 экземпляров). Есть и приложение к «Монголии сегодня» – «Вестник центра «Москва-Уланбатор», которое издается при поддержке представительства правительства Москвы и Монголии [http://dobrodeya.ucoz.de/index/russkie_v_mongolii/0-575].

Эти издания ориентированы на специфического адресата - «субъекта массовых представлений», под которым понимается «культурно-историческая общность, объединенная сопредельной территорией, культурой, историей, языком, информационным пространством, сходством обычаев, мифов. И сходство это осознается всеми представителями этой общности» [2, с. 606]. Таким субъектом (адресатом русскоязычной монгольской прессы) является «русскоязычное население Монголии, которое включает в себя не только «местнорусских», но и российских рабочих, учителей, а также сотрудников дипломатических служб. За пределами Монголии «Вестник не выходит», равно как и газеты «Новости Монголии» и «Монголия сегодня» [2].

Ограничения в объеме публикации не позволяют нам дать детальный лингвистический, лингвопрагматический и культурологический анализ монгольской русскоязычной прессы, и в том числе – языковых и речевых средств формирования межкультурной толерантности. Приведем лишь выводы А.В. Михалева по поводу тематического содержания приложения «Вестник»: «Во-первых, основные публикуемые сюжеты связаны с понятием «Родина», с ее образом и заботой о соотечественниках. Во-вторых, это темы, связанные с православием и его ролью в жизни «местно-русских» Монголии. В-третьих, сюжеты, связанные с «историей русской диаспоры в Монголии» (это словосочетание прямо присутствует в заголовках русскоязычных газет» [2]. Тематика прессы отражается и в языке публикаций: «Анализируя дискурс прессы, мы находим частые словосочетания «российская диаспора» и «русская культура». Не менее операциональным является термин «Русский мир», применяемый как синоним к «российской диаспоре». Так формируется образ Родины, постоянно заботящейся о положении соотечественников за рубежом» [2].

Сказанное позволяет утверждать, что межкультурная толерантность Монголии и России имеет в настоящее время выраженный взаимный характер и активно формируется по принципу культурного диалога, являющегося следствием и давнего интереса россиян к этой стране, и политического диалога России и Монголии начатого еще в 30-е годы XX века. Стратегия межкультурной толерантности должна стать предметом пристального внимания российских и монгольских исследователей в разных аспектах, и в этом мы видим перспективы своей работы.

Сисок литературы:

1. **Амбарова, П.А.** Межкультурные коммуникации. [Текст] / П.А. Амбарова – Ек-г: УГТУ-УПИ, 2007 – 91с.
2. **Зарецкая, Е.Н.** Деловое общение. [Текст] / Е.Н. Зарецкая – М.: Дело, 2002. – 720с.

3. **Князева, В.П.** Н. Рерих [Текст] / В.П. Князева – М.: Искусство, 1968. – 46с.
4. **Михалев, А.В.** Русские в Монголии: мифы и образы диаспоры в дискурсе региональной прессы. [Текст] / А.В. Михалев. [Электронный ресурс] –URL: http://dobrodeya.ucoz.de/index/russkie_v_mongolii/0-575
5. **Руженцева, Н.Б.** Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. [Текст] / Н.Б. Руженцева, Ю.А. Антонова – Ек-г: УрГПУ, 2013. – 292с.
6. **Соколов, М.Н.** Интерьер в зеркале живописи. [Текст] / М.Н. Соколов – М.: Советский художник, 1986. – 228с.
7. **Стадников, М.Г.** Межкультурная коммуникация. [Текст] / М.Г. Стадников – СПб: СПбГУ, 2007. – 93с.

ГРНТИ 18.09

УДК 13.130.2

*Изгагина Юлия Александровна
Изгагина Ольга Александровна
Чугаева Ирина Григорьевна*

ИСКУССТВО АРТ БРЮТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НИГИЛИЗМА И СОЗИДАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ж. ДЮБЮФФЕ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия искусства, нигилизм, арт брют, отказ от культурных норм, сумасшествие как творческий метод самовыражения.

АННОТАЦИЯ. В статье описывается поиск Ж. Дюбюффе чистого искусства, свободного от старых культурных норм. Авторами проводится сравнение нигилизма Ф. Ницше и Ж. Дюбюффе, делается вывод о созидательной функции арт брют.

Izgagina Yulia Aleksandrovna
Izgagina Olga Aleksandrovna
Chugaeva Irina Grigorevna

**ART BRUT ART AS A MANIFESTATION OF NIHILISM AND CREATIVITY
ON THE EXAMPLE OF CREATIVITY
J. DUBUFFET**

KEYWORDS: Philosophy of art, nihilism, art Brut, the rejection of cultural norms, madness as a creative method of self-expression.

ABSTRACT. This article describes how to search Jean Dubuffet pure art, free from old cultural norms. The authors provided a comparison between the nihilism of F. Nietzsche and nihilism of J. Dubuffet, the conclusion about the creative function of art Brut.

Искусство постмодерна требует от реципиента особого восприятия, отличного от восприятия классического искусства. Данное отношение нельзя охарактеризовать как «духовную связь», основанную на *незаинтересованном интересе* и «сопровождаемую *глубоким наслаждением* от общения с ним» [8]. Восприятие искусства постмодерна требует определенного подхода, его осмысления в сопоставлении с собственным опытом и конструированием смыслов.

Так, например, в современных исследованиях искусство французского художника Ж. Дюбюффе характеризуют как в «примитивную реакцию плоти, ничем не прикрытую жестокость и стремление к физическому уничтожению жизни» [4]. Сам же Ж. Дюбюффе в книге «Удушающая культура» сравнивает культуру с полицией и противопоставляет культуре искусство, сущность которого в «свободе, спонтанности, индивидуализме, постоянной новизне, в восстании против порядка и, конечно, - в нигилизме. Нигилизм Дюбюффе считает единственным конструктивным принципом» [3].

По нашему мнению, в искусстве Ж. Дюбюффе проявляются как черты нигилизма, так и созидания.

Увидеть черты и того и другого нам помог дидактический прием герменевтического подхода, используемого в художественном образовании, а, именно, *проблемная реконструкция знания*, сущность которого состоит в «формулировке вопроса, на который субъект познания либо вообще не знает ответа, либо не знает однозначного ответа» [1;с. 162]. Данный прием разработан в понимающей педагогике Л.А. Беляевой и представляет собой «способ понимания, который носит проективный характер и задает программу познавательной, исследовательской деятельности» [1;с. 162].

Для нас таким дидактическим вопросом стало само творчество Ж. Дюбюффе, так как в процессе своей творческой жизни художник стремился уйти от норм и правил, закрепленных в канонах изобразительного искусства первой трети XX века. Возможность стать свободным художником Ж. Дюбюффе связывал только с психическим состоянием сумасшествия, поэтому задача, которую ставил сам художник перед собой, была необычной – «научиться мыслить как сумасшедший»!

Если сформулировать вопрос конкретнее, то, на наш взгляд, он может звучать так: «В чем нигилизм и созидание творчества Ж.Дюбюффе?»

Обратимся к определению понятия «нигилизм». В широком смысле «нигилизм» – умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм культуры. Сам термин «нигилизм» существует давно и происходит от латинского слова «nihil», что означает – ничто. Он встречается в европейской теологической литературе уже во времена средневековья и связан с одной из церковных ересей, выступавших с позиций отрицания догмата о богочеловеческой природе Христа[6].

В западной философии термин «нигилизм» появился во второй половине XIX в. и получил широкое распространение благодаря концептуальным построениям А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, О.Шпенглера. У А. Шопенгауэра - это нигилистическая доктрина «буддийского» безразличия к миру, у О. Шпенглера - отличительная черта современной ему эпохи, характеризующейся упадком европейской культуры, ее заката.

В философии Ницше представление о нигилизме вырастает во всеобъемлющую концепцию как итог всей европейской культуры. Так в работе «По ту сторону добра и зла» Ф. Ницше пишет, что в последние десять тысячелетий «происхождение поступка истолковывалось в самом определённом смысле, как происхождение из намерения, люди пришли к единению в вере, будто ценность поступка заключается в ценности его намерения. Видеть в намерении всё, что обуславливает поступок, всю его предшествующую историю – это предрассудок, на котором основывались почти до последнего времени на земле всякая моральная похвала, порицание, моральный суд, даже философствование» [5]. Ницше предлагает попытаться «установить гипотетически причинность воли как единственную причинность». По его мнению, воля к власти – это воля к господству, прежде всего над собой, это постоянное преодоление себя, это - творчество.

Таким образом, в философии нигилизма Ф. Ницше было положено начало отказа от культурных традиций. Это характерная черта постмодернизма и в целом всей культуры XX века. Одним из наиболее ярких направлений культуры постмодернизма, основанное на философии нигилизма является художественное направление арт брют.

Арт брют (фр. Art Brut) — грубое, необработанное, неограниченное искусство, принципиально близкое к любительской живописи детей, самоучек, душевнобольных, не признающего общепринятых эстетических норм и использующее любые подручные материалы. Термин Арт брют

был введен французским художником Ж. Дюбюффе для описания собранной им коллекции картин, рисунков и скульптуры, созданных непрофессиональными мастерами (душевнобольными, инвалидами, заключенными). Их работы несут в высшей степени спонтанный характер и практически не зависят от культурных шаблонов.

Жан Дюбюффе - самая значимая фигура Арт брют, оказавшая на него большое влияние. Он - французский художник и скульптор, окончил школу изобразительных искусств в городе Гавре и учился в академии Жулиана в Париже. Учеба множество раз прерывалась по причине сомнений художника в необходимости получения классического художественного образования. Уже сорокалетним мужчиной Дюбюффе снова решил вернуться в большое искусство. Его творческие метания – результат размышлений над философией искусства и связаны они с желанием преодолеть условности классического искусства, его нормы и правила. В результате творческого поиска Ж. Дюбюффе в своих работах избавился от перспективы линейной и перспективы воздушной, от анатомии, от объема и светотеневой моделировки, но этого, по его мнению, было недостаточно. Поначалу его работы типологически не очень отличались от художественного направления «примитивизм».

Постепенно художник приходит к мысли о сумасшествии как творческом методе. Ж. Дюбюффе пристально изучал работы душевнобольных, а также труды психиатра Ханса Прицхорна и психотерапевта Вальтера Моргенталера.

Пытаясь научиться мыслить как сумасшедший, Дюбюффе изобретает технику *hautes pates* – поднявшееся тесто. Он начинает использовать новый для художественного творчества материал - смесь из гипса, песка, цемента, угольной пыли, битого стекла, асфальта, шлака, машинного масла, мелкого гравия, которые до него в искусстве никто не использовал. По мнению Ж. Дюбюффе, краска – это

очень нагруженный по смыслам материал, вызывающий много культурных ассоциаций с предшествующим развитием истории искусства, его философией. Отказываясь от смылоперегруженного материала, или используя его только как небольшую добавку, Дюбюффе как бы выводил свои работы из контекста культуры. Работы, сотворенные посредством нового материала (цемента, асфальта и др.), приобретали статус непривычных арт-объектов. Конечно, к тому времени уже существовала традиция создания искусства из нетрадиционных материалов. В отличие от дадаистов, которые использовали мусор, то есть *антикультурный* материал, художественный материал Дюбюффе был *внекультурным* и не порождает негативных ассоциаций.

Кроме техники *hautes pates*, Дюбюффе придумал еще одну технику с непереводаемым названием *hourloupe*. Техника родилась из «почеркушек» во время телефонного разговора, когда сознание никак не участвует в процессе рисования. Его искусство напоминает работы шизофреников, которые тоже очень любили обилие мелких деталей.

Как мы уже сказали, создатели произведений арт брют – это, в основном, душевнобольные люди. Эти люди не осознают себя художниками. Они просто самовыражаются. Для них самих – сумасшедших - эта деятельность является некой бесцельной и бескорыстной психической *потребностью к самовыражению*, как у очень маленьких детей.

Дюбюффе был профессиональным художником, осознавал себя художником, но всеми силами пытался не быть им. Он старался сбросить с себя груз культуры, который, как он считал, только мешает настоящему искреннему *самовыражению* в искусстве. Дюбюффе искал истинное творчество и настоящую свободу в докультурных практиках, эти источники находятся, также в наскальной живописи и детских рисунках. Там нет того, что делает культуру репрессивной – правил, ограничений и институций.

Таким образом, нигилизм арт брют проявляется в отрицании старых художественных норм и канонов, нарушает привычный порядок и правила. В отличие от нигилизма Ницше, связанным с тотальным крушением высших ценностей, Ж. Дюбюффе находит путь для созидания. Отказываясь от рациональности, предлагает «прислушаться» к себе, искать новое ощущение жизни, улавливать душевные порывы, самовыражаться в художественном творчестве без глубокомыслия, то есть созидать новый мир в себе.

Список литературы:

1. **Беляева, Л.А.** Герменевтический подход в художественном образовании [Текст] / Л.А. Беляева, И.Г. Чугаева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета – 2014. - №6 (33) . С. 160-166.
2. **Гаврилов, В.,** Духовные, художественные и арт-терапевтические подходы к «Иному» творчеству [Текст] / В. Гаврилов, И. Реховских, В.Урываев // Исцеляющее искусство, Т.1, №4, 1998, С. 4-11. Электронный ресурс: - URL: <http://www.medpsy.ru/comments/comments007.php>
3. **Культурология.** История и теория культуры. Культура XIX, XX X-рубежа XI вв. Медиатека УрФУ. Электронный ресурс: - URL: <http://media.ls.urfu.ru/519/1361/3090/3017/1653/>
4. **Молчанова Л.А.** Инновации в живописи второй половины XX века (искусствоведческий анализ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Молчанова Л.А ; Алтайский государственный университет – Барнаул, 2012. – 37 с. Электронный ресурс: - URL: <http://www.asu.ru/files/documents/00005273.pdf>.
5. **Ницше, Ф.** «По ту сторону добра и зла» [Текст] / Ф. Ницше // Сочинения в 2-х т. Т.2. Электронный ресурс – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=7148

6. **Новая философская энциклопедия.** [Текст] в 4-х т. Т. 1. // Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. Электронный ресурс — URL: <http://iph.ras.ru/elib/2071.html>
7. Философские энциклопедии «Новая философская энциклопедия» [Текст] Электронный ресурс — URL: http://philosophem.ru/publ/ehnciklopedii/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/nigilizm/31-1-0-2226
8. Эстетика : Словарь[Текст]. Электронный ресурс — URL: http://aesthetics.academic.ru/329/ОТНОШЕНИЕ_ЭСТЕТИЧЕСКОЕ

ГРНТИ 21.91

УДК 211

Исаков Алексей Александрович

У ИСТОКОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПРОБЛЕМА ТЕРПИМОСТИ К АТЕИЗМУ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФИЛОСОФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия Нового времени; религия; Просвещение; атеизм; толерантность.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается опыт обоснования терпимости по отношению к атеизму в философии Просвещения. Автор показывает, что в основе просветительской концепции толерантности лежит идея несовпадения религии и морали. Также отмечается, что, несмотря на усилия просветителей, терпимость по отношению к атеизму осталась особым видом религиозной терпимости, ущербным по сравнению с конфессиональной толерантностью. Эта традиция сохраняет силу и в наши дни.

**AT THE ORIGINS OF RELIGIOUS TOLERANCE:
THE PROBLEM OF TOLERANCE OF ATHEISM IN
ENLIGHTENMENT PHILOSOPHY**

KEY WORDS: modern philosophy; religion; enlightenment; atheism; tolerance.

ABSTRACT. The article discusses the experience of justification tolerance to atheism in philosophy of the Enlightenment. The author shows that the basis of awareness of the concept of tolerance is the idea of a discrepancy between religion and morality. It is also noted that, despite the efforts of thinkers, the tolerance of atheism remained a special kind of religious tolerance, flawed compared to religious tolerance. This tradition remains valid in our days.

Сложная картина духовной и политической жизни современного российского общества постоянно заставляет исследователей заново обращаться к пройденному, казалось бы, опыту. Ситуация «религиозного возрождения», обращение к наследию богословия и религиозной философии на какое-то время вытеснили с философского горизонта фигуру неверующего человека и его арелигиозное мировоззрение. Говоря о свободе совести, часто забывают о том, что она предполагает не только право выбирать религию, но также не выбирать никакой и свободно распространять соответствующие идеи и убеждения. А между тем, это право является результатом длительной борьбы, начатой крупными учеными и государственными деятелями Нового времени. Особенно ценен опыт обоснования религиозной терпимости по отношению к неверующим в Англии, где она была жизненно необходимой в силу вековых конфликтов между католиками, англиканами и более радикальными, чем члены королевской церкви, протестантами. Повторение гражданской войны под религиозными

лозунгами могло бы отбросить Англию на столетия назад, но его удалось избежать. Задача нашей статьи – обобщить опыт осмысления религиозной толерантности в трудах английских мыслителей XVII столетия с акцентом на отношении к нерелигиозным гражданам.

Философское и правовое обоснование категории толерантности впервые было дано Джоном Локком, одним из зачинателей идеологии Просвещения. В «Опыте веротерпимости» Локк формулирует подход, согласно которому толерантность в области религии рассматривается как выгодная для общества в целом и каждого индивида в отдельности. Он утверждает, что только религия может быть предметом абсолютной терпимости. Основание для этого мыслитель видит не только в избавлении общества от лишних конфликтов. Основных причины две: 1) человек не имеет власти над тем, что касается загробной жизни, следовательно, он не может эту власть никому передать, как передал политическую власть над собой правителю; 2) соответственно, заставив гражданина сменить веру, правитель может причинить ему ущерб в загробной жизни, но ни по какому суду не сможет его возместить [8, с. 67-68]. Тем самым, попытка государства определять единственно допустимую религию для подданных противоречит, во-первых, договорной природе власти, и, во-вторых, принципу ее ответственности перед гражданами. Однако этот вполне рациональный смысл основан на принципиальном допущении истинности и необходимости религии, причем религии христианской. Локк еще не считает нужной терпимость в отношении восточных религий или атеизма. Поэтому он хотя и отличает толерантность в области религии от толерантности в области политики (в последней она должна иметь границы, хотя и не те, к которым обычно прибегает власть), но на самом деле просто еще не выходит за аналогичные рамки в религиозной сфере. В главном же Локк считает религию делом настолько частным, что вмешательство в него способно повредить делу общему.

Поэтому религия не может быть предметом надындивидуального регулирования, будь то право или мораль.

Однако Локк не был первопроходцем в полном смысле этого слова. Его замечательная теоретическая и практическая работа в области веротерпимости велась в рамках заветования великого Френсиса Бэкона. В своих «Опытах» лорд-канцлер вводит основные идеи, на которые будет опираться нововременная концепция терпимости. Прежде всего, это идея единой религии. Бэкон смотрит на религию с политической точки зрения и главной ее функцией считает объединение общества. По его мнению, различия религий сами по себе не приводят к розни, как это продемонстрировало античное язычество, рознь начинается в эпоху монотеизма. Бэкон точно подмечает главную особенность монотеизма – чувство исключительности: «...истинный бог отличается именно тем, что он – бог-ревнитель, а поэтому и служения себе требует безраздельного» [2, с. 357]. К различиям между христианскими конфессиями философ относится критически: сами по себе они либо неважны, либо превратно поняты, но приводят к чрезвычайно тяжелым последствиям. Тем не менее, он полагает, что единая религия возможна, но только на основе признания многообразия («единство и единообразие – вещи различные») и при условии просвещенной добросовестности консенсуса. Бэкон великолепно обыгрывает средневековую концепцию двух мечей, подчеркивая, что духовная и светская власть не должны сливаться, иначе они превращаются в третий меч – «меч Магомета и подобных ему», «проповедь религии оружием и насилдование совести путем кровавых преследований» [2, с. 360]. Подобная практика с его точки зрения может объясняться лишь корыстью, и этот тезис он провокационно вкладывает в уста так и не названного отца церкви.

Отношение Бэкона к безбожию также становится образцовым для философии Нового времени. Сам Бэкон отрекается от атеизма, но – и от теизма одновременно: «Я

скорее бы поверил всем сказкам Легенды, Талмуда и Корана, чем тому, что это устройство Вселенной лишено разума. И, следовательно, бог никогда не творил чудес, чтобы убедить атеистов в своем существовании, потому что в этом их убеждают его обычные деяния», то есть законы природы [2, с. 386]. Характеризуя затем античный атомизм как образец атеизма, он признает лишь то, что субстанция может не нуждаться в божестве, если она должным образом организована, и то, что представление о хаотической субстанции менее вероятно. Обрушиваясь далее на безбожие за то, что оно «скорее на устах, чем в сердце человека» и начинает в чем-то походить на секту (есть свои ученики и мученики), Бэкон критикует тех, кого Дидро потом назовет фанфаронами атеизма, тех, чей атеизм бесплоден, так как не связан с наукой и трудом. И уже почти апологией атеизма становится фрагмент, посвященный причинам его возникновения, каковы суть: расколы в религии, скандальное поведение священников, неуважение к религии. Кроме того, причиной безбожия становятся «времена учености, особенно в периоды мира и процветания, ибо смуты и несчастья более склоняют людей к религии» [2, с. 388]. Последующее сравнение безбожника с собакой без хозяина выглядит уже откровенно двусмысленным. Окончательно атеизм Бэкона выступает на первый план в главке «О суеверии»: «Лучше вообще не иметь никакого мнения о божестве, чем иметь такое, которое его недостойно». Безбожие, по Бэкону, «не отнимает у человека разума, философии, естественных чувств, законов, репутации; все они могут быть путями достижения внешней моральной добродетели, хотя и не религии; но суеверие все это уничтожает, воздвигая в душах людей абсолютную монархию» [2, с. 389]. Безбожие рассматривается как безопасное для государства, а суеверие – как главная подрывная сила. Когда же Бэкон характеризует причины появления суеверий, то относит к ним всю без исключения внешнюю сторону церковного культа: чувственные обряды и церемонии, изуверскую святость,

мирские цели епископата, приписывание богу человеческих целей и социальные потрясения. Единственное, в чем Бэкон допускает оговорку – так это в том, что отказываясь от пышного культа и сложной иерархии, легко впасть в противоположную крайность, в связи с чем реформу религии нельзя доверить простому народу [2, с. 389-390]. Конспиративный атеизм Бэкона, граничащий с деизмом, стал образцовым для мыслителей двух следующих столетий.

Несколько иная, но тоже важная роль в развитии этой проблематики принадлежит Томасу Гоббсу. Гоббс не сторонник широкой веротерпимости. Он считает, что «к религии, также, как и к политике, можно применить изречение, что лучше жить в стране, где ничто не позволено законом, чем в такой, где все дозволено им» [4, т.1, с. 576]. Все его религиозные штудии имеют яркую антикатолическую направленность, и это понятно – перед нами плод английской революции и Протектората, а при этом режиме вряд ли стоит ожидать терпимости. Однако Гоббсу принадлежит несколько тонких наблюдений, которые позже лягут в основу просветительской критики религии. Во-первых, он подчеркивает тесную связь между религией и государством: «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией, не допущенных – суеверием». После этого откровенным сарказмом веет от положения: «А если воображаемая сила в самом деле такова, как мы ее представляем, то это истинная религия» [4, т.2, с. 43]. Понятно, что проверить наши представления о «воображаемой силе» мы не можем, а, следовательно, и наше суждение об истинности той или иной религии теряет смысл. Фактически решение о том, какую религию считать истинной, в своих интересах принимает государство, этот искусственный человек по имени Левиафан. Все остальные споры о религии Гоббс считает бессмысленными. Стоит заметить, что такой подход - хороший пример влияния по-

литики на философию, ведь Англия как раз и была страной реформации сверху.

Второе наблюдение Гоббса касается исключительно человеческой природы религиозной веры. Ее адресатом является не бог, а человек, говорящий от его имени, и вера на самом деле – это доверие к человеку, распространенное на то, что он сообщает от чужого имени. Гоббс афористично выражает эту логику: «Если Ливий говорит, будто боги однажды сделали так, что корова заговорила, а мы этому не верим, то мы не доверяем не богу, а Ливию» [4, т.2, с. 51]. Гоббс отмечает не только пережитки язычества в религии, но и все учение о духовных существах, доказывая, что в Библии нет ничего, что заставляло бы думать об ангелах и демонах как о таковых. С точки зрения Эдварда Тайлора, считавшего веру в духовные существа минимумом религии [11, с. 211], это уже можно охарактеризовать как атеизм. Богословская эрудиция позволяла Гоббсу с легкостью опровергать обвинения в безбожии, но соответствующие послы в его текстах встречаются нередко.

Важными наблюдениями над исторической эволюцией религии дополнил английское свободомыслие Джон Толанд. Толанд – не атеист, и поэтому опирается не только на материалистическое представление о мире, но и на идеалистическое представление о боге. Отправной точкой его рассуждений становится уже знакомый нам тезис о неизменности истины: «...религия всегда одна и та же, как и бог, ее создатель, который неизменен и никогда ни на йоту не изменится» [12, с. 84]. Но истина не только неизменна, она еще и человекоразмерна. Толанд уверен в том, что истина религии изначально рассчитана на понимание разумом, раз она есть только у разумных существ. Вся беда в том, что такой неизменной религии в истории нет. На эту роль могло бы претендовать лишь первоначальное христианство, но христианские конфессии ему не наследуют. Толанд показывает, как первоначальное христианство вобрало в себя характерную для язычества тайную обрядность.

Сама по себе эта обрядность была бы легко отделима от религии, если бы не модификация самого понятия тайны в христианском богословии. Языческие таинства были таинствами только для непосвященных, христианские таинства абсурдны по содержанию. Так сложилось, прежде всего, из-за стремления позднеантичных философских сект использовать христианство в своих интересах. Здесь мы имеем скрытую полемику с Гоббсом, автором знаменитого клише «философия – служанка теологии». Второй причиной стало то, что после превращения христианства в государственную религию, к нему стали примыкать только по конъюнктурным соображениям, не стремясь уяснить себе его содержание [12, с. 175]. Мысль о том, что историческая религия не может быть истинной религией проведена Толландом наиболее отчетливо, можно сказать, бескомпромиссно. Следствием из нее было требование религиозной терпимости, в том числе и по отношению к атеистам и деистам, в появлении которых виновны «противоречия и тайны, несправедливо приписываемые религии» [12, с. 185] самими верующими.

Подводя итоги, можно выделить ряд принципов, общих для решения английскими мыслителями XVII века вопросов религиозной толерантности, в том числе – в отношении атеизма. Прежде всего, это признание единственности истины и на этом основании уверенность в ноуменальном единстве религии. Из этого принципа делалось два важных вывода: 1) все исторические религии включают в себя не только истину, но и заблуждение, а также прямую ложь; 2) ценность исторических религий условна и чаще всего определяется государством, санкционирующим ту или другую из них. Второй важный принцип – это убежденность в соразмерности религии возможностям человеческого разума и познания. Этот принцип также имел два важных следствия: 1) все иррациональное в религии имеет привходящий характер, привнесено в нее из корыстных побуждений; 2) веруя в историческую религию, человек верит не

богу, а доверяет ее проповедникам, деятельность которых полностью подлежит рациональной критике. Третий принцип – религия есть частное дело гражданина, поскольку она не охватывается фактом общественного договора. Из этого принципа также проистекало два следствия: 1) необходимо признать многообразие религии, предоставить человеку право выбирать или даже создавать религию; 2) отказ от религии должен быть более терпим, нежели религиозная нетерпимость (фанатизм). Несмотря на общепризнанность этих принципов, отношение к атеизму колебалось в широких пределах от его неприятия Локком до остроумной пропаганды Бэконом. Впрочем, всеми признавался принципиальный факт: причины появления атеизма коренятся в самой религии. Применительно к нашей ситуации следует заметить, что в России развитие религиозной толерантности пошло иным путем. Если английские мыслители фактически нивелировали религиозные конфессии, то в России на государственном уровне существует практика придания особого статуса т.н. «традиционным» конфессиям. Можно смело сказать, что такое положение дел подпадает под хлесткое определение религии и суеверия, данное Томасом Гоббсом.

Французское Просвещение до сих пор остается символом сопротивления религиозной нетерпимости. Это сопротивление само не отличалось терпимостью и шло под вольтеровским лозунгом «Раздавите гадину!» Однако следует заметить, что в таком положении вещей были во многом виновны французские светские и духовные власти, в ответ на появление в стране свободомыслящих писателей просто запретившие критиковать религию под страхом смертной казни (1745 год). Для нас опыт просветителей интересен, однако, по другой причине. В отличие от Англии, где между собой боролись крупные конфессии, Франция была почти исключительно католической страной с небольшим числом кальвинистских общин. Для французских мыслителей вопрос о терпимости к другим конфесси-

ям стоял ничуть не острее, чем вопрос об отношении к безрелигиозным гражданам. Поэтому мы будем рассматривать этические концепции французского Просвещения именно в аспекте обоснования терпимости по отношению к атеизму и другим формам безрелигиозности.

Вольтер, начнем с него как с лидера всего движения, еще не выходил за рамки концепции толерантности, разработанной Дж. Локком. Самое замечательное в деятельности Вольтера – реальная борьба за осуществление религиозной терпимости. Европейское признание ему принесло заступничество за обвиняемых по делам Каласа и Ла Барра, которое увенчалось реабилитацией осужденных, хотя и посмертной, а также спасением от эшафота их родственников и друзей. Вольтер также тщательно следил за практикой веротерпимости в Англии и ее североамериканских колониях. Как теоретик толерантности он сделал меньше. Главная его новация в том, что он одним из первых открыто свел религию к разуму, провозгласив, что общечеловеческая мораль «одна только и является истинной религией и истинной философией» [3, с. 106]. Вслед за Бэконом он отмечал также религиозную терпимость язычников и атеистов, в связи с чем считал последних более удобными согражданами, нежели верующих [3, с. 108, 112]. Однако необходимость конспирации заставляла его писать и менее откровенные тексты. В Великой французской энциклопедии ему принадлежит статья «Атеизм», которая завершается великолепным смысловым перевертышем: «Атеизм и фанатизм – это два чудовища, пожирающих и раздражающих общество; но атеист в своем заблуждении сохраняет разум, подрезающий ему когти, а фанатик охвачен непрерывным безумием, которое эти когти точит» [3, с. 91]. Вольтер полагает, впрочем, что «с точки зрения морали гораздо лучше верить в бога, чем не признавать его» [3, с. 90], и этим предвосхищает знаменитое моральное доказательство Канта.

Пьер Бейль был первым, кто поставил проблему существования арелигиозной морали, которая предполагала в качестве своей оборотной стороны проблему аморальной религии. Сама постановка вопроса вызвала бурю возмущения, и Бейль в ответ систематически изложил свою концепцию в разъяснениях к своему «Историческому и критическому словарю». Французский мыслитель исходит из того, что религиозные мотивы поведения (страх перед богом) являются не только не единственными, но даже и не преобладающими в реальной человеческой жизни. Мирские мотивы способны пересиливать религиозные в случае безнравственных поступков. Но есть ли основания считать, что это же несправедливо по отношению к поступкам нравственным? И Бейль ссылается на уже написанную им галерею портретов высоконравственных атеистов, показывая возможность арелигиозной детерминации нравственности. Бейль вынужден называть атеистические идеи опасными, как например, в статье о Демокрите, но он всячески подчеркивает их благородство и высокий интеллектуальный уровень. Несмотря на это философ вынужден пойти на очень серьезный компромисс: атеизм может рассматриваться как конкурирующая основа нравственности лишь по отношению к языческим религиям, а не христианству. Добродетели атеистов вслед за Августином он вынужденно провозглашает *splendida peccata*, а их основой считает самолюбие [1, с. 143-145]. И тем не менее в финале он все же находит глубоко провокационную псевдобогословскую формулу «обуздывающей благодати» для кажущегося компромисса: «Нельзя ли сказать, что если есть люди, которых бог не покидает настолько, чтобы они устремились ... к системе атеистов, то это главным образом грубые души ...? Нельзя ли сказать, что если бог покидает некоторых людей настолько, что позволяет им отрицать или его существование, или его провидение, то это главным образом лица, для которых склонности характера, воспитания, живость представлений о честности, любовь к доброй сла-

ве, чувствительность к бесчестью служат довольно крепкой уздой, удерживающей их в рамках долга?» [1, с. 151] Так в просветительской философии впервые происходит кардинальное различие религии и морали, хотя и сопровождающееся понятными для того времени оговорками. Сквозь эти оговорки Бейль борется с распространенным до сих пор мнением, согласно которому любая религия лучше неверия, показывая, что терпимость к явно аморальной религии, толкающей людей, например, на оргии или жертвоприношения, есть полный абсурд по сравнению с нетерпимостью к философскому атеизму, осуждающему подобные явления. Беда Бейля состояла в том, что это абсурдное мнение имело на своей стороне авторитет права, подобно тому, как сейчас в нашем праве чувства верующих теоретически имеют приоритет перед чувствами неверующих.

Дени Дидро, как и Бейль, конспиративно решает проблему взаимоотношения морали и религии в емкой формуле: «Если бы вы сперва дали мне понять, что он честный человек, мне бы никогда в голову не пришло осведомляться, набожен ли он» [7, с. 65-66]. Честность здесь достаточна для оценки человека, его религиозность не важна, но форма высказывания лукаво утверждает обратное. Доказывая внеморальность религии, Дидро исходит из психологической концепции страстей или аффектов, показывая, что именно сильные страсти составляют основу человеческой природы. Эти страсти могут иметь полярную этическую оценку, но религия запрещает любую страсть. Следовательно, она мешает реализации природы человека, при этом совершенно безразличным относительно морали образом. Наоборот, она может поощрять искаженные страсти и чувства, например, ложно понятый патриотизм [7, с. 83, 165]. При этом важная характеристика религии – ее непоследовательность, соответственно, атеизм должен быть предельно последовательным: «Чистый атеизм исключает всякую религию» [7, с. 70]. Это же делает его путем для немногих, в связи с чем Дидро очень занимает вопрос о

различных мировоззренческих основаниях атеизма (эпикуреизм, пирронизм, солипсизм). В целом различные формы свободомыслия укладываются Дидро в канву философского пути к истине. Отправной точкой его является факт многообразия религий, противоречащий принципу единственности истины, а путеводной нитью – разум как неотъемлемая способность человека. Эти же два принципа лежат и в основе толерантности, образцом которой философ считает Юлиана Отступника, выпустившего из тюрем христианских ересиархов и тем самым подчеркнувшего свободу подданных в делах веры [7, с. 70]. Конечно, такой шаг императора был на деле вовсе не безобидным, так как непосредственно подрывал влияние ортодоксии. Однако для Дидро важно, что Юлиан отказался от участия в спорах между христианскими сектами, признав тем самым религию безразличной по отношению к общему интересу, частным делом верующих.

Однако вернемся к проблеме атеизма. Наличие разума обязывает человека стремиться к истине, и первым шагом на этом пути является скептицизм, но «полускептицизм есть признак слабого ума», на нем нельзя остановиться потому, что он не может иметь значения для будущих поколений. Нельзя составить завещание в выражениях «пожалуй» и «может быть». При этом скептик ущербен и с этической стороны, так как у его поведения подпорок даже больше, чем у поведения верующего, тогда как один лишь атеист имеет возможность быть нравственным ради самой нравственности, без всяких внешних к тому побуждений [7, с. 175-176]. Дидро дает этическую классификацию атеизма. С его точки зрения есть настоящие атеисты, атеисты-скептики и фанфароны атеизма. Со скептиками все уже ясно, а вот положение фанфаронов интересно. Им безразличен сам вопрос об истинности религии и ее соотношении с моралью. Они, как и верующие, не видят различий между верой и нравственностью и потому полагают, что достаточно не верить в бога, чтобы не связывать себя нор-

мами морали. От таких «атеистов» Дидро решительно отрещивается [7, с. 171-172] и, дабы атеизм твердо стоял на ногах, предпринимает решающий для его истории шаг: ставит атеистическое мировоззрение на почву естественнонаучной картины мира.

Определение атеизма дается им в рамках категориального аппарата детерминизма и не выходит за рамки бэконовского понимания безбожия: «Неприятие в природе других причин, другого принципа, кроме случая, отрицание того, что создано, устроено, расположено высшим разумом для какого-либо общего или личного блага, отличают законченного атеиста» [7, с. 69]. Казалось бы, данное определение разрывает с детерминизмом вообще, но на самом деле оно означает разрыв с деизмом («Только деист может противостоять атеисту [7, с. 167]»). Деист оказывается в положении, близком положению скептика – он знает часть истины, но отказывается от завершения пути. И Дидро предлагает ему прекрасную аргументацию против жесткого детерминизма в словах о том, что не стоит удивляться мудрости законов управляющих природой, стоит удивиться продолжительности хаоса, предшествовавшего упорядочению мира. Этот тезис позволяет атеисту сочетать представление об отсутствии разумного планирования мироздания с его наличной упорядоченностью [7, с. 169-171]. Этическое значение такого подхода заключается в том, что человек теперь уже не венец творения и царь природы. И хотя его место во вселенной уникально (случайность работала над его созданием миллиарды лет), он не соразмерен ей и она существует далеко не ради него (крыло бабочки не менее совершенно), и уж тем более – не для тех, кто исповедует какую-то конкретную религию.

Новация Поля Гольбаха по сравнению с Дени Дидро заключается в том, что он открыто добавляет фигуру атеиста на доску религиозной терпимости, отказываясь от компромисса с религией даже в форме высказывания. Его принципиальная позиция – признание тотального несовпадения

религии и морали, целей и ценностей религии и общества. При этом Гольбах ведет себя как настоящий естествоиспытатель. Полагая, что «истинной морали не свойственно меняться» [5, с. 42], он выбирает индуктивный метод и демонстрирует: поведение индивидов, олицетворяющих религию, невозможно признать моральным, ergo религия неморальна и внеморальна. Естественно, встает вопрос о критерии соответствия, и ответ на него звучит так: «...нам надлежит в первую очередь разобрать, действительно ли соответствует поведение тех, кого церковь называет святыми и ставит нам в пример, божественным совершенствам и благодетельным целям проведения, - другими словами, является ли их поведение мудрым, справедливым, выгодным для общества. Во-вторых, надо посмотреть, было ли это поведение выгодно для самих святых, т.е. соответствовало ли их поведение видам провидения, озабоченного благосостоянием и сохранением своих творений» [5, с. 30]. В этой цитате, конечно, дает знать себя буржуа, озабоченный сохранностью своей жизни и собственности, но если рассматривать предъявленное Гольбахом к морали требование служить сохранению жизни человека, нельзя не согласиться с тем, что это и есть необходимый моральный минимум. Интересно, что, как и Локк, Гольбах ссылается на провидение. Но в манере Гольбаха это уже не столько серьезное отношение к религии, сколько контрастирующий прием, способ сопоставить рядом «благодетельность» провидения и суровую реальность религиозных норм поведения. В целом Гольбах здесь скорее гуманист, чем прагматик, поскольку для прагматика признание внеморальной природы религии не равноценно ее осуждению.

Развивая этот метод, Гольбах приходит к своему центральному тезису: религиозная мораль – это всегда двойная мораль, то есть не-мораль, доходящая до того, что «...для оправдания святых, которые должны служить образцом, христианство клеветает на своего бога» [5, с. 33]. Религиозная сфера предстает взгляду Гольбаха как поле,

разделенное разными конфессиями, монашескими корпорациями с целью наживы. Ничего кроме этого, в религии нет, в связи с чем Гольбах радикализирует положение Гоббса о том, что религиозная вера имеет своим непосредственным объектом не бога, а проповедника, и заявляет: «Бог – синоним духовенства...» [6, с. 46]. Это утрированная картина для XVIII века, но верная для современной ситуации «рынка религиозных услуг». Заметим, что на этом рынке нет места для атеиста, а следовательно – и для терпимости к атеисту. Хотя сам Гольбах неоднократно подчеркивает нетерпимость верующих по отношению друг к другу, очевидно, что относительно мирное сосуществование возможно между торговцами в храме, но невозможно для того, кто отрицает саму возможность храмовой торговли. Атеизм Гольбаха легко обвинить в нетерпимости ко всякой религии, но на самом деле он светит отраженным светом нетерпимости всякой религии к атеизму.

Вообще, попытки включения атеизма в сферу религиозной толерантности в эпоху Просвещения довольно поверхностны. Самый известный текст Французской энциклопедии на эту тему принадлежит Александру Делэру и очень хорошо демонстрирует тот факт, что терпимость по отношению к атеизму – особый род терпимости, отличающийся от терпимости по отношению к другой конфессии: «...прежде всего, не путайте никогда несчастья (как безбожие) с преступлением, которое всегда преднамеренно. Весь яд фанатического рвения должен быть направлен против тех, кто верует, но не действует; неверующих же должно оставить в том мраке забвения, который они заслужили и который они сами себе возжелали. ... Видели ли вы когда-нибудь атеистов, выступающих с оружием в руках против божественной сущности? У них слишком слабые души, чтобы проливать человеческую кровь. Однако и им нужна некоторая сила, чтобы без побудительных мотивов, без надежды, без выгоды для себя самих творить добро» [9, с. 175-176].

Конечно, Делэр здесь мимикрирует, но проблема в том, что буржуазное общество восприняло эти идеи вместе с их маскировкой. Терпимость к атеизму сопровождается на всем протяжении его истории откровенной снисходительностью или даже стремлением увидеть в нем еще больший гнет, нежели в религии. Это положение дел прекрасно описывает Жан-Поль Сартр в истории своего детства – прекрасной книге «Слова». Для людей из круга его семьи (интеллигентной и предпринимательской одновременно) «атеист – ... это маньяк, одержимый господом богом настолько, что, куда ни глянет, всюду видит его отсутствие...», одним словом, это господин с религиозными убеждениями» [10, с. 79]. Религия же как раз никаких убеждений не предполагала: «В хорошем обществе в бога верили, чтобы о нем не говорить. ... В нашем кругу, в нашей семье вера была всего лишь громким титулом одомашненной французской свободы. Как и многих других, меня крестили, чтобы обеспечить мою независимость; отказав мне в крещении, родня считала бы, что совершила насилие над моей душой... В ту пору считалось куда труднее обрести веру, чем ее потерять» [10, с. 80]. Сартр говорит, что такое отношение к религии – результат «медленного процесса дехристианизации, который зародился в среде высокопоставленной вольтерьянской буржуазии» [10, с. 79], однако именно о такой религиозности говорит уже Делэр, призывая наказывать тех, кто якобы верит, но не поступает соответственно вере. Просветительство не было отправной точкой процесса дехристианизации, оно было реакцией на него. Исходя из этого понятна требовательность атеизма – это, прежде всего, протест против нетребовательности религии. Религия сама востребует атеизм на определенном этапе развития, и атеизм служит ей прежде всего зеркалом, а не подрывным зарядом. Атеизм просветителей – это не причина кризиса европейской религиозности, а реакция на этот кризис. И такое положение будет справедливым для оценки атеизма в любое время и в любом месте.

Список литературы:

1. **Бейль**, П. Исторический и критический словарь [Текст] в двух томах. Т. 2. – М. : Мысль, 1968. – 391 с.
2. **Бэкон**, Ф. Опыты [Текст] / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.
3. **Вольтер** Бог и люди. [Текст] Статьи, памфлеты, письма. В 2-х тт. / Вольтер – М.: АН СССР, 1961. – 441 + 427 с.
4. **Гоббс**, Т. Левиафан [Текст] / Т. Гоббс // Сочинения в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989. – 622 + 731 с.
5. **Гольбах**, П. Галерея святых.[Текст] / П. Гольбах – М.: Огиз, 1937. – 316 с.
6. **Гольбах**, П. Карманное богословие[Текст]. / П. Гольбах – М.: Политиздат, 1961. – 208 с.
7. **Дидро**, Д. Принципы нравственной философии [Текст] / Д. Дидро // Сочинения: в 2-х тт. Т.1. – М.: Мысль, 1986. – 592с.
8. **Локк** Дж. Опыт о веротерпимости[Текст] / Дж. Локк // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
9. **Осадная башня штурмующих небо**. [Текст] // Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. – Л.: Детская литература, 1980. – 271 с.
10. **Сартр**, Ж.-П. Слова.[Текст] / Ж.-П. Сартр – М.: Прогресс, 1965. – 175 с.
11. **Тайлор**, Э.Б. Первобытная культура. [Текст] / Э.Б. Тайлор – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
12. **Толанд**, Дж. Христианство без тайн [Текст] / Дж. Толанд // Английское свободомыслие: Дж. Локк, Дж. Толанд, А. Коллинз. – М.: Мысль, 1981. – 301 с.

ГРНТИ 02.15.61

УДК 124.5

*Михайловская Надежда Михайловна
Дильмиева Александра Равильевна*

ДУХОВНЫЙ ВЫБОР СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ценности, свобода, теория деятельности А.Н. Леонтьева

АННОТАЦИЯ: Авторы статьи обращают внимание на духовный кризис современности и его влияние на духовность современной молодежи. Авторы рассматривают приоритет духовных ценностей современной молодежи как условие становления зрелой личности

*Mihailovskaya Nadegda Mihailovna
Dilmieva Alexandra Ravilevna*

SPIRITUAL CHOICE OF MODERN YOUTH

KEY WORDS: Values, freedom, activity theory of A.N. Leontiev

ABSTRACT: The authors of the article pay attention to the spiritual crisis of modernity and its impact on the spirituality of today's youth. The authors consider the priority of the spiritual values of contemporary youth as a condition of development of a mature personality

Почему же трудно говорить о духовных ценностях современного общества? Надо сказать, что о некоей единой духовности говорить не приходится вовсе, потому что нормы и ценности, составляющие основу любой культуры, различаются в том множестве религий, которые существуют в настоящее время. Маленький пример: то, что в христианстве считается блудом, в исламе узаконено, как норма жизни, говоря о многоженстве. И хотя существуют целые отдельные течения, которые утверждают, что все

основные религии мира, по сути, говорят об одном, при глубоком изучении вопроса оказывается все с точностью до наоборот. Поэтому отрицать конфликт цивилизаций было бы неразумно.

И вот в таких обстоятельствах живет современный человек!

Сейчас благодаря информационным технологиям, можно получить доступ к информации - как к духовной, так и антидуховной. Современные транспортные связи позволяют человеку за несколько часов оказаться в другом конце света, где уже другие традиции и другая жизнь. На современную молодежь «сваливается» ежедневно огромное количество информации, в которой трудно разобраться, поэтому мои современники поступают так, как считают нужным или так, как они чувствуют. Кроме того и средства массовой информации, и современный бизнес, направленный на получение прибыли, формируют у молодого духовно неокрепшего человека потребительское отношение к жизни[1].

Другими словами, XXI век – это время, когда мир стал очень сложным и уровень сложности продолжает нарастать. Человек оказывается перед лицом непривычного, неизведанного, непредусмотренного. Человек подвергается испытанию беспрерывных изменений, и на острие этого испытания стоит молодежь. Так, например, массовая культура разрушает национальные ценности, побуждая, чтобы грубые физиологические позывы подавили у людей национальное сознание. Наркомания, пьянство, разврат - всё пущено в ход. До Пушкина ли и Толстого, если здесь и сейчас тебя ждёт драйв, гламур и всё дозволено? Свобода! В таких условиях формируются ложные ценности. Справедливость, образованность, доброта, искренность заменяются лицемерием, злостью, завистью, безразличием к судьбе Родины. Но ведь понятие свободы заключается не только во вседозволенности. Свобода, говорил Г.В.Ф. Гегель, это «познанная необходимость». Поэтому только че-

ловек, критически мыслящий, не принимающий на веру всю доходящую до него информацию, может за всем многообразием культур, религий, знаний и т.п. увидеть то, что является истинно-ценным.

В процессе работы нас заинтересовала теория деятельности, которую создал Алексей Николаевич Леонтьев - ученик Л. С. Выготского. Ученый рассматривал деятельность как специфический для человека способ отношения к миру, в процессе которой формируются личностные новообразования.

В русле теории деятельности Леонтьевым обсуждалась проблема личности, и, в первую очередь, в связи со становлением мотивационной сферы человека. По Леонтьеву деятельность – процесс, побуждаемый мотивом. Мотив, характеризуемый определенным местом в системе самоотношения субъекта, называется в теории деятельности ценностью. Именно благодаря ценностям человек становится субъектом общественных отношений. Он формирует идеальное представление о себе и своем положении в обществе. Кроме этого, отечественный ученый говорит о различии ценностных оснований бытия в зависимости от возраста.

Цель нашей работы – определить, чем вызвана противоречивость ценностных оснований современной молодежи, а именно, молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет. В данный период жизни происходит активное усвоение образовательных, профессиональных, культурных и прочих социальных функций. Какую же роль ценности играют в жизни молодого человека?

Мы полагаем, что ценности - это то, чему человек осознанно назначает высокую цену, чем дорожит и ради чего готов жертвовать, платить силой, здоровьем, временем или деньгами. Это то, ради чего мы живем, к чему стремимся. У каждого из нас есть что-то очень важное, что мы любим, ценим и хотим, чтобы этого в нашей жизни было больше. Ценности бывают материальные и духовные. Для современной молодежи в приоритете ценности материальные.

На наш же взгляд, молодые люди, выбирающие материальные ценности, заблуждается. Причину этого мы видим в том, что гармония со своей душой и приоритет духовного лишает материальные ценности тотальной власти над человеком. Правильно выбранные ценности являются канатом, благодаря которому можно покорить любую вершину. И, возвращаясь к феномену самодетерминации, как к способности самостоятельного выбора направления саморазвития, можно сказать что, будучи самодетерминированным, человек поступает не под воздействием влияния окружения, ложных обязательств или прямых принуждений к плохим поступкам, а на основе собственного выбора! И этот его выбор базируется на осознании своих духовных потребностей и сопоставлении их с внешними условиями [3]. Именно это Гегель и называл свободой, и проявляется она в данном случае в том, что человек, в качестве цели и смысла своей жизни видит необходимость сделать счастливыми близких и любимых, внести вклад в развитие своей страны и общества, оставить след на Земле.

Последние 20 – 30 лет отмечены радикальными изменениями, произошедшими во всех сферах бытия общества. Не обошли они стороной и духовную сферу и проблему поиска ценностных ориентиров современной молодежи. Если 20 – 30 лет назад базовыми ценностями для молодых людей в возрасте до 25 – 30 лет были семья, трудолюбие, уважение, ответственность, то сейчас мы наблюдаем их трансформацию. Установление демократии и формирование рыночной экономики внесли в этот процесс свои коррективы и свою специфику.

Молодые люди разделились на два лагеря, на тех, для кого базовыми ценностями, определяющими их поведение и самореализацию в жизни, стали материальная обеспеченность, образовательный капитал, урбанизированность. И на тех, для кого на первый план выходят постматериалистические ценности, такие как: качество жизни, самоактуализация, толерантность, уровень свободы.

Давать оценку ценностному выбору молодежи крайне неправильно. Если человек сам анализирует, корректирует и осуществляет контроль своего поведения в рамках этических норм, то можно говорить о феномене самодетерминации - свободной саморегулируемой активности человека как зрелой личности. Но тем не менее, авторам больше импонирует человек, выбравший нематериалистическое измерение ценностей, т.е. человек, не поддавшийся иллюзии псевдосвободы, твердо знающий, по какому верному и единственному пути нужно идти. В школьные годы такой человек ценит время, проведенное за партой, воспринимая его не как каторгу, а как время познаний и развития. Книга для него - это удивительный мир, в который вновь и вновь хочется погружаться. Он по-настоящему инициативен, с огромным энтузиазмом принимает участие в различных мероприятиях, а времени на скуку и хулиганство у него просто нет, ведь всего себя юноша или девушка посвящает познанию и творению прекрасного![2]

Молодым свойственно меняться. В жизни, например, может возникнуть ситуация, когда молодой человек, только начинающий свой трудовой путь, получает задание, выполнять которое поначалу он не хочет, поскольку существенных перемен в зарплате в связи с этим не ожидается. Однако, по прошествии некоторого времени, в его отношении к данной деятельности происходят существенные перемены. Он не только доводит данный проект до конца, но и увлекается чтением специальной литературы, а затем решает получить дополнительное образование, чтобы в дальнейшем продолжить заниматься подобными проектами. Вот в этом на наш взгляд и проявляется *свободная саморегулируемая активность* зрелой личности! Мы уверены, что вовлеченность в духовное саморазвитие имеет преимущества над материальными приоритетами, потому что настоящее удовлетворение человек может получать только в духовной сфере! А если преобладают потребно-

сти материальные, то, даже владея половиной мира, человек будет опечален тем, что другая половина ему не принадлежит и никогда не будет по-настоящему счастлив!

В нашем сердце живет вера в то, что современный молодой человек, определяя себя человеком самодостаточным, рассудительным, активным, свободным от стереотипов и ложных идеалов, все же выберет для себя нужные и истинные ценности. Хочется верить, что каждый из сегодняшних 10 – 11-классников выберет себе правильный и достойный жизненный путь. Но при этом нужно помнить, что молодежь – это зеркало социума, с ней может произойти только то, что уже случилось с выросшим ее обществом.

Список литературы:

1. **Петухов, В.** В. Природа и культура. [Текст] / В.В. Петухов — М.: Тривола, 1996. – 160 с.
2. **Селье, Г.** От мечты к открытию: Как стать ученым [Текст] / Г. Селье. — М.: Прогресс, 1972. – 368 с.
3. **Франкл, В.** Человек в поисках смысла. [Текст] / В. Франкл — М.: Прогресс. 1990. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rulit.me/books/chelovek-v-poiskah-smysla-read-6849-1.html> (дата обращения 10.04. 2016г.)

ГРНТИ 02.61.25

УДК 130.2

Новикова Оксана Николаевна

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА АНТИЧНОГО МИРА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Игровые практики, самореализация, самопрезентация.

АННОТАЦИЯ. В статье дается развернутый анализ игровых практик как конструирования моделей бытия, характерных для античного мира, которые становятся матри-

цей дальнейших действий индивида, формируя его личностную идентичность. Игровые практики – способ адаптации, самореализации и самопрезентации индивида, отображающий аксиологические координаты жизни.

Novikova Oksana Nikolaevna

GAME PRACTIC IN ORGANIZATION OF TIME AND SPACE OF THE ANCIENT WORLD

KEY WORDS: Game practices, self-realization, self-presentation.

ABSTRACT. The article gives a detailed analysis of the gaming practices which characterize the ancient world as design models of life, which become the matrix of further actions of the individual, forming his personal identity. Game practice is the way to adapt, self-realization and self-presentation of the individual, showing axiological coordinates of life.

Игровое действие в любой культуре – это не только приспособление к определенным условиям обитания, а прежде всего самый простой и доступный способ освоения окружающего пространства через изменение себя, прилаживание своей самости к нововведениям.

Все древнейшие виды деятельности, удовлетворяющие жизненные потребности в архаических обществах, реализовывались в игровой форме, отражающей понимание жизни и мира. Воспроизведение мифов в обрядово-ритуальной форме, через жертвоприношения, молитвы, культовые действия, ритуальные пляски, помогали избавиться от страха перед природой и наделяли уверенностью человека, в возможности воздействия на стихийные силы, т.е. игра являлась частью культового действия, была сакральна и проявлялась в синкретизме слова, танца, музыки, жеста и т.д.

Основанная на подражании действиям из окружающей

действительности, игра вооружает человека иррациональным осознанием самых глубинных, на уровне архетипических, оснований бытия своей души, приобщает к гендерным стереотипам, т.е. игра творит человека по образу и подобию сущностей своего времени.

Большинство игр неизменны во времени, благодаря чему складывается ощущение глубинных исторических корней, рождается преемственность, традиционность и устойчивость социума. Именно в формате культовой игры складывается определенный порядок и правила жизни в родовой общине. Проводимые сакральные состязания способствовали успеху на практике. Ритуальные действия, имитирующие процесс охоты, прорабатывали технологические приемы выслеживания и преследования добычи; подражание тотемному животному в движении, действии, в организации жизнеобеспечения и т.д. гарантировали социальное благополучие рода.

Последующие упоминания об игровых бытийных практиках связаны с желанием заглянуть глубже, дальше в будущее, чтобы спрогнозировать, предвидеть исход, конечный результат некоего дела. Многочисленные архаические артефакты (выдолбленные в скалах Петры лунки для игры в манкала, известняковые плиты из Иордании, датированные VII–V вв. до н.э., вари, ади, бао в странах Африки, чатуранга в Индии, сенет в Египте и др.) свидетельствуют о популярности и массовости настольных игр.

Начиная с древности, на Востоке игре отводят значимое место. Так, в Индии древнейшая игра лила, появившаяся около двух тысяч лет назад, функционально использовалась как ключ к внутренним состояниям человека. Первоначальное название сакральной игры «Джняна-чаупада» переводится как «Игра знания». Семьдесят две клетки игрового поля – семьдесят два плана бытия. Попадая на ту или иную клетку, игрок получает определенную концепцию или идею, закрепленную за данным местом. Игральная кость символизирует взаимодействие космических сил

с конкретным индивидом, а указанное число на ней определяет ход дальнейшего бытия игрока. Безусловно, появление данной игры свидетельствует о том, что так человек древнего мира выказывал уверенность, что существует невидимая сверхсила, управляющая природой и человеком. А ритуал бросания игровой кости ассоциировался с возможностью общения и взаимодействия с Абсолютом. Таким образом, древнейшие цивилизации пытались воздействовать через игру на силы, вершащие судьбы Вселенной.

Во всех древнейших культурах игровые практики не просто присутствуют в жизни людей, а демонстрируют сакральность, божественность воли высших сил, символизирующих цикличность бытия. Так, египетская культура содержит артефакты, изображающие возвращение умершего к жизни через игру (изображение покойного, играющего в кости на стенах погребальных камер, обрядовые праздники, связанные с Осирисом, Исидой и др. божествами). В древнейших культурах игровая доска часто олицетворяла не только игровое пространство, но и нередко использовалась как алтарь, место для священного действия. Неконтролируемая, непостижимая сила, регламентирующая ход игры, постепенно становится олицетворением божеств, управляющих Вселенной. Появляются сакральные игрища, во время которых древние пытаются воздействовать на судьбу, силы мироздания. Азартная игра становится способом получить ответ на жизненно важный запрос. Все древнейшие цивилизации использовали элементы азартных игр при принятии судьбоносных решений, где ставкой становилось благополучие племени и сама жизнь (миф о Зевсе и Афродите, использующих кости для решения будущего, Дельфийские пифии, лотерея олимпийских богов, определяющая героев сражения и т.д.). Нередко мифология рассказывает о своеобразной инициации молодого представителя рода, сознательно ушедшего из племени для игровой практики с духовным наставником. Обычно игрок должен выполнить «урок», овладеть бинарными ролями (добро – зло,

сила – слабость, мир – агрессия и т.д.), отражающими суть мироздания. Считалось, что освоение магических аспектов игры помогает повелевать сверхсилами и отвечать за порядок во Вселенной. Азартная игра является технологией, устанавливающей равновесие в пространстве, переходной стадией между смертью и возрождением. В мифологическом сознании игра становится атрибутивной частью мифа, реализованной через синкретичность танца, музыки, образительного художественного творчества и практических прикладных действий, разыгранных в ритуальных действиях. Театрально-игровые формы становятся моделью человеческого мира, находящегося в гармонии со Вселенной.

Сакральная деятельность, представленная в виде игрового феномена, приравниваемого к мистическому священству, дарующего духовный рост и совершенство, рассматривалась как путь поиска причины всех вещей и явлений мира через культовые состязания, основанные на знаниях о происхождении мира и человека, тотема и Вселенной. Так зарождалась философия. Выстроенное в форме диалога состязание нацеливалось на нахождение достойного толкования на предъявленный вопрос о «знании первоначал» («Где край земли?», «Куда уходят полумесяцы, луны, соединяясь с годом?», «Куда уходят времена года?» и т.д.). Нередко победа базировались на нахождении ответов на загадки (Соломон и царица Савская, Заратустра и Ахура Мазда, Сфинкс и Эдип и т.д.). Так постепенно зарождалось диалектическое мировоззрение, до конца оформившееся в эллинистической культуре (Сократ, Платон, Аристотель). «Игра-состязание в остроумии с подзадориванием друг друга каверзными вопросами занимала ощутимое место в греческой манере вести беседу» [3, с. 145].

Древнегреческая культура трансформировала ритуальную игру в соответствии с действительностью. Ритуальные игры применялись при проведении земледельческих, поминальных, погребальных обрядов, в честь олимпийских богов, являющихся покровителями земледелия и ремесла (Афина):

– прохаристерии для лучшего прорастания хлебов, принтерии – означали жатву, калинтерии – созревание плодов и т.д. В честь Афины Паллады устраивались Великие Панафи-неи, ознаменовывающие силу и дух города и ареопага. Схожие типы игрищ проводили в честь Апполона, Деметры, Диониса и др. Постепенно культовые игрища, обеспечивающие благополучие греков, проводимые в честь богов, образовали первые в истории человечества Панэллинские игры – общенациональные празднества, символизирующие единство и согласованность древнегреческих полисов и достоинство свободнорожденных эллинов.

Правила честной борьбы, возможность показать себя и заработать достойную награду стали стимулом для участия в общегреческих играх – Олимпийских, Пифийских, Истмийских, Немейских и Делийских. Они были изучены и описаны И. Хейзинга, Я. Буркхардом, Г. Берве, О.М. Фрейденбергом, А.И. Зайцевым и др. Их работы отмечают огромное значение игр для развития античной культуры в целом, ведь во время их проведения прекращались военные конфликты, процветала торговля, и иноземным гостям выказывалось гостеприимство. К участию в данных мероприятиях допускались только мужчины, коренные жители Эллады, а женщины не имели права не только участвовать, но и присутствовать на данных состязаниях. Позднее для женщин были учреждены Герайи – игры, проводимые в честь Геры, покровительницы брака и семьи. Игра как элемент состязательности, соперничества, агональности все больше внедряется в бытовую практику греческого полиса, основанного на духе соревнования, предопределяющем «равенство и уподобление Богам». Игра становится той технологией, тем способом бытия, благодаря которому человек самосовершенствуется, стремится доказать свою уникальность, самобытность и самодостаточность. Игра с самим собой (я равный Богу), игра с миром (стремление к самоизменению), игры социума (полисный уклад), создают особую бытийность, реализованную через повседневную

действительность и космологическую мифологию.

Игра как священный ритуал проникает в бытие, обыденность человека, становясь их важным атрибутом. Так, из древних игрищ и зрелищ рождается драма. Ведь само слово «дромена» подразумевает церемонии с разыгрыванием сцен из жизни божеств (Дионисии). Данные греческие праздники были всенародными, ведь даже в театральных представлениях грань между актерами и зрителями отсутствовала, актеры обращались к окружающим, и зрители включались в игру артистов.

Победа в театральных состязаниях (комосах) считалась очень почетной и отражалась в дидаскалиях и похвальных надписях. Хорег (победитель) награждался венком и оставлял свою подпись на камне агоры. Удачное выступление повышало авторитет гражданина полиса и нередко давало политические и материальные преимущества.

Повседневность, выстроенная на агональности, стремление к превосходству над другими, желание чувства удовлетворенности заставляют человека жить играючи. Беря на себя определенные роли, соблюдая или нарушая те или иные правила, индивид одновременно как бы проживает разные жизни. Агонистика не просто тяготеет к соперничеству, а негласно предусматривает состязание между людьми, сообществами, греческими полисами. Формирование свободного гражданина проходило в гимнасии или палестре. Тренировка тела и души подстегивалась идеей стать лучше и достойнее, чем сосед, быть равным Богу через совершенство душевное или телесное, реализованное в идее калокагатии.

Стремление стать лучшим среди равных базировалось на частнособственнической экономике, конкурентная борьба корректировалась правилами, принятыми определенным полисом. Игровые состязания стали формой социализации и интеграции людей конкретного культурного сообщества. Интересна публичная сторона игровых действий Древней Греции, ведь именно через нее житель полиса

получает возможность представить себя в качестве отдельного, уникального, самобытного и самостоятельного индивида.

Агон реализовывался на агоре (сакральной площади для народного собрания) или театроне. Состязание ораторов оценивалось гражданами полиса, выбирающими будущего политика. Там же проходили судебные, философские диспуты, пиры песнопений, выбирались лучшие для дальнейшего участия в играх. На данных площадках провозглашались декреты, граждане полиса поощрялись венками и наградами, представлялись народу сироты убитых на войне защитников государства, выступали хорегии, философы и поэты, вершилось правосудие, удивляли дрессировщики, фокусники и гладиаторы. Игровые соревнования становятся «местом сильнейшего и жесточайшего спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от всех других выдающимся деянием, словом или достижением, доказав, что именно он живет как один из лучших» [1, с. 55].

Постепенно места игр (театрон или агора) идентифицируются с идеей демократии (народовластия). Игровое и состязательное начало проникло даже в судопроизводство. Достаточно вспомнить суд над Софоклом, обвиненном в слабоумии собственным сыном. Защищая себя, столетний драматург разыграл судьям фрагменты из только что написанной им трагедии «Эдип в Колоне» и был оправдан. Стихотворные вирши вызвали восторг, принесли триумф автору, судьи приветствовали стоя овациями осужденного, восхищаясь его остроумием и красноречием.

Игровой формат способствует эволюции научного знания, развившегося из словесной и числовой игры. Так, математика развивается в калейдоскопе аксиом, теоретических положений, противоборстве теорем и доказательств. «В игре состоялось определение окружности Земли, сделанное перипатетиком Дикеархом, и пифагорейские космогонии, изобретенная Эратосфеном система меридианов и па-

раллелей, родились такие разнообразные науки: геология, география, зоология, ботаника, медицина, физика, химия, механика, гидростатика, акустика и мн. др.» [4].

Игровой элемент римской культуры, с одной стороны, имеет близкое основание с греческой традицией, с другой стороны, покоится несколько на иных идеях. Агональность также является приоритетной в деятельности римлянина, но стремление быть лучше и достойнее поддерживается не столько желанием изменить себя, чтобы стать подобным, равным богу, а базируется на трезвости мышления, желании престижа и стремлении к власти. Римлянин играет богами, собрав в своем пантеоне их большое количество. Он легко принимает чужих божков и легко расстается с теми из них, кто не соответствует предъявленным требованиям. Считает, что богам нужны не чувства людей, а жертвы (кровь, вино, мясо животных и т.д.). Обрядовость, ритуальность пронизывала жизнь древних, базируясь на договорном начале. Принося жертву, этруск произносил слова «do ut des» («Я даю при том условии, что и ты мне дашь»). Позднее данное словосочетание ляжет в основу формулы римского права.

Большинство жителей той эпохи предпочитали простые, непритязательные праздники и зрелища, вышедшие из земледельческих обрядов. Более пятидесяти праздников годового цикла устраивались аристократами для плебеев ради популярности и возможности избрания на государственный пост. Праздники богов Януса, Пана, Анны Перенны, Либералли, Цереалии, Флораллии, Весталлии, Сатурналии – это неполный перечень любимых дат, во время которых устраивались луди, скачки, игрища с переодеваниями, песнями и танцами. Провозглашая физическую силу наивысшей добродетелью, первые луди (латинские игры), являясь частью религиозных церемоний, сопровождалась физическим воздействием. Так, на Луперкалии (в честь божества Луперка – покровителя пастухов и овец) жрецы ремнями из шкур жертвенных животных, избивали участ-

ников действия.

Особенно была популярна магия как средство управления человеком божественной силой. Заговоры, ритуальные действия в виде ворожбы (наблюдение за полетом птиц, знамение по случайно услышанному слову, трактовки по поведению священных цыплят, предсказание события по неблагоприятным предзнаменованиям: писк мыши, звуки со двора, горение огня и т.д., пророчество по «Сивиллиной книге» и др.) имели распространение повсеместно.

В отличие от Греции, где к практике гадания допускались лишь подготовленные, специально избранные люди, в Риме заниматься гаданием мог любой гражданин. Каждый хотел и мог сыграть с судьбой, хотя и были специально подготовленные гадатели-жрецы: авгуры и гаруспики, предсказывающие будущее по внутренностям животных и полету птиц.

Следует отметить, что культура Римской империи была представлена зрелищами: цирки, театры для игрищ, термы, луди, гладиаторские бои и травля диких животных, – все подчеркивало величие, роскошество и изобилие Римской империи. «Хлеба и зрелищ» – вот выражение того, что требовал плебос от государства. В большинстве городов империи были построены амфитеатры, где гладиаторы сражались для развлечения народа. Возникший из погребального культа этрусков гладиаторский бой демонстрировал силу духа и тела, символизировал мощь вечного Рима. Это были яркие и зрелищные празднества, соединяющие в себе красочное помпезное шествие знатных римлян, выступления предсказателей, жрецов, акробатов, жонглеров и танцовщиц, бои стравленных диких животных и воинов-гладиаторов. Это был способ каждому поиграть с судьбой, жизнью, где зритель решал судьбу побежденного бойца взмахом руки.

Культивируя физическую силу, римляне с удовольствием в часы досуга занимались бегом, метанием копья, борьбой и т.д. Не меньшей популярностью пользовались азарт-

ные игры (в кости, «голова или корабль», гонка на колесницах и т.д.), сопровождаемые ставками, тотализатором.

Древнеримский театр изначально профессионален, лишен сакральности и прежде всего был местом развлечения и приятного времяпрепровождения. В отличие от Греции, где актеры почитались и пользовались большим уважением, римские участники представлений презирались и за плохо сыгранную роль могли быть избиты. Зрелищность, декоративность, эффектность – эти качества предъявлялись к представлениям, основное назначение которых – удивлять и развлекать (яркий грим, помпезные парики, большое количество статистов в костюмах, украшенных натуральными драгоценными камнями, использование настоящего оружия, военного снаряжения, животных и т.д.). Именно римский театр ввел карикатурные маски, отражающие определенный типаж: дурака Макка, Хвастуна Буккона, ученого-шарлатана Доссенна и др. Многие комедии предъявлялись в виде нарочито грубых шуток, пародий, низводящих значимое в ранг обыденного (комедии Плавта, ямбы Катуллы о власть имущих, любовные поэмы и элегии Овидия, сатира Сенеки, Петрония и др.).

Ученые мужи и римская аристократия увлекаются центонами (словесными играми) – «лоскутными стихами», скомпилированными из известных строк других поэтических творений. До наших дней дошли центоны Цицерона, Апулея, Авзония, собранные из цитат Вергилия.

Азарт, риск, действие или вера в фортуна, определенную планиду – и та, и другая трактовка жизни типична для античного мира, который воспринимает игру как технологию противостояния судьбе, борьбу с роком или самой жизнью. Так, азартная игра становится метафорой равновесия в пространстве, символом смерти и возрождения, ей отводится роль идентификатора человека в бытии. Недаром Платон изрек: «Человек – это какая-то выдуманная игрушка бога, и, по существу, это стало лучшим его назначением. Этому и надо следовать; каждый мужчина и каждая

женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекрасные игры, устраивая жертвоприношения, распевая и танцуя, дабы расположить к себе богов и отбить врагов, победив их в бою» [1, с. 342].

Список литературы:

1. **Арендт, Х.А.** Vita activa, или О деятельной жизни [Текст] / Х.А. Арендт // Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. - СПб.: Алетейя, 2000. - 437 с.
2. **Платон** Законы [Текст] / Платон // Собрание сочинений. Т. 2. - М., 1993. С. 339 – 345.
3. **Хейзинга, Й.** Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хейзинга // Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. - М.: Прогресс – Традиция, 1997.- 416 с.
4. **Хотинская, Г.А.** Игра как феномен культуры в культурологических и семиотических описаниях. [Текст] / Г.А. Хотинская. [Электронный ресурс] - URL://<http://jarki.ru/wpress/2011/10/20/2769>. (дата обращения 15.03.2016 г.)

ГРНТИ 16.01.07

УДК 091

Плотников Иван Викторович

МЕТАФОРОЛОГИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорология, когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, метафорическое проектирование.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема метафоры как объекта научной деятельности. Анализируются подходы различных научных школ к феномену метафоры.

METAPHOROLOGY IN THE HISTORY OF SCIENCE

KEYWORDS: metaphorology, cognitive linguistics, cognitive metaphor, metaphorical projection.

ABSTRACT. In this article the problem of metaphor as a scientific research object is reviewed. The approaches of different scientific schools to the phenomenon of metaphor is analyzed.

Метафора как языковой феномен является объектом изучения многих филологических дисциплин. При этом традиционно противопоставляется метафора как единица номинации (объект лексикологии) и метафора как троп (объект теории художественной речи). И в той и в другой отрасли существует множество работ, описывающих различные стороны этого языкового феномена: механизмы метафорических переносов, место метафоры в лексической системе языка, классификации метафоры, её экспрессивно-стилистические возможности и т.д.

Отрицательно относились к метафоре английские философы-рационалисты. Так, Т. Гоббс писал: «Свет человеческого ума — это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания — путь, а благоденствие человеческого рода — цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [4, с. 63].

Дж. Локк в своей инвективе против несовершенств языка также осудил образное употребление слов, которое «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать

страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [6, с. 567]. Склонность человека к метафоре представлялась Локку противостоительной.

Приведенные оценки основываются на том, что метафора — это один из способов выражения значения, существующий наряду с употреблением слов в их прямом и точном смысле, но гораздо менее удобный и эффективный. На этом тезисе сходились мыслители, придерживающиеся рационалистических, позитивистских и прагматических взглядов, сторонники философии логического анализа, эмпирицисты и логические позитивисты. В рамках названных направлений метафора считалась недопустимой в научных сочинениях и «совершение метафоры» приравнивалось к совершению преступления (ср. англ. to commit a metaphor по аналогии с to commit a crime).

Философы и ученые романтического склада, искавшие истоки языка в эмоциональных и поэтических импульсах человека, напротив, считали метафору фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Ф. Ницше писал: «"Вещь в себе" (ею была бы именно чистая, беспосредственная истина) совершенно недостижима... для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [7, с. 396].

Ницше считает, что познание в принципе метафорично, имеет эстетическую природу и не оперирует понятием верифицируемости. Если рационализм исторгал метафору как неадекватную и необязательную форму выражения истины, то философский иррационализм стремился отдать все царство познания метафоре, изгнав из него истину. Разные версии и рефлексии такого подхода к роли метафоры в познании встречаются во всех философских концепциях, которые отмечены печатью субъективизма, антропоцентричности, интуитивизма, интереса к мифопоэтическому мышлению и национальным картинам мира. Х. Ортега-и-Гассет полагал, что метафора — это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. Позднее говорилось о том, что метафора открывает «эпистемический доступ» к понятию [8].

В те же годы было положено начало другой важной для современных когнитивных исследований линии развития мысли. Э. Кассирер начал публикацию цикла исследований о символических формах в человеческой культуре. В небольшой книге «Язык и миф», предварившей издание этого труда, Кассирер в сжатой форме изложил основные положения своей концепции [9].

В отличие от Ницше, Кассирер не сводил к метафоре все способы мышления. Он различал два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифопоэтическое) и дискурсивно-логическое мышление. Дискурсивно-логический путь к концепту состоит в ряде постепенных переходов от частного случая к все более широким классам. Приняв в качестве отправной точки какое-либо эмпирическое свойство предмета, мысль пробегает по всей области бытия (отсюда термин «дискурсивное мышление»), пока искомым концептом не достигнет определенности. Именно так формируются понятия естественных наук. Их цель — превернуть «рапсодию ощущений» в свод законов.

В итоге вотум недоверия метафоре и всему челове-

скому познанию, вынесенный Ницше, обернулся надеждой на ее эвристические возможности, суггестивность. Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции. Было обращено внимание на моделирующую роль метафоры: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем.

Последние десятилетия лингвистическая наука стремительно развивалась по пути популярного направления, носящего название Когнитивная Лингвистика или Когнитивистика. Интерес ученых к данной области не утихает и сегодня. Одним из главных открытий когнитивистики считается когнитивная теория метафоры. Данная теория вывела метафорологию на качественно новый уровень. –В последнее время к феномену метафоры обращаются философы, лингвисты, психологи, литературоведы, а так же представители других лингвистических наук.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [3, с. 17].

Общепризнанным лидером такого подхода к метафоре считается профессор Калифорнийского университета в Беркли Джордж Лакофф. А.Н. Баранов отмечал, что изданная в 1980 г. книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff 1980] (в русском переводе [5]) очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [1, с. 7]. Согласно теории Лакоффа и Джонсона, в основе метафоризации лежит принцип взаимодействия между структурами сферы-

источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате односторонней метафорической проекции (metaphorical mapping) сформировавшиеся в ходе взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры [2, с. 8].

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД - ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Специальные наблюдения позволяют выделить три регионально-методологических центра исследований в сфере политической метафоры: североамериканский, европейский и российский. Несмотря на разнообразие подходов, исследователи продолжают развивать отдельные положения теории концептуальной метафоры. Так, А. Мусолфф [10] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной "эволюции" (conceptual evolution) метафор.

Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и "концептуальную гибкость" [3, с. 19].

Другими словами, метафоры действуют в политическом

дискурсе, подобно тому, как живые организмы, обладающие свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействуют с окружающей средой, или "выживают" и "эволюционируют" наряду с другими метафорами. В общем и целом, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих сильное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Метафора выводит наружу один из парадоксов жизни, состоящий в том, что ближайшая цель того или другого действия (и в особенности творческого акта) нередко бывает обратна его далеким результатам: стремясь к частному и единичному, изысканному и образному, метафора может дать языку только стертое и безликое, общее и общедоступное. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом.

Появление все новых и новых модификаций теории метафоры в ее применении к изучению того или иного дискурса, обращение исследователей ко все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации и художественном тексте – все это требует всестороннего осмысления истории, культуры и современного состояния названного научного направления, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив исследования метафоры.

Тем самым, мы приходим к выводу, что, несмотря на богатую историю метафорологии и большое количество исследований, изучений метафор – по-прежнему перспективно и актуально, в том числе и потому, что метафоры проникают во все сферы жизни и мыслительной деятельности.

Список литературы:

1. **Баранов, А.Н.** Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя [Текст] / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы

живем. - М., 2004.

2. **Будаев, Э.В.** Когнитивная теория метафоры: новые горизонты [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 1 (110). — С. 6-13.

3. **Будаев, Э.В.** Становление теории когнитивной метафоры [Текст] / Э.В. Будаев// Лингвокультурология. - Вып. 1. - Екатеринбург, 2007. - С. 16-32.

4. **Гоббс, Т.** Левиафан. [Текст] / Т. Гоббс - М., 1936.- 503 с.

5. **Лакофф, Дж.,** Метафоры, которыми мы живем. [Текст]/ Дж. Лакофф, М.Джонсон - М., 2004.

6. **Локк, Дж.** Опыт о человеческом разумении [Текст] / Дж. Локк // Сочинения в 3-х тт., Т. 1. - М., 1985.- 670 с.

7. **Ницше, Ф.** Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873). [Текст] / Ф.Ницше // Полн. собр. соч., Т. 1. - М., 1912. - 520 с.,

8. **Boyd, R.** Metaphorandtheorychange. [Text] — In: Metaphorandthought. Cambridge, 1979

9. **Cassirer, E.** DiePhilosophiederSymbolischen Formen. Bd. 1 — 3. [Text] Berlin, 1923-1929.

10. **Musolff, A.** Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 [Text] // Language and Peace / Ed. C. Schäffner, A. L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995: 27.01.2015)

**КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО СЛОЯ
ЗНАНИЙ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО
ФИЛОСОФИИ И НАУКИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промежуточный слой знаний, научная картина мира, философско-мировоззренческие идеи, «темы», «универсалии культуры», «архетипы», культурно-историческая модель формирования философских понятий.

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что уникальность философии состоит в том, что она не только выражает – подобно остальным сферам – жизненные смыслы культурно-исторической эпохи, но и способна рефлексировать над ними, превращая их из неосознаваемых оснований культуры в философские понятия. Осмысление мировоззренческих структур лежит в основании культуры и истории, что является ключевым аргументом в актуальности изложенной концепции «промежуточного слоя знаний». Значительное влияние на формирование учёного оказывает тот «слой» знаний и методологических представлений, структурными элементами которого являются «темы», «универсалии культуры» или «архетипы» в терминологии Дж. Холтона, В. С. Стёпина и М. Фуко.

*Signaevskaya Olga Romanovna
Strelchuk Tatiana Alexandrovna*

**THE CONCEPT OF AN INTERMEDIATE LAYER OF
KNOWLEDGE: THE DIALECTICAL UNITY OF PHI-
LOSOPHY AND SCIENCE**

KEY WORDS: intermediate layer of knowledge, scientific picture of the world, philosophical and ideological ideas, "topics", "universals of culture", "archetypes", cultural-historical model of philosophical concepts.

ABSTRACT. The article shows that the uniqueness of philosophy is that it not only expresses - like other areas - vital meanings of cultural-historical era, but also able to reflect on over them, turning them from the unconscious foundations of culture in philosophical concepts. Understanding the ideological structures is the foundation of culture and history, which is a key argument for the relevance of the concept described "intermediate layer of knowledge". Significant influence on the formation of the scientist has the "layer" of knowledge and methodological concepts, the structural elements are the "threads", "universal culture" or "archetypes" in the terminology of J. Holton, V.S. Stepin and M. Foucault.

Сложившаяся в XXI веке ситуация кризиса в науке формирует понимание того, что традиционный тип рациональности исчерпал свои возможности и стал даже опасен для человека. В науке, ориентированной на этот тип рациональности, все человеческое исключено из познавательного процесса и потому, чисто объективистское научное знание, отделенное от человека, уходит в прошлое.

Воистину, рациональность, порожденная разумом, вытеснила разум. Сегодня уже очевидно, что логико-гносеологическую модель науки, в основе которой лежит подобный тип рациональности, должно заменить иной моделью – моделью науки, базирующейся на гуманистическом типе рациональности. В поисках причин сложившейся ситуации дегуманизирующими факторами науки нередко полагают нарастание абстрактности научных построений, формализацию и математизацию научных теорий, технизацию социальной жизни и технологизацию общественного производства, обусловленные использованием

достижений естествознания, и снижающих качество жизни человека [4].

В сущности, такое истолкование положения вещей является выражением антисциентистской позиции, но поскольку подобные суждения высказываются серьезными учеными, не хочется верить, что их следует понимать в прямом смысле. Скорее всего, речь здесь идет о предпосылках дегуманизации общественной жизни, созданных благодаря успехам науки.

В этой связи, в контексте трансформации современной российской системы образования сложно переоценить значимость вопроса двусторонности отношения философии и науки, которое может рассматриваться, во-первых, как внутреннее и, во-вторых, как внешнее, что ставит нас перед проблемой взаимодействия философии со специально-научным знанием. Проблема соотношения философии и науки является очень актуальной, особенно в свете распространения постмодернистских философских течений, отвергающих научный характер философии [1, с. 112].

С учётом же единства всех многообразных проявлений сущности философии, философия должна быть охарактеризована именно как наука, причём именно как всеобщая и именно как мировоззренческая наука, а вовсе не как искусство, религия, или произвольный набор чьих-то субъективных мнений [2, с. 22]. Признание актуальности этих мыслей не отрицает признания многообразия стратегий философствования: как сциентистских, так и несциентистских [2]. Сциентистская традиция в самоопределении философии обладает значительной социокультурной ценностью, логической обоснованностью и широкой представленностью в истории философии.

Выделим в истории проблемы соотношения этих видов познания тот подход, который рассматривает их в единстве, утверждая их неразрывную сущностную взаимосвязь. В соответствии с традицией обозначим его как *диалектический*; соответственно, противоположный подход, основан-

ный на жёстком разграничении философии и науки как способов понимания мира, может быть определён как метафизический. История науки — это не прогулка по кладбищу забытых идей, а путь к правильному пониманию и постановке современных проблем [1, с. 17]. Изучение философии невозможно без обращения к её истории, то есть к тем исходным методологическим позициям, которые выработывались веками.

Уникальность философии состоит именно в том, что она не только выражает — подобно остальным сферам — эти жизненные смыслы, но и способна рефлексировать над ними, превращая их из неосознаваемых оснований культуры в философские понятия. По поводу последних возникают вначале философские, а затем и более широкие, общественные дискуссии, в результате которых какие-то из существующих (ранее сформировавшихся в определённой культуре) универсалий признаются не соответствующими новому опыту (социальному, научному и другому) и элиминируются из основания этой культуры. Их место занимают новые смысложизненные ориентиры, способствующие нахождению ответа на новые исторические вызовы.

Этот процесс смены универсалий, в совокупности образующих основание культуры (как какой-либо локальной, так и общечеловеческой) и лежит в основании её развития. В начале XXI века, очевидно, что в философские основания науки входят также философские идеи и принципы, которые обеспечивают перестройку нормативных структур науки и картин реальности, а затем применяются для обоснования полученных результатов — новых онтологий и новых представлений о методе» [2, с. 59].

Часто вопрос о природе науки безнадежно тонет в мутном потоке философской словесности. Действительно, на протяжении всей истории самоопределения философии противники её научного статуса указывали на многозначность, расплывчатость и неопределённость философского языка. Однако именно рассмотренная модель формирова-

ния философских понятий позволяет оценить эту многозначность как неизбежно вытекающую из специфики философии – рефлексии над универсалиями культуры. Процесс философского осмысления мировоззренческих структур, лежащих в основании культуры, содержит несколько уровней рефлексии, каждому из которых соответствует свой способ оформления философских категорий» [1, с. 21]. Последние неоднозначны, поскольку их наполнение новым содержанием за счет рефлексии над основаниями культуры выступает предпосылкой для каждого последующего этапа внутритеоретического развития категориального аппарата философии [2, с.117]. Эта рефлексия представляет собой особый аспект философского постижения действительности, в ходе которого развивается категориальный аппарат философии [2, с. 119]. И именно такой понятийный аппарат способен раскрыть сущностные характеристики рассматриваемого нами промежуточного (между НКМ и философско-мировоззренческими идеями) слоя знаний.

Рассмотрим исследование этого слоя Дж. Холтоном, немецко-американским физиком и философом, специалистом по истории и философии науки [3], создателем «тематического анализа», дающего возможность находить в развитии науки определенные черты постоянства или непрерывности, некоторые относительно устойчивые структуры, которые воспроизводятся даже в изменениях, считающихся революционными, и которые подчас объединяют внешне несоизмеримые и конфронтующие друг с другом теории» [3, с. 96]. Ученый показал с одной стороны, социальную обусловленность науки, а с другой – практическую значимость исследований в области философии и истории науки для общекультурного развития общества [3, с.45].

Центральным понятием этого подхода является «тема». Во-первых, это «тематическая компонента понятия», примером чего он называет использование понятий «симметрия» и «континуум» [3,С. 26]. Во-вторых, методологиче-

ский аспект «темы» — например, «установка на выражение научных законов всюду, где это возможно, в терминах каких-то постоянств, или экстремумов, или запретов» [3, с. 26]. И, в-третьих, то, что он называет «тематическим утверждением» или «тематической гипотезой», иллюстрируя это такими «фундаментальными положениями», как «ньютоновская гипотеза о неподвижности центра мироздания или два принципа специальной теории относительности» [3, с. 27].

Таким образом, сравнительно небольшой набор тем, определяемых через такие оппозиции, как например, бесконечное и конечное, однородность и структурная иерархия, стационарность и эволюция, обратимость и необратимость для наук о Вселенной, эволюция и регресс, редукционизм и холизм, атомизм и концептуализм, обеспечивает относительную стабильность и преемственность роста научного знания. Некоторые из этих «тем» синонимичны философским понятиям, другие – частнонаучным, но все они представляют тот слой знания, который мы выше назвали промежуточным. Попытки выбора учёным тех или иных «тем» «остаются делом интеллектуального и профессионального риска — ибо тематические выборы сами по себе не допускают ни проверок, ни опровержений» [3, с. 14]. Это же касается и «тем», связанных со спецификой применяемых методов – метод разложения и редукции и ненадежен, и не более необходим, чем любая другая методологическая тема, — иначе говоря, что он ни верифицируем, ни фальсифицируем, а его полезность полностью зависит от нашей удовлетворенности его результатами [3, с. 22–23].

Более того, значительное влияние и на формирование личности учёного оказывает именно тот «слой» знаний и методологических представлений, структурными элементами которого являются «темы», «универсалии культуры» или, например, «архетипы» в терминологии Дж. Холтона, В. С. Стёпина [5] и М. Фуко.

В современной философии науки важны исследования специфического «слоя» знаний и методологических представлений, который, основываясь на философско-мировоззренческих идеях, обуславливает специфику научной методологии и научной картины мира. Метафизические основания науки, напрямую смыкающиеся с основаниями культуры, влияют на гносеологические предпосылки науки. В философии науки выделяют тот аспект промежуточного слоя знаний, который связан со спецификой того или иного культурно-исторического типа. Только философия науки способна изучить этот слой знаний, промежуточный между научной картиной мира и философско-мировоззренческими идеями.

Список литературы:

1. **Войтов, А.Г.** Философия. Учебное пособие для аспирантов [Текст] / А.Г. Войтов - М. : Дашков и К, 2003.- 514 с.
2. **Зеленов, Л. А.** История и философия науки.[Текст] / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, В.А. Щуров - М. : Флинта : Наука, 2014. – 472 с.
3. **Микулинский, С. Р.** Джеральд Холтон и его концепция тематического анализа [Текст] // Тематический анализ науки. – М.: «Прогресс», 1981. – 303 с.
4. **Сигнаевская, О.Р.** Качество жизни: социально-философский аспект: [Текст] колл. монография / О.Р. Сигнаевская // Качество жизни: вчера, сегодня, завтра. – Екатеринбург, 2014. С. 258-268.
5. **Стёпин, В. С.** Цивилизация и культура.[Текст]/ В.С. Степин - СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.

ИДЕАЛЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеалы, современное общество, современная молодежь, возможности, внутренний мир человека.

АННОТАЦИЯ: На каждом историческом этапе возникает вопрос: каковы идеалы современной молодежи? Сегодня этот вопрос также достаточно актуален. В эссе обосновывается идея о том, что у каждой личности свои идеалы и свое мировоззрение, а также раскрывается один из возможных путей достижения счастья в современном обществе потребления.

*StrelchukTatyanaAlexandrovna
Gorbunova YuliaAlexandrovna*

THE IDEALS OF MODERN YOUTH

KEYWORDS: ideals, modern society, modern youth, possibilities, interior.

ABSTRACT: There is a question at each historical stage: what ideals of modern youth? This is a topical issue today. The idea that each person has unique ideals and the outlook is proved, and also one of possible ways of achievement of happiness in a modern consumer society is revealed in the essay.

Каковы идеалы современной молодежи? Вопрос весьма абстрактен и неоднозначен, не так ли? Пожалуй, я не решусь выразить мнение за всю молодежь в современном обществе. Тем более, в зависимости от социальной среды формируются соответствующие идеалы. Хотя, я думаю, вы

позвольте мне поделиться с Вами своими идеалами, я ведь тоже часть молодежи современного общества?!

По мне так идеальных людей не бывает! У каждой личности своя картина мировосприятия. Внутренний мир личности подобен художнику, который рисует пейзаж. Он сам решает, каким цветом будет небо на его картине, будет ли там пасмурно или солнечно? А нарисует ли он дом, и каков он будет? Мы так схожи с художниками, не так ли? Однажды прогуливаясь по осеннему парку, художник вздрогнет от удивления, ведь он увидел то самое дерево, которое когда-то рисовал, он почувствует гармонию с природой, будто это самое прекрасное, что может быть на свете. Он осмотрится и воскликнет: «О боже, да это же тот самый пейзаж, с моей картины!». В ту же минуту пройдет женщина и увидит там совершенно другие краски. И подумает: «Ох, какой же ужасный парк, в нем даже нет лавок для чтения!»! Так же и в жизни, понимаете? Находясь в одном месте, мы видим совершенно разные вещи, придаем разное значение для каждой из них. Идеал – это неоднозначное понятие, нет общего идеала, также как и нет двух одинаковых людей. Идеалы – это часть нашего смысла жизни. В праве ли одна личность дать общую оценку идеалам? По моему мнению, нет. Знаете, это словно взглянуть человеку в глаза и сказать – «Пустота»! Как можно осуждать внутренний мир людей и сливать их воедино. Но что такое эссе – это полет наших мыслей, мы можем позволить и представить себе некий идеал общества. Так давайте не будем упускать такой возможности и позволим себе окунуться в мир прекрасного.

Представьте общество, в котором деньги – это не более чем просто лист бумаги. Представляете, вам не нужно работать ради того чтобы прокормить семью, Вы работаете, потому что Вам нравится это. Вы улыбаетесь своему директору не потому, что желаете получить премию, а потому что вы счастливы, что он принял Вас на работу, где вы творите, проявляете свою индивидуальность.

Представьте, вы можете позволить себе всё, что угодно. Возникает вопрос, а нужна ли Вам дорогая машина, если она ничего не стоит? Быть может, Вам не нужен комфорт, но вам не хватает человека, который создаст для Вас его. Можно быть, счастье – это гулять под дождем с человеком, с которым Вы чувствуете непередаваемую энергию и интерес. Для чего Вам роскошь, если Вы самый счастливый человек? У вас есть семья, возможности достичь всего, чего желаете, а вы заикливайтесь на вещах, работаете и тратите на них всю свою жизнь.

Может быть, идеал далеко не в погоне за роскошью, а в душе человека. Может, стоит задуматься, нравится ли мне моя работа, нравится ли мне мое окружение. Может, стоит больше улыбаться детям и быть счастливым, потому что сегодня февраль и по прогнозу не должно быть солнышка, а оно светит. Может, стоит относиться к себе так, будто Вы тот самый человек, от которого зависит будущее нашей культуры, нашей страны и каждого из нас. И не стоит, глядя в зеркалоогорчаться, что сегодня выодеты не в самую модную и дорогую одежду, ведь у Вас есть сегодня, которое не купить завтра.

Может, идеал в том, чтобы совершенствоваться каждый день. Может, не стоит заикливаться на идеалах, а стоит уже думать, как их достичь. Еще древние мыслителиЛао-цзы и Чжуан-цзысчитали, что смысл жизни – это естественный путь жизни в гармонии с природой. Может, хватит листать журналы и сожалеть о том, чего у Вас нет, а стоит прислушаться к своему сердцу и начать жить своей жизнью?

Кстати, что касается внешнего вида. Люди часто придают этому огромное значение. Стараются быть похожими на кого-то. Пытаясь повторить стиль одежды или прическу. Поймите, вы будете неповторимыми, если просто будете собой. А если вы желаете выделиться чем-то, то просто станьте собой и вы почувствуете, насколько вы уникальны.

Если к чему и стоит стремиться – это к духовному развитию. Я вдохновлена известным физиком Стивеном Хокингом, я восхищаюсь Ником Вуйчичем, я вдохновляюсь своей бабушкой, которая находилась в тылу во время Великой Отечественной Войны и до сих пор является моей опорой и спутником по жизни. Я вдохновляюсь природой. Что может быть идеальнее утреннего рассвета?! Лишь только закат в конце дня! Что может быть прекраснее и светлее взгляда матери?! Лишь только её улыбка! Что может быть дороже жизни на свете?! Лишь только время, которое нам отведено!

Я не желаю, чтобы вы всю жизнь гнались за кем-то или чем-то, я желаю каждому из вас чувствовать гармонию с миром каждый день. Восхищаться бесценным, видеть прекрасное там, где никто не видит. Быть собой даже в том случае, если другие считают иначе. Будьте собой до последнего и тогда обязательно на Вас станут обращать внимание другие, просить вашего совета. В ответ на это вы улыбнетесь и скажите: «Мой друг, нет ничего прекраснее, чем быть собой. Твоя работа с огромным заработком не стоит того, чтобы отдавать ей всю жизнь. А проведенные часы, которые ты тратишь в интернет-магазине в поисках нового гаджета, никогда не помогут стать тебе личностью и стать выше всех стереотипов».

Благодарю Вас за внимание и желаю, чтобы на Вашем лице всегда была улыбка, которая так важна для Ваших близких. Счастье в простоте.

ИДЕАЛЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РАЗ- МЫШЛЕНИЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, идеал, ценности, семья, труд, образование, нормы, нравственность, здоровый образ жизни, планирование, самоменеджмент.

АННОТАЦИЯ. Статья содержит размышления молодой женщины о идеалах современной молодежи на примере своих близких и своем собственном жизненном опыте. Автор рассуждает о ценностях, присущих молодому поколению: ценностях семьи, труда, образования, здорового образа жизни и других. Особое внимание автор уделяет вопросам самоменеджмента и нравственности.

SysoevaJulyaArkadyevna

WHAT ARE THE IDEALS OF TODAY'S YOUTH: REFLECTIONS OF A YOUNG WOMAN

KEY WORDS: The youth, ideal, values, family, work, education, norms, morality, healthy lifestyle, planning, self-management.

ABSTRACT. The article contains the reflections of a young woman about the ideals of modern youth on the example of their loved ones and their own life experiences. The author discusses the values inherent in the younger generation: the family values, work, education, healthy lifestyle and other. Special attention is paid to the issues of self-management and morality.

Тема идеалов современной молодежи всегда актуальна. На мой взгляд, рассуждать на эту тему могут либо собственно молодые люди, либо те, кто хорошо знают молодежь и её проблемы. Я сама по возрасту отношусь к молодежи и

на своем примере могу рассказать, каковы мои идеалы. Также я немного коснусь своих знакомых молодых людей, попробую понять, что важно для них.

Современные молодые люди – все разные, но могу сказать одно: во многом они повторяют своих родителей, т.е. основные идеалы, или то, к чему стремятся люди, заложены с детства. И, притом, идеалы задаются не словами, а делами. Сколько угодно можно говорить: «Трудись, трудись!», но если родители сами не стремятся работать на совесть, а иногда и просто работать, то дети вряд ли будут стремиться трудиться и воспринимать труд нормой жизни. Мне кажется, что заложенные с детства нормы становятся неотъемлемыми регуляторами, даже не всегда осознаваемыми, особенно «в простых жизненных ситуациях», когда «моральный выбор осуществляется почти “автоматически”, поскольку прямолинейные, однозначные нормы мгновенно подсказывают шаблон должного поведения» [5, с.52].

Для меня основным идеалом является обязательно работающий человек. Именно в трудовой деятельности можно реализоваться, применить свои знания, принести кому-то пользу. Я подрабатывала, будучи студенткой, затем после окончания университета сразу устроилась на работу, работала также и во время декретного отпуска. Не могу сказать, что вся молодежь нацелена на такой идеал, но хочется верить, что многие. Тем более, что последние отечественные исследования среди молодежи свидетельствуют об этом [см. 3]. Мне представляется справедливым утверждение, что решающее значение в развитии молодого человека имеет место его работы, та политика, которую проводит организация (предприятие) в отношении молодежи [6, с.47]. Если эта политика направлена на развитие личности молодых работников, воспитание в них духовно-нравственных качеств, то положительные качества, заложенные в семье, будут и дальше развиваться.

Другим идеалом для меня является человек, старающийся помочь ближним людям. Я стараюсь по мере своих сил помогать знакомым, друзьям. Причем делаю это бескорыстно. Правда, тут есть оборотная стороны медали: очень многие стараются этим пользоваться. Но для меня помощь другим – это норма, я считаю, что для того, чтобы удача была вблизи меня, просто необходимо делать добро людям и не ждать взамен благодарности. Думаю, что такой воспитали меня родители, полагая, что формируют во мне нравственные качества, и я благодарна им за это. Хотя человек не только усваивает социальные нормы, но и «в состоянии сам выбрать или выработать их совокупность, отвечающую только его личному представлению о нравственном» [5, с.50].

Третьим моим идеалом является семейный человек. Ничего нет важнее семьи и детей. В современном мире семья, на мой взгляд, отходит на второй план, этому мы находим подтверждение в отечественной литературе, рассматривающей проблемы молодежи [1, с.198]. Молодежь, зачастую, не ищет сложных путей, старается жить для себя. Ведь в наше время очень много соблазнов, к примеру: путешествия по миру, спортивные занятия, корпоративные мероприятия, посещение выставок, театров и многое другое. Очень много возможностей у молодежи сегодня по реализации своего хобби. Конечно, в какой-то мере семья и дети не дают вовремя делать то, что хочется, как в финансовом плане, так и во временном ограничении. Хотя, я считаю, что было бы желание и невозможное может стать возможным. У меня двое детей, однако, я нахожу возможность продолжать учиться, работать, встречаться с друзьями, ходить в театр и кино, заниматься плаванием.

Следующий мой идеал – это человек, стремящийся к образованию. В этом учебном году я поступила в магистратуру, причем не по настоянию родителей, как это было в 18 лет, когда я еще мало понимала важность высшего образования, да и особо не знала, куда лучше пойти учиться

для будущей профессии, а по собственному желанию. Осмысление пришло с годами, когда стало понятно, что хочется стремиться к чему-то большему, а в наше время сложно быть успешным человеком без фундаментального образования [10, с.129-131]. Многие молодые люди не понимают, к сожалению, важность обучения не только ради карьеры, но и для личностного развития. Из моего окружения мало кто идет продолжать свое обучение, объясняя это возрастом, семейными проблемами, финансовыми сложностями... Но я считаю, что это очень важная составляющая современного молодого человека.

Еще один немаловажный идеал современной молодежи – это человек знающий, чего он хочет, умеющий ставить себе цели и стремящийся достигать их. Для этого крайне важно уметь планировать и распределять свое драгоценное время. В наши дни мир диктует нам условия жизни, особенно в мегаполисах, что приводит к необходимости планирования времени, финансов, самой жизни. Неоднократно убедилась, что без планирования невозможно достичь цели. Нужно тщательно продумывать риски, возможности, ресурсы, которыми мы обладаем. Очень важно сейчас планировать также и свою финансовую ситуацию, чтобы можно было осуществить задуманное. К примеру, очень часто встречаю такие фразы среди друзей: «Мы не можем себе позволить купить машину, у нас нет денег на поездку на отдых, давно хотим, но не получается заняться спортом, к примеру горными лыжами, плаванием, фитнесом...». Однако тут же чаще всего идут рассказы, как покупается из месяца в месяц одно и то же. К примеру, одежда, косметика, обувь. Конечно, реклама постоянно призывает покупать новые модели одежды, обуви, электроники, и люди стремятся соответствовать предлагаемому внешнему облику современного человека, но во всем должна быть мера, в качестве которой функционирует норма как эталон. Происходит это «в момент оценки человеческого поведения,

отношений и деятельности в целом со стороны сообщества» [4, с.25].

И тут планирование было бы не лишним. Если человек найдет время и желание планировать свою жизнь, то, наверное, пустых трат не будет. Я считаю, что планирование может и должно выступать стимулом для дальнейшего развития. Когда человек знает, чего он хочет, он начинает понимать, как получить желаемое. Умение планировать – это сложный процесс, это как вторая работа! Как планировать финансовую часть? Надо завести потребительскую корзину, анализировать свои расходы и доходы. Это даст возможность увидеть, куда уходят деньги больше всего, в чем и какие статьи расходов можно урезать, а куда можно сэкономленные деньги вложить. Я уже более 4 лет учитываю свои расходы и доходы. Семейный бюджет стал прозрачен, я точно могу сказать, на что и в каких размерах тратятся деньги. Из моего окружения единицы занимаются учетом и планированием своих расходов, считая это пустой тратой времени. Кстати сказать, это как раз те люди, которые чаще всего говорят, что у них нет денег на то, что они хотели бы приобрести. Впрочем, это связано не только с целями в жизни, но, прежде всего, с индивидуальными качествами человека [8, с.398-399]. Мои же рассуждения о планировании в сфере домашнего бюджета можно было бы применить и к планированию своей жизни, самоменеджменту.

Хотелось бы отметить такой идеал, как физически подготовленный и ведущий здоровый образ жизни человек. В современном мире уже не модно наплеватьски относиться к своему здоровью. Молодежь просто грезит подтянутыми фигурами, диетами, физическими упражнениями как минимум, и как максимум занятиями фитнесом, плаванием, катанием на лыжах, сноуборде и коньках, отдавая предпочтение тому или иному виду спорта [9, с.114]. Все стараются в социальных сетях показать себя здоровыми и счастливыми. А это просто невозможно без здорового пи-

тания, физических нагрузок, без отказа от вредных привычек.

И, наконец, не могу не сказать о том, что моим идеалом все же является культурный человек. В моем понимании это тот, кто, прежде всего, разделяет общечеловеческие и национальные ценности [2, с.131-137], ценности нашей Родины. Среди ключевых ценностей нашей Родины исторически – высокая нравственность. Другими словами можно сказать, что исходной универсалией культуры является нравственность [7, с. 287-302]. Это высказывание имеет практическое значение, особенно по отношению к современной молодежи: жить по чести и совести, относиться к окружающим как к себе равным. В общении – не унижать чувство достоинства окружающих тебя людей.

Подводя итог моим рассуждениям, замечу, что каждый из моих идеалов тесно связан друг с другом, система моих идеалов помогает мне не просто комфортно существовать в социуме, но и быть полезной и обществу, и своей семье, и себе самой. Идеалы и ценности моих друзей и знакомых, в общем и целом, принципиально не отличаются от тех, которые я описала, хотя, возможно, различаются по приоритету. Мне хочется, чтобы среди моего поколения было как можно больше людей, обладающих такими же, как у меня, идеалами.

Список литературы

1. **Вишневский, Ю.Р.** Социология молодежи : [Текст] курс лекций : [учеб. пособие]. / Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов // М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т, – 2-е изд., испр. и доп. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 246 с.
2. **Гончаров, С.З.** Общечеловеческое и национальное в культуре-потенциал духовной солидарности [Текст] / С.З. Гончаров, Н.В. Попова // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. - №1 (17). - С. 131-137.

3. **Положение молодежи Свердловской области в 2014 году:** Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; УрФУ. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. - 350 с.
4. **Попова, Е.В.** Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: [Текст] моногр. / Е.В. Попова - Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос.гос.проф.-пед.ун-т», 2008. - 122 с.
5. **Попова, Е.В.** Противоречивость бытия нормы в контексте культуры [Текст] / Е.В. Попова // Научный журнал «Человек>Общество<Государство». Челябинский многопрофильный институт / науч. ред. Е.А. Куштым. - Челябинск: Полиграф-Мастер, 2015. - №1 (1) - С.48-53.
6. **Попова, Н.В.** Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. Диссертация... канд. филос. наук: 09.00.11. - Екатеринбург, 2012. - 195 с.
7. **Попова, Н.В.,** Нравственность – исходная универсалия культуры [Текст] / Н.В. Попова, С.З. Гончаров // Вторые Лойфмановские чтения: универсалии культуры: материалы Всероссийской научной конференции (19–20 декабря 2006 г., Екатеринбург). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. -С. 297-302.
8. **Ророва, N.V.** Взаимосвязь личностных особенностей и карьерных ориентаций молодых работников промышленного предприятия [Текст] / N.V. Rorova // Вестник КазНУ. Серия: психология и социология, № 1 (52) – «Казак университеті», Алматы, 2015. - Рр. 392-400.
9. **Попова, Н.В.** Спортивные предпочтения как элемент здорового образа жизни работников предприятия [Текст] / Н.В. Попова // Современные проблемы теории и практики физического воспитания, спортивных дисциплин и туризма : сб. науч. труд. За материалами I Международной науч.-практ. интернет-конф. 29 февр. 2016 г. / М-во образования и науки Украины, Переяслав-Хмельницкий гос. ун-т.

имени Григория Сковороды. – Переяслав-Хмельницкий. – ФЛП Домбровська Я.М, 2016. - С. 109-115.

10. **Труд и образование на пути к креативному обществу:** [Текст] коллективная монография / под ред. С.З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос. проф. Ун-та, 2014. - 445 с.

ГРНТИ 13.11

УДК 130.2

Чен Мо

Вагнер Александр Константинович

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОЦЕССАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность, моральный идеал, межкультурная коммуникация, идентичность, глобализация

АННОТАЦИЯ. В данной статье авторы обобщают проблемы толерантности в поле межкультурных процессов, которые неизбежны в условиях глобализации современного общества. Обращаясь к проблемам, связанным с идентификацией в ином культурном поле в ракурсе морального идеала толерантности, авторы обосновывают необходимость создания культурных центров, способствующих формированию этого идеала.

Chen Mo

Vagner Alexandr Konstantinovich

THE PROBLEM OF TOLERANCE IN THE PROCESSES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

KEY WORDS: Tolerance, intercultural communication, identity, globalization, geterology.

ABSTRACT. The authors of the article set the main topic as tolerance in intercultural communication. They prove the ne-

cessity of intercultural communication under conditions of world globalisation and modern society reproduction. They view the main problems of identification in other cultural fields and describe the role of tolerance in them.

Современное общество все чаще и чаще побуждает нас участвовать в межкультурных процессах. С одной стороны, в глобализованном мире мало кто может избежать активных перемещений и самореализации в другой, чуждой среде. С другой стороны, индивид сам создает пространство подобного рода для представителя другой культуры в той среде, в которой тот реализует свою жизнедеятельность. Именно поэтому проблематика межкультурной толерантности в условиях глобализации сейчас наиболее актуальна и является залогом «доброе соседства» и создания условий эффективного взаимодействия в рамках общего культурного поля, независимо от того, кто является его «хозяином». Наш век – это воистину «век толерантности», но не в том смысле, что она заняла главенствующую роль в морально-этической структуре личности, а в том, что толерантность максимально важна как для разных сфер общения, так и для процессов социализации.

Социальное бытие представляет собой процесс постоянного воспроизводства образа жизни людей, а коммуникативные процессы являются обязательной частью этого воспроизводства. Обратимся к понятию «межкультурная коммуникация», однако не в узком ее понимании как взаимодействия культур, а в универсальном, который обеспечивает возможность дифференциации и противопоставления Я и Другого.

В условиях глобализации сложно представить такое социальное пространство, которое не включало бы те или иные элементы межкультурного коммуникативного поля и было не наполнено его «переносчиками». Актуальность исследования проблемы толерантности именно в контексте межкультурной коммуникации обусловлена тем, что сего-

дня, при наращивании темпов глобализации, активном развитии коммуникационных технологий и транспорта, массовой миграции, территориально-политической экспансии, с неизбежностью увеличивается частота межкультурных контактов. Неготовность к таким контактам, боязнь чуждой культурной среды, отсутствие навыков межкультурного диалога приводят к множеству конфликтов. Порой подобного рода конфликты происходят из-за того, что люди вынуждены принимать участие в межкультурных контактах, не желая этого. Однако в мультикультурном мире такого рода контактов избежать невозможно: каждый из нас, являясь частью социума, уже невольно вовлечен в процессы межкультурного и межнационального взаимодействия. Решением этой проблемы является формирование стабильного фундамента для толерантного взаимодействия людей в социальной среде, которое позволяет обеспечить стабильность процессов идентификации и самоидентификации, а также уменьшить проявления фактов деструкции дискурса.

Говоря о формировании культур и их взаимодействии, Ж.-Л. Нанси использует понятия «схватка» и «смешение». «В схватке есть НАПЕРЕКОР и НАВСТРЕЧУ, есть то, что подобно, и то, что различается, то, что вступает в контакт, и то, что составляет договор, то, что концентрирует, и то, что рассеивает, то, что отождествляет, и то, что отчуждает – как два пола в каждом из нас» [3, с.224]. Таким образом, именно схватка образует культуру, придает некий импульс ее развитию, а если говорить о схватывающихся, то и составляет конструкционный материал. Но у каждой схватки, как у игры формирующей позитивное культурное поле, должны быть четкие ориентиры и правила, которые во много базируются на принципах толерантности. В ином случае продукт взаимодействия культур будет иметь деструктивный характер или же само взаимодействие, даже не начавшись, будет обречено на провал, на угнетение и

уничтожение «слабого» и стирание его слоя из культурного поля.

Изначально любая культура уже представляет собой некую конфигурацию, сформировавшуюся в результате непрерывной схватки. Ситуация схватки во многом лежит и в основе процессов межкультурной коммуникации. «“Культуры” – то, к чему зывают, – не добавляются друг к другу. Они встречаются, смешиваются, отчуждаются, переконфигурируются. Они окультуривают друг друга, возделывают, орошают или осушают, обрабатывают или прививают друг друга»[3, с.224]. Однако для того, чтобы осознать суть и оценить важнейшую роль толерантности в процессах межкультурной коммуникации, недостаточно удовлетвориться лишь формирующей функцией схватки. Необходимо обратить внимание на межкультурную составляющую, т.е. на функционал самой «смежности» в коммуникации.

Исследуя понятие «смежность» Т.Х. Керимов отмечает: «*Между* – это не просто совокупность коммуникантов и не просто их функция. Это – промежуток между ними, и этот промежуток не редуцируем к ним. *Между* собирает, представляет сингулярности друг к другу. Оно – всегда здесь-и-теперь, собственно пространство-время, опространствование времени не сводится ни к пред-существующим субъектам, вступающим между собой во взаимодействие, которое в любой момент может быть прервано, ни к предсуществующему единству, объединяющему субъектов в новое тождество. ...*между* не сводится к логике субъективности. Это – “третий термин” между я и другим, и он устанавливается как “третий” между нами, децентрируя таким образом я и другого как самотождественных субъектов. Не место, пространство, среда, граница, скорее ничто, *faktum*, данность феномена вообще, чистая идея чистой возможности – собственно, возможности перехода от я к другому, от я к я, “между нами”»[1, с.190]. Именно через это «между» реализуется сама возможность коммуникации и проявляется толерантность.

Безусловно, межкультурное взаимодействие не может проходить стопроцентно гладко, даже если коммуниканты обладают необходимыми компетенциями и общими стремлениями. При этом именно стремление к моральному идеалу толерантности позволяет наиболее эффективно реализовывать любое взаимодействие сторон и учитывать интересы всех участников. Таким образом, моральный идеал выступает своеобразным всеобщим мерилом, идеальным арбитром, вынесенным вовне пространства культурного поля. «Моральный идеал толерантности вовсе не требует согласия со всем существующим, но устанавливает два основных ограничения: во-первых, следует отвергать то, что противоречит моральному основанию, на котором основывается идеал толерантности, а именно – уважению ко всем людям как полноправным моральным субъектам; во-вторых, следует отвергать все противоречащее самому идеалу толерантности, т.е. нельзя толерантно относиться к разрушению толерантности. Гарантируя свободу выражения неприемлемого, или нетолерантного, мнения, субъект толерантности укрепляет свои собственные ценности. Толерантность также не означает отсутствия верности своим убеждениям. Запрещено подавлять иные убеждения, но вовсе не требуется их разделять»[4, с.19]. Однако при этом нужно иметь четкое понимание того, что в процессе межкультурной коммуникации невозможно абстрагироваться от культурного контекста, т.к. именно понимание последнего обуславливает успешность коммуникации. «Недостаточное знание особенностей других религий и культур подчас приводит к печальным последствиям, к неспособности устанавливать взаимоприемлемые отношения вследствие непонимания сути дорогих для последователей иных культур нравственных ценностей, норм поведения, объектов поклонения. Это становится причиной глубоких обид, оскорблений и – особо подчеркнем – дополнительным предлогом для экстремистских и террористических сил» [2, с.24]. Именно поэтому очень важно не просто актуализиро-

вать необходимость толерантного взаимодействия в пространстве межкультурной коммуникации, а целостно описывать механизмы и условия этого пространства, с учетом взаимовлияния культур и их представителей. Необходимо наладить процесс изучения культурных слоев и доступ к ним непосредственно до вступления в коммуникацию. При этом каждый участник должен не просто демонстрировать готовность к толерантному общению, а предварительно формировать свою культурологическую компетенцию (знание особенностей другой культуры и контекстов взаимодействия). Но для этого необходимы специальные социальные институты, создание культурных центров со свободным доступом для всех желающих. Приходя в такой центр, человек попадает в иное культурное поле, не совершая перемещений на большие расстояния. В подобном культурном поле он может получить адекватные сведения, транслируемые представителями той или иной культуры и верифицированные патронажем на государственном уровне. В таком центре любой человек получает уникальную возможность совершенствовать навыки межкультурной коммуникации и межкультурной толерантности в искусственных условиях. В создании таких центров, в первую очередь, должны быть заинтересованы те страны и их культурные представительства, которые активно взаимодействуют с Россией в рамках долгосрочного планирования. Одним из таких центров, увеличивающих масштабы и эффективность межкультурного взаимодействия, является «Школа Конфуция» в рамках международного проекта Российского Государственного профессионально-педагогического университета с российской стороны и Международного радио Китая - с китайской стороны.

Делая выводы, можно сказать, что даже при наличии морального идеала толерантности и обоюдных стремлений к нему, коммуникация не всегда эффективна. В известной мере это объясняет теория толерантности. Кроме уже давнего спора между коммунитаристами и представителями так называемой «теории различия», существуют серьезные

проблемы, связанные с характеристиками и ценностью толерантности в обществе в эпоху глобализации и мультикультурализма. Исходя из этого, стремление к моральному идеалу толерантности не может выступать панацеей от всех «болезней» современного мультикультурного общества, но, безусловно, уменьшает проявления деструкции дискурса. Помимо аксиологических установок, необходима поддержка развития межкультурной коммуникации на государственном уровне, в том числе - реализация проектов культурных центров, позволяющих совершенствовать навыки толерантного общения, получать достоверные знания о той или иной культуре и расширять репертуар соответствующих компетенций.

Список литературы:

1. **Керимов, Т.Х.** Неразрешимости [Текст] / Т.Х. Керимов. - М.: Академический Проект; Трикста, 2007.
2. **Мчедлов, М.П.** Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа [Текст] / М.П. Мчедлов // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах - М.: Институт социологии РАН, 2008. - С. 13-33.
3. **Нанси, Ж.-Л.** Бытие единичное множественное [Текст] / Ж.-Л. Нанси // Пер. с фр.: В. В. Фурс / Ред. Т. В. Щитцова. Минск: Логвинов, 2004.
4. **Степанова, Е.А.** Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях [Текст] / Е.А. Степанова // Курс лекций: в 2 т. Т.1. История идеи толерантности. Екатеринбург, 2008.

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «НЕБЫТИЕ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: небытие, бытие, ничто, сущее, экзистенция.

АННОТАЦИЯ. Автор обращается к проблеме небытия. Исходя из интенциональности сознания рассматривает небытие прежде всего как понятие и пытается очертить контуры его содержания. В результате приходит к выводу о возможности его двоякого толкования: небытие в онтологическом смысле и небытие в логическом смысле.

Shpeka Konstantin Alexandrovich

THE PROBLEM OF THE CONCEPT OF NON-BEING

KEY WORDS: non-being, being, nothingness, existence.

ABSTRACT. The author addresses the issue of non-existence. Based on the intentionality of consciousness is considering non-existence primarily as a concept and trying to outline its content. As a result, he comes to the conclusion about the possibility of double interpretation: non-being in the ontological sense and the non-being in the logical sense.

Размышления по поводу соотношения таких фундаментальных философских категорий, как бытие и небытие сопряжено с крайней сложностью. «Говоря о ничто, мы начинаем испытывать трепет неведомого и манящего, пугающего своей неопределённостью и погружённостью в вечность» [1, с. 26].

Такое размышление может показаться бесплодным. Однако основополагающее значение для любой онтологии диалектической взаимосвязи понятий бытие и небытие неос-

порим. В связи с этим мы склонны оценивать как достойную внимания точку зрения, согласно которой «человечество всё ещё прячет голову под крылышко своей культуры, культуры бытия <...> не только страх перед небытием, но и трудности, связанные с его пониманием, заставляют человека творить «культуру бытия».[10, с. 321].

Кажущаяся бесплодность попыток выявить содержание понятия небытие, возникает в силу отсутствия у небытия предметного характера. Ведь мысль имеет интенциональный характер, т. е. должна быть направлена на нечто сущее, пусть даже не обладающее эмпирической природой. В этом отношении стоит согласиться с М. Хайдеггером, обратившегося к проблеме ничто в поздний период своего творчества. «То, на что направлено наше мироотношение, есть само сущее – и больше ничто. То, чем руководствуется вся наша установка, есть само сущее – и кроме того ничто. <...> Как обстоит дело с этим Ничто? Случайность ли, что мы невзначай вдруг о нём заговорили? Вправду ли это просто манера речи – и больше ничто?» [9, с.17].

Попытка обойти стороной, проигнорировать вопрос о небытии невозможна как раз таки в силу предметного, интенционального характера сознания: как можно вести речь о том, чего нет? Однако мы ведь заговариваем о нём. В то же время, с другой стороны, неправомерным оказывается сведение небытия к предмету мысли в том плане, что в таком случае небытие становится чем-то, обладающим предикатом существования и превращается таким образом в инобытие. Совершенно очевидно, что любая из возможных попыток определения понятия «небытие» оказывается втянутой в противоречие, «ибо, с одной стороны, того, что отлично от бытия не существует, а с другой стороны, необходимо положительное наличие такого не существующего, ведь именно в нём предстоит обнаружиться бытию за пределами сущности»[5, с.19].

Само бытие предстаёт перед нами не иначе как простая, непосредственная данность сущего в виде единичностей,

имеющихся в действительности. Но, не смотря на это, бытие ускользает от рассудка за ширмой сущего, оставляя как приманку только одну связку «есть», которая сама не есть эмпирический феномен.

«Что такое Ничто? Уже первый подступ к этому вопросу обнаруживает что-то непривычное. Задавая такой вопрос, мы заранее представляем Ничто как нечто, которое тем или иным образом «есть» - словно некое сущее. Но ведь как раз от сущего Ничто абсолютно отлично» [9, с.18].

Таким образом, следует понимать «ничто» в двояком смысле: логическом (можно его назвать и гносеологическим) и онтологическом (данный же аспект может именоваться экзистенциальным, хотя такое определение не является окончательным). В первом смысле данное понятие тесно смыкается по своему содержанию с логическим отрицанием, возникающем при определении смыслов тех или иных явлений. Иначе говоря, в этом аспекте небытие предстаёт как разграничение содержания понятий, их сопоставление со своим иным, внешним по отношению к определенной сущности. «Если бы кто-нибудь считал более правильным противопоставлять бытию не ничто, а небытие, то, имея в виду результат, нечего было бы возразить против этого, ибо в небытии содержится соотношение с бытием» [3, с. 70].

Однако, находясь на ступени столь абстрактного мышления, осознание необходимого характера противопоставления и, как следствие, отрицания, основывающегося на нём, не носит чётко оформленного характера. Другими словами, эти предельно отвлечённые понятия не соотносятся с некими реальными нечто. Поэтому речь следует вести только о чистом отрицании, негации, не касающейся существенных признаков определяемого явления. По большому счёту это происходит потому, что таких признаков просто нет. И такое положение дел носит само собой разумеющийся характер. Ведь «прежде всего речь должна

идти не о форме противопоставления, т. е. одновременно о форме *соотношения*, а об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто, взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании, - что, если угодно, можно было бы выразить также и простым *не*» [3, с.71].

По большому счёту, логическое отрицание представляет собой не что иное, как реальное различие сущностей. «Бытие есть – *это* и вне этого – *ничто*» [7, с. 44]. Взаимное отрицание приводит к диалектическому единству понятий. В случае основополагающих понятий бытие и небытие данное единство обнаруживает себя как субстанция. При этом: субстанция не есть совокупность своих акциденций. Сама по себе субстанция представляет полнейшую нерасчленённость, монолитность, лишённую какой-либо соотносённости с другим, иначе говоря, абсолютную тождественность. На языке системы объективного идеализма Г. Гегеля, подобный факт нашего сознания называется «в себе бытием».

Без труда можно заметить, что это положение в последствии было позаимствовано Ж.-П. Сартром при осмыслении феномена бытия. «<...> бытие есть в себе, это значит, что оно не отсылает к себе как сознание себя: оно есть *это себе*, <..> бытие *для себя*, напротив, определяется как сущее тем, что оно не есть, и не сущее тем, что оно есть» [7, с.38]. Таким образом, небытие выступает в качестве своеобразного «дифференциала»: бытие «этим» уже подразумевает собой небытие «тем». В таком случае небытие выступает как ничто, т. е. простое отрицание одной сущности (что) другой (ничто).

Однако в таком случае сам собой возникает вопрос: отрицание порождает ничто или же наоборот ничто выступает как база для отрицания? На первый взгляд может показаться, что вторая формулировка является совершенно некорректной. Ведь вопрос, задаваемый человеком, ещё не суждение, а он уже полагает альтернативу ответа. Таким образом, небытие может возникать только на основе бы-

тия, пусть даже и не в рациональной (понятийной) форме. Подобный ход мысли, на наш взгляд, не способен в полной мере решить вопрос о соотношении бытия и небытия в пользу первичности бытия. Помещённая в таковой контекст, проблема может приобрести смысл схоластической полемики по поводу того, что появилось раньше, яйцо или курица?

В этом смысле Сартром подвергается критике диалектическая концепция ничто, интерпретируя которую он считает, будто ничто полагается бытием, а затем его отрицает. Но диалектическая концепция не содержит такого однозначного утверждения. И в самом деле, Сартр утверждает, что «какой бы ни была первоначальная нерасчленённость бытия, небытие есть та же самая нерасчленённость подвергнутая отрицанию». Зато подобное утверждение позволяет исходный тезис «вывернуть наизнанку» и сказать, что бытие полагается небытием и впоследствии им отрицается. Более того, отрицание-то как раз и возникает в момент расчленения. И первым шагом этого расчленения как процесса является распадение на наиболее отвлечённые стороны противоречия: бытие-небытие. Сказать о них в таком случае можно только, что они взаимно отрицательны по отношению друг к другу. И посему, на наш взгляд, наиболее корректной формулировкой при экспликации их смысла будет следующая. Бытие это отрицание небытия, а небытие это отрицание бытия.

Другой аспект понимания «небытия», онтологический, во главу угла ставит конечность, временность существования. Ведь вряд ли кто будет спорить, что человеком весьма болезненно переживается осознание своей смертности. Следовательно, ничто так не может тревожить человека, как осознание своей негационности в форме пространственной и временной конечности, смертности. «Человек не может жить вечно. Смерть есть необходимое биологическое условие сменяемости индивидов, без которой человеческий род превратится в огромный инертный монолит.

<...> Смерть может рассматриваться только или в своём отношении к жизни, или по аналогии с ней» [8, с.167].

В связи с этим следует отметить, что страх смерти, мучительное переживание своей конечности – явление исключительно человеческое: Вот почему мы должны согласиться с М. В. Шугуровым, который совершенно справедливо отмечает по данному поводу: «Бытие Человека актуализирует проблему небытия. Лишь человек остро её переживает»[11, с. 109].

Осознание временности своего существования, именуемого жизнью, преследует человека с момента обретения целостности своего самосознания. «Человек в отличие от всех других живых существ, сознаёт свою смертность» [2, с. 617]. Осознание своей смертности зачастую не обладает характером теоретической отвлечённости. Однако оно отчетливо и на уровне рассудочности обыденного мышления.

Заметим: смерть не является явлением исключительно внешним по отношению к человеку. Она обладает имманентным экзистенции характером. Именно сталкиваясь лицом к лицу со смертью, осознавая свою конечность, порождённую самостийностью единичности, человек в полной мере начинает реализовывать свою потенцию к трансцендированию. Под последней мы склонны понимать способность к абстрактному мышлению и творчеству вообще, выводящему человека за рамки своей единичности. Трансцендирование в этом смысле - поиск всеобщего основания мира в первую очередь в виде философских категорий, обладающих наиболее обобщённым характером.

В свете всего сказанного, становится очевидным, что проблема смерти в экзистенциальной философии так или иначе актуализирует проблему соотношения бытия и небытия. Тем не менее, если даже подойти к рассмотрению «вплетённости» смерти в жизнь с позиций классической онтологии, то и в этом случае роковой вопрос о смерти не утрачивает своего значения. Конкретность сущего воз-

можно благодаря единству субстанции и её отчуждением в своих акциденциях (в материальном и духовном), своём ином, инобытии и возвращению к себе в результате рефлексии. Под рефлексией здесь следует подразумевать «существенное и принципиальное действие разума по возвращению к себе самому благодаря отражению от границы, полагаемой между ним и миром в процессе познания» [6]. Единство субстанции обнаруживает себя в единстве самосознания, которое не возможно без соотнесения со своим иным. «Конечное, таким образом, состоит в отношении к своему другому, которое является его отрицанием и представляет собой его границу. Но мышление находится у самого себя, соотносится с самим собой и имеет своим предметом само себя. «Я», мышление, согласно этому, бесконечно, потому что оно в мышлении соотносится с предметом, который есть оно само» [4, с. 135].

Таким образом, происходит снятие противоречия между субъективной и объективной реальностью. Это возможно при учёте объективного характера мысли. В кантианской философии совершенно справедливо придаётся «мыслительному» характер объективного. Однако в то же самое время «... согласно Канту, мысли, хотя и суть всеобщие и необходимые определения, всё же лишь *наши мысли* и отделены от того, что есть вещь в себе, непроходимой пропастью. Истинная бесконечность состоит, напротив, в том, что мысли суть не только наши мысли, но и одновременно *в себе* вещей и предметного вообще» [4, с. 156].

В связи с этим на первый план выходит абсолютность мышления, проявляющаяся в реальной действительности в виде субъективного духа, человеческого, индивидуального интеллекта. «“Я” есть, таким образом, как бы плавильная печь, огонь, который пожирает безразличное друг другу многообразие и сводит его к единству. <...> Абсолютное, как бы по своей доброте, отпускает от себя единичности, что бы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство

[4,с. 158]. «Я» является тождественным Абсолюту. Всё содержится в нём, оно возвращает всё к абсолютному единству посредством самосознания.

На основании всего сказанного, можно заключить, что небытие в онтологическом смысле тесно связано с небытием в логическом смысле, как основание и следствие. Первое манифестирует себя как временность явлений, что проявляется в сознании уже в его дологической форме в виде наглядного образа смерти. Второе обнаруживается как логическое отрицание, детерминирующий всё многообразие фактов сознания.

Список литературы:

1. **Бытие:** [Текст] Коллективная монография / Ответ. ред. А. Ф. Кудряшёв. – Уфа : Изд-во УЮИ МВД РФ, 2000. – 259 с..
2. **Гайденок, П. П.** Смерть [Текст] / П.П. Гайденок// Философский энциклопедический словарь. - М. : Советская энциклопедия, 1983. – 860 с.
3. **Гегель, Г.В.Ф.** Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель – СПб. : Наука, 2002. – 800 с.
4. **Гегель, Г.В.Ф.** Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М. : Наука, 1975.
5. **Реутин, М.Ю.** Учение о форме у Майстера Экхарта: К вопросу о сходстве богословских учений Иоанна Экхарта и Григория Паламы.[Текст] / М.Ю. Реутов - М. : РГГУ, 2004. – 88 с.
6. **Романенко, Ю.М.** Понятия «рефлексии» и «спекуляции» в античной философии [Текст]/ Ю.М. Романенко // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. – СПб., 2000 /URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/51854p.html>
7. **Сартр, Ж.-П.** Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии.[Текст] / Ж.-П. Сартр – М. : Республика, 2000. – 639 с.
8. **Сиверцев, Е.Ю.** Биологический, религиозный и философский аспект понимания смерти[Текст] / Е.Ю. Сиверцев

// Философия о предмете и субъекте научного познания. - СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 167 – 180.

9. **Хайдеггер, М.** Что такое метафизика? [Текст] / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М., 1993.

10. **Чанышев, А.Н.** Трактат о небытии [Текст] / А.Н. Чанышев// АУМ. – 1990. - №4.

11. **Шугуров, М.В.** Усталость от культуры и судьба метафизического долга [Текст] / М.В. Шугуров// Метафизические исследования. Выпуск 5. - СПб., 1997.

ГРНТИ 02.71

УДК 246.7

Шумихина Людмила Аркадьевна

ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ИКОНЫ: МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: икона, философема, методология интерпретации, обратная перспектива, философско - мировоззренческая парадигма.

АННОТАЦИЯ. Рассматривая русскую икону как христианскую философему, автор обращается в статье к методологии интерпретации иконы, предложенной в трудах П.А. Флоренского, предварительно проанализировав варианты интерпретаций в современных исследованиях на примере «обратной перспективы» как символа. В итоге в статье доказывается, что «обратная перспектива» имеет в иконе особую смысловую нагрузку, в результате чего икона может быть рассмотрена как новая философско - мировоззренческая парадигма христианской культуры.

PHILOSOPHY OF RUSSIAN ICON: THE METHODOLOGY OF INTERPRETATION

KEY WORDS: icon, philosopheme, methodology of interpretation, reverse perspective, philosophical - ideological paradigm.

ABSTRACT. Considering the Russian icon as Christian philosophy, the article author refers to methodology of interpretation of the icon, proposed in PA Florensky works. Author of the article previously analyzed options interpretations in modern research on the example of "reverse perspective" as a symbol. As a result, the article argues that the "reverse perspective" in the icon has a special meaning, with the result that the icon can be viewed like the new philosophical - ideological paradigm of Christian culture.

Источники философской культуры Древней Руси – оригинальные сочинения, созданные древнерусскими авторами – летописцами, ораторами, писателями. Летописные своды – это и высокий уровень образованности, и собственное понимание философии истории. Источники философско-мировоззренческих идей такого рода – сочинения Кирилла Туровского, Климентия Смолятича, Даниила Заточника, Феодосия Печерского, Владимира Мономаха. А «Слово о полку Игореве» - не только выдающийся историко-художественный памятник литературы, но и сочинение глубоко философичное.

Философские взгляды Древней Руси свидетельствует о рождении новой философско-мировоззренческой парадигмы Руси. Человек средневековья, в отличие от предшествующей эпохи, в философствовании ищет свою духовную сущность, поэтому духовность становится центральной проблемой сочинений.

Если Византия во время христианизации Руси «философовала словом», то русская философия – это не только сочинения и трактаты, но также и особые философемы – модели философского мировоззрения: храм как «иконосфера» [3], икона как христианский космос, богослужebное пение как выражение «христианского преобразования сознания» [3, с. 203].

Особое значение в формировании христианского мировоззрения имела русская икона, манифестировавшая в XIV веке о появлении нового измерения в мировой духовной культуре.

Согласно канону, икона всегда содержит изображение и надпись: имя изображенного лица, и тем самым подчеркивается соединение слова и образа [2, 5]. К тому же, икона пишется на основании либо текста из Священного Писания (Ветхий или Новый завет), либо Священного Предания (жития святых), и поэтому можно утверждать, что икона – это единство слова и образа.

Религиозно-философское осмысление новой философемы началось сравнительно недавно – лишь в XIX веке. Почему же философия иконы появляется так поздно по сравнению с самим древним искусством? Традиционно иконописцы принимали обет молчальничества (исихазма). Русь по поводу икон того времени тоже молчала. Принявшая христианство, она, скорее всего, не нуждалась во внешнем вербальном выражении его духа и его смыслов. Иконопись же стала сокровенной символической формой принятия духа православия. Впоследствии иконопись развила у русских естественность символического мировосприятия во всех сферах бытия: от ментальных структур повседневности до таких форм человеческого духа, как наука, философия, искусство.

Икона делала ненужными схоластику и богословие как теоретическую дисциплину, ибо у человека, находящегося в храме (иконосфере), каждый жест, слово или его музыкальное исполнение (богослужebное пение) уже были бо-

гословием. Вот почему XV век – век расцвета древнерусской святости не дал ни одного богословского труда. Надобность же в богословии на Руси (в России) возникает лишь тогда, когда появляется опасность, угрожающая бытию иконосферы, то есть в век принятия Россией просвещенческой парадигмы цивилизационного развития (конец XVIII в.). И если в XVI – XVII веках икона и была предметом церковно- богословской рефлексии то, в лучшем случае, работы писались на тему, «прогрессивной» техники письма икон (Иван Висковатый, Иосиф Владимиров, Симон Ушаков).

Таким образом, на путях вербального определения и выражения смысла визуальных образов православия – икон – философия русской религиозной мысли продвинулась весьма незначительно, пока в XIX – начале XX в. не появились работы трех мыслителей – А.Н. Виноградова, Е.Н. Трубецкого и П.А. Флоренского. В аспекте философской методологии интерпретации особо следует выделить работы Е.Н. Трубецкого [5] и П.А. Флоренского [9], которые явились ключом к пониманию символики русской иконы, к её религиозно-эстетическому восприятию и философско-богословскому постижению. Методология их подхода была схожа и позволяла целостно, с учетом духовного опыта Древней Руси понять и оценить иконопись как уникальное явление мировой духовной культуры. Специфику этой методологии Е.Н. Трубецкой называл «единством художественно-религиозных прозрений». Работы Е. Трубецкого и П. Флоренского были первым серьезным опытом философской интерпретации смысла иконы, посредством которой им удалось не только соединить религиозного и эстетического её постижения, но и открытие новых философских уровней символики русской иконы. Какая бы проблема иконописи в их трудах ни рассматривалась, она звучала обязательно не только как религиозно-эстетическая, но и как философская.

В отличие от работ Трубецкого и Флоренского, исследования последующих авторов XX-го века в своей методологии либо исключительно предметны (икона рассматривается лишь как вид древнерусской живописи), либо церковно догматичны. Разная методология интерпретаций порождает разное понимание символики образов иконы и иконографических сюжетов.

К примеру, в интерпретации особенности изображения перспективы в русской иконе, представляющей собой религиозно-художественный символ, на сегодняшний день существует четыре подхода:

1. Обратная перспектива – это соединение в изображении нескольких точек зрения с тем, чтобы соблюсти требования церковного канона [6].

2. Обратная перспектива – это суммирование зрительного впечатления, «включая взгляд «изнутри» предметного мира, изображаемого на иконе» [7, с.248-249].

3. Обратная перспектива – не есть условность, а реальное видение предметов художником, от которого нас отучили образование и обучение [4].

4. Обратная перспектива – обязательный символ иконы, означающий «узкие врата» в Царство Божие [8].

В трёх первых подходах, в том числе и в концептуальном обосновании Б.В. Раушенбаха, икона рассматривается только как произведение живописи, не более. Это обстоятельство вынуждает авторов оставаться на позициях внешнего, формального объяснения. В подходе Б.В. Раушенбаха обратная перспектива объясняется естественным зрительным восприятием, чем категорически опровергается объяснение её лишь спецификой требований церковного канона, на чем настаивают Д.М. Угринович и Б.А. Успенский. В результате Раушенбах, ограничившись предметным подходом, тоже не улавливает христианского смысла обратной перспективы в иконе.

Возвращаясь к проблеме содержательного духовного смысла иконы, следует отметить, что увлечение формаль-

но-изобразительной проблемой иконописи привело всех троих авторов к тому, что ими упущено из виду миропонимание средневекового художника-иконописца, для которого мир трансцендентный более реален, чем здешний, предметный. И он «постигает» его, а не просто отражает. Поэтому для понимания иконописи нужен не только предметный анализ, который представлен во всех трех концепциях.

Посредством философской методологии в интерпретации символики обратной перспективы в иконе П.А. Флоренский точнее всех подходит к объяснению символики обратной перспективы. Философско-методологические установки мыслителя таковы: мысленно проследив путь в развитии живописи в ключе изображения перспективы у древних египтян и китайцев, он приходит к выводу, что «истинность бытия» - не главная задача религиозного искусства, так как у него есть высшее требование – дать в иконе «истинное слово мира» христианского вероучения. Поэтому отступление от правил линейной перспективы – это плодотворный художественный расчёт, так как любая живопись имеет задачей не дублировать действительность, но дать наиболее углубленное постижение её архитектоники и её смыслов. А потому обратная перспектива, по Флоренскому, - напоминание об «узкой двери» к Богу. Таким образом, методология интерпретации символики иконы с высот философско-исторических позволила П.А. Флоренскому осмыслить проблему обратной перспективы целостно, с учетом, в том числе, и её христианского смысла. Интерпретация П. Флоренского основана также на ключевой идее православной персонологии о том, что главное «онтологическое достоинство» человека реализуется через самосовершенствование духа. Смысл этой идеи у православных мыслителей (П.А.Флоренский, В.Д. Кудрявцев-Платонов и др.) восходит к христианскому пониманию сущности человека, как Образа и подобия Божия. Икона же – это образ, который таинственным способом соединяет

человека с первообразом. И если для католиков икона – лишь иллюстрация к Священной истории, как выражался еще папа Лев I, иконы – «это Библия для неграмотных», [цит. по: 1,13], то для православных христиан икона – это молчаливая философия, возвещающая о существовании христианского космоса и о причастности человека к нему.

Предложенная П.А. Флоренским религиозно-философская методология интерпретации русской иконы, безусловно, обогащает современную науку об этом феномене культуры, представляющем золотой запас нашей духовности, и сегодня существует научная необходимость развития этой методологии в различных областях исследования – философии культуры, эстетике, искусствоведении.

Список литературы:

1. **Егорьевский, М.** Православное паломничество: содержание понятий [Текст] / М. Егорьевский // Православный паломник. 2004. - №6 (19). – С. 5 – 11.
2. Иконописный образ Господа нашего Иисуса Христа. Предисловие [Текст] // Образ Христа Спасителя. М. : Олма, 2011. – 184 с.
3. **Мартынов, В.И.** Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси [Текст] / В.И. Мартынов. – М. : Прогресс-традиция; Русский путь, 2000. – 224 с.
4. **Раушенбах, Б.В.** Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. [Текст] / Б.В. Раушенбах - М.: Наука, 1986. – 256 с.
5. **Трубецкой, Е.** Россия в ее иконе; Его же. Два мира в древнерусской иконописи; Его же. Умозрение в красках [Текст] / Кн. Е. Трубецкой. // Три очерка о русской иконе. - Новосибирск. 1991.
6. **Угринович, Д.М.** Искусство и религия: (теоретический очерк) [Текст] / Д.М. Угринович -М. : Политиздат, 1982. – 287 с.

7. **Успенский, Б.А.** Семиотика иконы [Текст] / Б.А. Успенский // Семиотика искусства. - М. : Языки русской культуры. 1995. – 360 с.
8. **Успенский, Л.А.** Богословие иконы православной церкви. [Текст] / Л.А. Успенский- М., 2005.
9. **Флоренский, П.** Иконостас. Избранные труды по искусству. [Текст] / П. Флоренский- Спб : Мифрил-Русская книга, 1996. – 373 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарова Ю.О. - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теоретической и практической философии, философский факультет, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина.

Azar2005@yandex.ru

Алексеева В.А. - доктор философских наук, профессор, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Анапе ava-a63@mail.ru

Андрюнина А.С. - кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета ahahhac@yandex.ru

Баринава Е.С. - аспирант кафедры психологии образования Уральского государственного педагогического университета barinovaes@yandex.ru

Бартош Д.С. - магистрант Института математики, физики, информатики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Bartosh92@mail.ru

Беляева Л.А. - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета labelyaeva278@mail.ru

Бендюков А.Б. - магистрант Института математики, физики, информатики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева arekosandoru_oyasumi@ya.ru

Блинов А.Г. - магистрант Факультета руководящих кадров Академии государственной противопожарной службы МЧС РФ (г. Москва) Заместитель начальника управления гражданской защиты Уральского регионального центра МЧС РФ (г. Екатеринбург), полковник внутренней службы.

and02041978@yandex.ru

Блинова О.А. - кандидат философских наук, доцент, зав.

кафедрой философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, olesyablinova79@yandex.ru

Борисов С.В. - доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Челябинского государственного педагогического университета, borisovsv69@mail.ru

Бухарцева Н.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Института социального образования Уральского государственного педагогического университета.

bukhartseva_nata@mail.ru

Вагнер А.К. - магистр философии, преподаватель ЦДО «Школа Конфуция», Wagner-aleksandr@yandex.ru

Воробьева М.А. - кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и менеджмента Уральского государственного педагогического университета, vogobyeva_marina@mail.ru

Вотченко И.А. - кандидат юридических наук, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии государственной противопожарной службы МЧС РФ (г. Москва).

Гаврилов М.А. - аспирант кафедры философии и культурологии Челябинского государственного педагогического университета. Учитель физики МОУ СОШ № 121, г. Челябинска, super.mig1212@ya.ru

Гончаров С.З. - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и искусствоведения Института психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, gsz2004@mail.ru

Горбунова Н.Е. - аспирант кафедры логопедии и клиники дизонтогенеза Института специального образования Уральского государственного педагогического университета, Natalygorbunova@mail.ru

Горбунова Ю.А. - кандидат философских наук, доцент

кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, semenovaua2008@yandex.ru.

Даутов Д.М. - магистрант Факультета руководящих кадров Академии государственной противопожарной службы МЧС РФ (г. Москва). Заместитель начальника специализированного управления ФПС МЧС России (г. Северск, Томская обл.), подполковник внутренней службы ir_seversk@sibmail.com

Дронов Д.С. - магистрант Института математики, физики, информатики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, dronikool@ya.ru

Дыдров А.А. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, zenonstoik@mail.ru

Жамбацэрэн Намжилсурэн - магистрант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Namjaa2010@yahoo.com

Забара Л.И. - кандидат филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, начальник научно-исследовательской части Уральского государственного педагогического университета, Rni221@yandex.ru

Ивачев З.П. - аспирант кафедры социологии и политологии Уральского государственного педагогического университета, zaharaspirant@gmail.com

Изгагина О.А. - магистрант кафедры художественного образования Института музыкального и художественного образования Уральского государственного педагогического университета, po4ta@lenta.ru

Изгагина Ю.А. - магистрант кафедры художественного образования Института музыкального и художественного образования Уральского государственного педагогического университета, yulyaizgagina@mail.ru

Изместьев Н.С. - магистрант Института математики, физики, информатики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,

NikitaIzmestev@ya.ru

Исаков А.А. - доцент кафедры истории и обществознания историко-филологического факультета ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Арзамаский филиал, Blauer-Reiter@yandex.ru

Князева О.И. - магистрант Института педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета, oxana.knyazeva@mail.ru

Летягин Л.И. - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры фтлософии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, let52@mail.ru

Макарова А.А. - магистрант исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, italiano25@mail.ru

Марамзина Н.Ю. - магистрант Института психологии Уральского государственного педагогического университета, n.maramzina@mail.ru

Меняева М.П. - кандидат культурологии, доцент кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры, mieniaieva73@mail.ru

Михайловская Н.М. - руководитель методического объединения учителей изобразительного и декоративно-прикладного искусства Железнодорожного района г. Екатеринбурга, учитель мировой художественной культуры высшей категории, nadm57@yandex.ru

Невелева В.С. - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Челябинского государственного института культуры, kaf-fil@chgaki.ru
vsneveleva@mail.ru

Новикова О.Н. - кандидат педагогических наук, доцент зав. каф. философии Уральского государственного лесотехнического университета, oksnovi@mail.ru

Пеннер Р.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), penner.r.v@gmail.com

Плотников И.В. - аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета plotnik93@rambler.ru

Ромашенко М.А. - кандидат философских наук, доцент, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., buk42@rambler.ru

Ромашенко А.А. - кандидат философских наук, доцент, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., romaschenko_al@mail.ru

Руженцева Н.Б. - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, VERBALIS@mail.ru

Самкова В.А. - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного дела, проректор по Инновационному развитию и коммуникациям Академии туризма и международных отношений, alina.artbog@yandex.ru

Сигнаевская О.Р. - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, signaevskaya2011@yandex.ru.

Стрельчук Т.А. студентка исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, Strelchuk-95@mail.ru

Сысоева Ю.А.- магистрант кафедры «Организация работы с молодежью» Института физической культуры, спорта и молодежной политики ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», julsya@yandex.ru

Фадейкин Ф.Н. - аспирант кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, filipp.fadeikin@yandex.ru

Чен Мо - магистрант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации. chengmo@yandex.ru

Чугаева И.Г. - кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, irinachugaeva555@mail.ru

Шалагин Н.Ю. - студент факультета социологии Института социального образования Уральского государственного педагогического университета, Nikolajj555@gmail.ru

Шпека К.А. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института менеджмента и права Уральского государственного педагогического университета, kshpeka@mail.ru

Шумихина Л.А. - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и СКД, Департамент искусствоведения и культурологии ИГНИ, УрФУ, shim@isnet.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Материалы XV Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

Компьютерная вёрстка: И.Г. Чугаева

Философия и наука: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Екатеринбург, 21 апреля 2016 г. / под ред. Л.А. Беляевой и О.А. Блиновой / ООО «Вектор-Плюс» – Екатеринбург, 2016. – 360с.

